В. Н. Волков

Воспоминания старого москвича

в 2 книгах

Москва
2007 год

Детям и внукам посвящается

Моя малая родина

Книга 1

Пролог

У каждого человека есть Родина. Родина, – это страна, в которой ты родился, жил и живешь. Родина, – это тот населенный пункт и дом, в который тебя привезли из роддома, а может быть, ты в этом доме и родился. Родина–это та улица, переулок, площадь, окружающие поля, леса, речка, что увидел ты своими широко раскрытыми глазенками в начале своего жизненного пути. Это то, где ты начал ползать, вставать, ходить, прыгать. Где ты впервые собственными ножками вышел на крыльцо или из подъезда и, как говорится, пошел. И у каждого это свое собственное, сокровенное. О том, что такое Родина, хорошо сказал мой любимый поэт и писатель Константин Симонов в своем стихотворении «Родина», написанном во время Великой Отечественной Войны, в 1942 году.

«Касаясь трех великих океанов,
Она лежит, раскинув города,
Покрыта сеткою меридианов,
Непобедима, широка, горда.

Но в час, когда последняя граната
Уже занесена в твоей руке
И в краткий миг припомнить разом надо
Все, что у нас осталось вдалеке,

Ты вспоминаешь не страну большую,
Какую ты изъездил и узнал,
Ты вспоминаешь родину – такую,
Какой ее ты в детстве увидал.

Клочок земли, припавший к трем березам,
Далекую дорогу за леском,
Речонку со скрипучим перевозом,
Песчаный берег с низким ивняком.

Вот где нам посчастливилось родиться,
Где на всю жизнь, до смерти, мы нашли
Ту горсть земли, которая годится,
Чтоб видеть в ней приметы всей земли.

Да, можно выжить в зной, в грозу, в морозы,
Да, можно голодать и холодать,
Идти на смерть... Но эти три березы
При жизни никому нельзя отдать».

Конечно, я родился в Советском Союзе, как это там поётся у Олега Газманова, – «Вышли мы из СССР», и эту страну я считал и считаю своей большой Родиной. Но есть у меня Родина и поменьше, – это моя Москва, – «Дорогая моя

столица, золотая моя Москва» – это тоже из песни, ведь именно в ней я родился и прожил практически всю жизнь, за исключением двух военных лет. Но есть совсем маленькая Родина, это те места, где я родился, и где прошло мое детство, у К. Симонова об этом очень хорошо сказано.

Кудринская округа

Площадь Восстания — Кудринская площадь

Мне давно хотелось рассказать об этой моей маленькой Родине, о доме, площади, улицах и переулках где прошли годы моего младенчества и детства. И будут у меня не «Клочок земли, припавший к трем березам», а дом на площади припавший к бульвару с вековыми липами и дубами, не «Далекая дорога за леском», а улицы и переулки, утопающие в зелени, не «Речонка со скрипучим перевозом», а Москва–река с Бородинским и другими мостами, и не «Песчаный берег... », а Трехгорские холмы и постепенно обрамляемые в гранит набережные Москва–реки. Но начну я с Площади Восстания–Кудринской, так уж получилось, что родился я и провел первые годы своего детства на этой площади. И тогда подошли бы слова из песни «Вот эта улица, вот этот дом, вот эта девушка, что я влюблен. Ну, о девушках речи не будет, а о Площади, пожалуй, начнем. Площадь эта после революции называлась – площадь Восстания, а до и теперь Кудринская площадь. На этой площади до конца 1937 года стоял дом № 1 или, как еще его называли, «Дом страхового общества «Россия» на Кудринке».

В этом доме, в квартире № 10 жила наша семья: я, моя мама Анна Александровна, мой отец Николай Георгиевич, мой старший брат Сева, моя тетя Ада – сестра мамы, и моя няня – Груня. Собственно говоря, в этой квартире все, кроме меня, тети Ады и няни жили еще до революции и занимали тогда всю эту квартиру из семи жилых комнат, комнаты прислуги и огромной кухни. Все это объединялось, объединялось в единое целое прихожей и тремя коридорами, размеры которых представляются в моей детской памяти, как просто колоссальные площади для наших детских игр. Правда, когда я появился на свет божий, родителей давно уплотнили, и они занимали две комнаты и комнату прислуги, и ещё одну комнату занимала тётя Ада.

Сегодня нет нашего дома, нет сквера на площади, нет сквера «Вдовьего дома», нет Новинского бульвара, нет домов по Кудринскому переулку. На Кудринской улице, которая носит название «Баррикадная», остался «Вдовий дом» и еще два–три старых строения, нет церкви «Покрова на Кудрине». И это только ближайшая округа, а что будет с местами моих детских прогулок и какие там появятся изъяны, это мы увидим позднее.

Вернемся к площади Восстания – Кудринской, к её ближней и дальней округе, как у нас теперь говорят «ближнее» и «дальнее» зарубежье, так вот пройдемся по ближней округе самой Кудринской площади – площади Восстания.

Хочу сказать, что мы, малышня, я имею в виду моих однолеток, тогда не произносили – пл. Восстания, это название было официальным, а в обиходе звучало Кудринка.

«На углу Кудринки»», «Аптека на Кудринке», «ТЭЖЭ на Кудринке», «Керосинка на Кудринке», «Как доехать до Кудринки» и т. д. и т. п. И только где-то в возрасте 6–7 лет мы начали говорить пл. Восстания. И совпало это с концом той старой Кудринской округи. Это были 1933–1935 года, т. е. начало сноса сквера на площади, сквера у «Вдовьего дома» и Новинского бульвара.

В октябрьские дни 1917 г. площадь Восстания была местом ожесточенных боев Красной гвардии с белогвардейцами (с картины художника Савицкого «Бой на Кудринской площади»).

Площадь Восстания. В моей памяти, как бы отпечаталась следующая картинка: на этой площади, в сторону улицы Воровского (Поварской) стоит баррикада, над ней Красное знамя и красногвардейцы, это 1917 год. Откуда это в моей памяти, не помню. То ли это фотография, то ли я где-то видел картину такую или это чей-то рассказ.

Мои «Почему?» закончились рассказами отца. Оказывается, в октябрьские дни 1917 года здесь шли ожесточенные бои с юнкерами, солдатами и офицерами, верными Временному правительств. Отсюда красногвардейцы и революционные солдаты из установленных артиллерийских орудий стреляли по пунктам скопления верных Временному правительству войск, именно с этой Площади красногвардейцы шли на Арбат, на Кремль.

А еще раньше, в дни декабрьского вооруженного восстания в Москве в 1905 году, на этой Площади произошли первые столкновения рабочих–дружинников с царскими войсками. Как-то папа, проходя со мною мимо сада «Аквариум», обмолвился, что во время Декабрьского Вооруженного восстания в Москве в 1905 году, в этом саду проходили митинги, в которых они с дядей Володей принимали участие, и что после одного из митингов они пошли строить баррикады на Садовой, туда ближе к Кудринке, а затем и на саму Кудринскую площадь и Кудринскую улицу. Подтверждение этих слов я нашел в архиве, ну и, конечно, прочитал в его автобиографии. Да именно здесь, в те дни появились первые баррикады отсюда и названия – улица Баррикадная (бывшая – Кудринская) и в конце этой улицы кинотеатр «Баррикады».

С этой Площади, после ее захвата царскими войсками семеновцы (название полка, присланного из Петербурга царем для подавления восстания) прошлись огнем и мечом по всем баррикадам Красной Пресни, расстреляв их прямой наводкой из артиллерийских орудий. Начались облавы, аресты, расстрелы рабочих дружинников и помогавших им горожан, в основном студентов. Досталось отцу и дяде, да так, что они были вынуждены эмигрировать из России, и пробыли в Германии, Франции и Швейцарии, дядя до 1907 года, а папа до 1908 года. О тех декабрьских и еще раньше октябрьских днях 1905 года ни отец, ни дядя не любили распространяться. Так в общих чертах иногда что-то расскажут, но себя не выставляли. Такова героическая история, а теперь видимо, надо сказать, трагическая, судьба Площади и улицы.

Баррикады на Красной Пресне, в Декабре 1905 года.

В те далекие дни в моей детской головке воображение рисовало героическое, а не трагическое. У нас был другой настрой, и мы с увлечением играли во всякие «баррикады», тем более, что наши коридоры нам это позволяли. Мы воспитывались в другое время, на другом преподнесении исторических событий и было очень много очевидцев тех событий и их рассказы, которые очень хорошо отложились в наших головках. Ныне, в связи с « новыми временами», как говорит господин Познер, площадь Восстания снова Кудринская площадь. Ну, а откуда пошло это название, расскажу позже, и это будут не домыслы, а – исторический факт.

Конечно, тогда, в моем детском возрасте из рассказов отца я знал только то, что на этом месте когда-то, в глубокую старину было село Кудрино, и что в XIV веке оно принадлежало двоюродному брату Дмитрия Донского, разбившему татар в Куликовской битве, Серпуховскому князю Владимиру Храброму, который был одним из героев этой битвы. С селом Кудрино неразрывно связано появление Новинского монастыря, церкви Введения в храме Пресвятой Богородицы в бывшем Новинском монастыре, в котором крестили моего отца в 1883 году, (а где венчались и крестились его родители, мои дедушка и бабушка по отцовской линии, я так пока и не узнал). Я захотел больше узнать об этом монастыре и церкви и вот, что я узнал.

В начале XV века Московский Митрополит Фотий основал при впадении реки Пресня в реку Москву на высоком холме, мужской монастырь, названный по его главной церкви Введенским, но более известном в истории и народной молве под именем «Новинский».

Существуют три легенды названия «Новинский»:

— потому, что обязанные отдавать Монастырю свою работу женщины окрестных деревень приносили много самотканого холста называемого — «новины»;
— потому, что здесь некогда стояла церковь – «Иисуса Новина»;
— потому, что это искаженное название “Новый», так называли монастырь в XV-VIвеках,

выбирай любую легенду, которая тебе нравятся, но именно отсюда название монастыря, улицы, переулка, бульвара.

Вернемся в XV век. Основанный Митрополитом Фотием монастырь был призван обслуживать двор митрополита, который стоял в Кремле. В 1410 году умирает Серпуховской князь Владимир Храбрый, и его вдова дарит митрополиту Фотию – огромное имение, принадлежавшее князю – это село Кудрино со всеми принадлежавшими ему деревнями, полями, лугами и лесами, расположенными между Можайской и Тверской дорогами до реки Ходынки. Представляете себе эти владения? На юг от Тверской улицы до Проточного переулка, от него вдоль реки Москвы до реки Пресня. А на западе от реки Пресня до ипподрома и на востоке Садовое кольцо. Каковы владения, и представим себе на минутку на всей этой площади – леса, поля, рощи, луга, реки.

Немного еще истории. В XV-XVI веках монастырь ведет свое хозяйство самостоятельно. Но в 1649 году при царе Алексее Михайловиче (отце Петра I), было принято знаменитое Соборное уложение, которое оформило крепостное право, и в то же время у монастырей, в том числе и у Новинского монастыря, и у бояр были отобраны земли в пользу казны. У Новинского монастыря осталось 144. 5 десятин (1 десятина = 2400 кв. сажен = 1. 09 га) или 157. 508 га, вполне достаточная площадь для прокорма.

Существует план монастыря в 1683 году. На плане показан монастырь за Никитскими воротами Земляного города до реки Ходынки. Это большой четырехугольник, огороженный бревенчатым забором, (уже родился Петр I, 1672 год, он уже Царь, но еще не правит, 1689 год), с четырьмя каменными церквами внутри, амбарами и прочими службами, слободкой за монастырской стеной и кирпичными сараями (заводами) близь устья реки Ходынка. Возле монастыря, близ села Кудрина, стояли обширные Митрополичьи конюшни, и жила обслуга. Отсюда и названия Конюшковская улица и Конюшковский переулок.

У монастыря было обширное рыбное хозяйство, Для ведения этого хозяйства в конце XVII века на реке Пресня были вырыты два пруда – «Пресненские пруды», как раз между теперешними Дружинниковской и Конюшковской улицами и на территории нынешнего Зоопарка.

Для удобства сообщения монастыря с Кремлем в XV веке проложили Новинскую улицу (с XVII века – переулок) от ворот монастыря до Кремля.

Пожар 1736 года уничтожил большую часть построек монастыря, а еще раньше в связи с заменой Патриархата на Синод отпала нужда в ведении монастырского хозяйства.

В 1746 году вдова грузинского царевича Симеона попросила Синод передать монастырь со всеми его угодьями под устройство в нем грузинского Новинского девичьего монастыря. Синод внял просьбе и расселил монахов Новинского монастыря по другим обителям, и монастырь стал девичьим.

В начале XVII века монастырь обнесли высокой каменной стеной, с высокими башнями по углам, и занимал он тогда территорию между Новинским и Девятинским переулками.

В 1764 году Екатерина II упраздняет монастырь, превратив его церковь Введения в приходскую. Три другие церкви монастыря за ветхостью были упразднены в 1780, 1789, 1870 годах.

После ликвидации монастыря в его помещениях находились попеременно: школа для солдатских детей московского гарнизона, затем полицейская и пожарная части, а позднее – военная тюрьма. В 1907 году построили новое здание, в котором разместили женскую тюрьму, а при тюрьме построили в 1909 году церковь во имя иконы «Что моя печаль», (умели же давать названия!). Сейчас все это снесено, построены новые здания, в одном из них размещается институт «Курортологии», а там, где была тюрьма, стоит здание бывшего СЭВа, (теперь этот адрес – Новый Арбат, дома – 50–52).

Весь этот экскурс в историю начинался ради церкви Введения. Введенская церковь сначала была деревянной, но в 1565 году она сгорела, тогда же была построена каменная. Она перетерпела несколько перестроек. Сперва была шатровой, в 1674 году была перестроена в пятиглавую, и была выстроена колокольня. В1754 году вместо граненых глав сделали фигурные, снаружи появилась лепнина, с юга и севера пристроили два придела.

По описаниям можно сделать вывод, что внутреннее убранство было очень красивым: множество лепных украшений и богатый иконостас работы XVIII века. Видимо, нужно объяснить причину моего отступления. Дело в том, что когда было написано уже много десятков страниц, мне удалось получить в Московском историческом архиве личное дело студента Московского Императорского Университета – Волкова Николая Георгиевича, – моего отца. Там я прочитал, что отца крестили в “Московской Введенской“, в бывшем Новинском монастыре церкви”. Название монастыря «Новинский» говорило о том, что это район Кудринской округи: Новинский бульвар, Новинский переулок. По своему детству я точно знал, что на Новинском бульваре ни монастыря, ни церкви не было. В Новинском переулке, по которому мы с отцом ходили к Москва–реке, была церковь, а за ней сразу же (в те годы) стояла женская тюрьма, но монастыря там не было, во всяком случае, при моем житье–бытие в этом районе. Меня все это заинтересовало. В Московском историческом архиве и в исторической библиотеке я перебрал всю картотеку по монастырям, но «Новинского» не нашел (теперь мне понятно почему, ведь его упразднили в середине XVIII века). Когда я перестал искать монастырь, а занялся церковью, я ее обнаружил в одном из перечней уничтоженных (снесенных) церквей. В описании этой церкви была и полная информация о Новинском монастыре и его округе. Все, что я узнал из полученной информации, я попытался, сжато изложить выше. Все это Кудринская округа: Кудринка, бульвар, переулок, монастырь, церковь и Волковы. Ведь раз церковь была приходской, значит, родители моего отца были ее прихожанами, а, следовательно, жили где-то поблизости. Но где они жили в те годы, мне так и не удалось выяснить. На этом заканчивается мое отступление, и я возвращаюсь к основному рассказу, который был прерван на повествовании, откуда пошло название – Кудринская площадь

Ранее, рассказывая о монастыре, я упомянул название «Земляной город». Это название напрямую связано с Садовым кольцом, и тут опять нужно сказать несколько слов об истории «Земляного города», Одновременно с постройкой стен «Белого города», которые шли по современному Бульварному кольцу, был возведен на территории нынешнего Садового кольца земляной вал со рвом, и по нему была поставлена деревянная крепостная стена. Это относится к XVI веку. В

1611 году стена сгорела. В 1640 – 1650 годах насыпали высокий земляной вал, по которому был устроен «Острог» – деревянная крепостная стена из толстых брёвен. В конце XVII века остался только вал. В 1820 году вал и ров ликвидировали, и на их 60–метровой ширине начали прокладываться улицы с тротуарами и площади. Причем, у домов появились палисадники или сады. Было специальное Положение, по которому домовладельцы должны были в течение 10 лет засадить отведенные места деревьями и цветами и оградить красивыми решетками. Это сделали не все, некоторые застроили домами. Так на месте бывшего «Земляного города» – «вала» начали складываться улицы, переулки и площади Садового кольца. Так как длина всех Садовых улиц около 15 километров, то отдельные участки улиц получили к слову «Садовое» добавочные местные названия, которые сохранились до сих пор. Вот названия этих улиц: Садовая–Кудринская, Садовая–Каретная, Садовая–Самотечная, Садовая–Черногрязская, Садовая–Сухаревская, Садовая–Триумфальная и Садовая–Спасская.

Кудринская площадь– площадь Восстания начала складываться еще до пожара 1812 года. Вначале это были деревянные постройки, утопавшие в зелени садов. Недаром от площади шла Садовая–Кудринская улица, остатки ее зеленой садовой роскоши даже я еще застал в моем младенчестве. Пожар 1812 года уничтожил деревянную Москву. Досталось и площади и прилегающим к ней улицам, выгорело почти все, осталось немногое, в частности знакомый по роману Л. Н. Толстого «Война и мир» особняк князя Долгорукого, в который писатель поместил семейство Ростовых.

После пожара 1812 года Москву, и конечно, район Кудринской площади начали быстро отстраивать. Рядом со старыми одно и двухэтажными домами появились малоэтажные особняки, но совершенно другой архитектуры, чем допожарные. Этим особенно отличались обе стороны Новинского бульвара (усадьба князей Гагариных, дом князя Щербатова, дом Грибоедова и т. д.). Начали появляться четырех шестиэтажные дома т. н. «доходные дома».

Дом, в котором жила наша семья, был построен на грани веков в 1901 г.
Он стоял в торце Новинского бульвара. Я не знаю, какой была площадь в начале века, но хорошо помню ее облик в самом конце 20-х и в начале 30-х годов. Это была не такая уж большая площадь, чуть больше ширины бульвара и его боковых проездов, эти очертания просматриваются и сегодня, хотя стоя на любом из ее углов трудно представить себе ту площадь Восстания (Кудринскую площадь) времен моего детства, так запавшую в мою память.

Сейчас это огромное пространство, в котором можно заметить некоторые черты старого, это Вдовий дом, угловые дома улицы Герцена (бывшей Большой Никитской) и улицы Воровского (бывшей Поварской). Сейчас этим улицам возвращены их бывшие, старинные названия. Кстати в одном из домов выходящих на площадь жил великий русский композитор П. И. Чайковский. Правда, дом, который мы видим сегодня, совершенно не похож на тот, что был во времена Чайковского и мои времена, ни портика ни колон не было. Зачем было менять исторический облик дома мне совершенно не понятно, вообщем получили очередной «лужковский новодел». Рядом с этим домом на углу площади и улицы Воровского (Поварской) была москательная лавка или как в народе ее именовали – керосинка, к ней мы, возможно, еще вернемся. Но я опять потерял нить рассказа,

перескочил, так сказать, в сегодняшнее ее состояние, в котором нет места ни скверу у Вдовьего дома, ни скверу на площади, ни домам, выходившим на площадь со стороны Барикадной улицы, ну и конечно нет нашего дома и бульвара. По площади в обе стороны по широкому Садовому кольцу с въездом и выездом с прилегающих улиц Поварской (Воровского), Большой Никитской (Герцена) и Баррикадной нескончаемым потоком идет транспорт.

Сегодня здесь царит транспорт. Он занял здесь все. Он несется, он ползет, он стоит, ему здесь совсем не просто. Постоянные пробки и простои. А человеку, здесь вообще места нет, и кажется мне, что вся эта автомобильная масса подмяла и закатала глубоко в землю мои радужные воспоминания о детстве.

В те далекие годы моего детства, тоже был транспорт, и нам детям гуляющим–играющим на сквере было интересно смотреть, как со стороны Новинского бульвара из проезда между нашим домом и пятиэтажкой, на углу Новинского бульвара и улицы Воровского на площадь выползал трамвай один, другой, и как они объезжали сквер, направляясь на улицу Герцена или на Садово–Кудринскую или на Баррикадную. А вот и с улицы Герцена появляется трамвай и тоже может повернуть и на Садово–Кудринскую и на Баррикадную и, объехав сквер, нырнув в другой проезд около нашего дома, понесется вдоль Новинского бульвара к Смоленской площади. И с Баррикадной на трамвайчике можно повернуть к Смоленской, а на других номерах или на Герцена или на Садово–Кудринскую. В общем, крупная трамвайная развязка, и обслуживали ее круглосуточно двое или трое стрелочниц, которые специальными ломами переводили рельсы в нужное направление. Нужно отметить, что в основном эту работу выполняли женщины. Они сидели около своих стрелок на специальных железных табуретках, выглядели какими-то сгорбленными и даже летом были одеты в теплые штаны и куртки (еще бы посиди на железном табурете, безразлично летом или зимой). А сидели они во всякую погоду и в дождь, и в снег, и в мороз, и в жару. Не помню, как я воспринимал этих женщин, – но стрелочниц, в дождь, снег и мороз – жалел. А няня–Груня говорила, глядя на них «бедненькие, разве можно бабенькам день-деньской эти тряклятые ламы таскать и туда сюда двигать рельсу, какие же у них бедненьких детишки будут.

Позже власти додумались, стали ставить деревянные будки, и там появились электрообогреватели. Это был уже некий комфорт и, наконец, пришла массовая пора на автоматические стрелки. Хотя и после войны, еще можно было увидеть зеленую будочку и стрелочницу. Но не только одни трамваи ходили по площади. Во все возрастающем числе, катились грузовые и легковые автомобили. Это было время, когда появились отечественные грузовые машины – газики, зисы и язы и легковые эмочки, а у самого края тротуара еще не один год будут тянуться запряженные ломовиками телеги.

Помнится, что на сквере был устроен фонтан и струя била как-то в бок. Кто из мальчишек не хотел искупаться под этой струей? Наверное, таких, не было, ну и, конечно, я в том числе. Однажды, когда няня Груня отвлеклась, я залез под эту струю, было много крика – визга. Я был в телячьем восторге, все на мне промокло. Я орал, размахивал руками, плескал ногами воду в бортик, пытаясь облить Груню. Наконец, она меня выловила, хорошенько отшлепала, что она раньше никогда не делала и увела домой. Ну, а дома ей досталось за то, что она это допустила.

Летом и осенью на сквере было море цветов. В каком то году фонтан вдруг убрали и на его месте установили скульптуру «Пионера», а струя воды сохранилась, только вот откуда и куда она била, не помню

Сквер, конечно, был маленький и особого интереса для детворы он не представлял. Но лично у меня было там одно интересное занятие. По вечерам, когда наступали сумерки, я любил смотреть на идущие трамваи и определять по расцветкам сигнальных фонарей, какой номер трамвая идет. Сигнальные фонарики имели разные цвета и по их сочетанию, можно было определить номер маршрута. Цвет был присвоен всем десяти номерам, т. е. цифрам включая «О», причем и это я точно помню «О» цвета не имел, он был белый. Некоторые сочетания я помню до сих пор: красный справа и фиолетовый слева это маршрут № 16 или № 26 зеленый справа фиолетовый слева, обычно на этом трамвае приезжали с работы папа и тетя Ада. А к бабушке на Грузины от пл. Восстания можно было доехать на №16 или на № 47, который имел, если память не изменяет, синий и красный цвет фонарей. Смотреть на мерцание этих фонариков было интересно и главное познавательно. Это была своего рода учеба, научился различать цвета и выучил счет.

Что-то я опять поехал не по тем рельсам, перешел на трамвай, а хотел написать о площади и о доме. Нужно вернуться к теме моего повествования, а рассказ о трамвае, ведь это целая история, выделить отдельно и там же рассказать о первых автобусах и троллейбусах, которых я увидел в те годы.

Я уже что-то о ней написал и, возможно, в чем-то будет повторение. Свой рассказ я начну с правой стороны, если смотреть от Новинского бульвара. Угол Новинского бульвара и улицы Воровского (Поварской) занимал пятиэтажный дом, ничего особенного из себя в историческом и архитектурном плане, не представлявший, дом как дом. Раньше, как говорил папа, на этом месте стоял трехэтажный дом дореволюционной постройки, но его снесли и построили пятиэтажку. Что там было и кто там жил, у меня в памяти не отложилось, хотя в послевоенные годы и потом этот дом неоднократно приводили в порядок и сейчас он выглядит довольно прилично, первый этаж в дорогих магазинах и отделан мрамором. Дом, который примыкал к этой пятиэтажке и стоял ближе к бульвару, оставил след в моей памяти тем, что на одном из его подъездов висела табличка белого цвета с красным кружком в середине и была какая-то надпись, исполненная черточками–палочками. Папа сказал, что на табличке изображен флаг государства Япония и там находится японский военный атташе. На мой вопрос «а почему, а что это такое» он объяснил мне, что военный атташе, это человек представляющий иностранное государство по военной линии, по линии армии. Что такое армия и военные, я прекрасно понимал. Отец мне разъяснил, что военный атташе занимается разведкой, как гласной, так и негласной, т. е. он сам может быть и не занимается, но организует все это, собирает, обобщает и передает своей стране. Получалось, что атташе это разведчик, а в то время это означало, что он шпион. И люди, с которыми он общается, которые к нему ходят, то же шпионы. А в те годы, сколько было разговоров о врагах, шпионах, вредителях.

Я, конечно, намотал себе на «ус» все эти рассказы–разговоры и в моей головке созрел план сыграть в игру «разведчики–шпионы». Свой стратегический план я изложил своим товарищам по домовым играм.

Шпионами у нас будут япошки и те, кто к ним ходит, ну а разведчиками будем мы. Наша задача засекать кто, когда к ним ходит и когда уходят и конечно, куда япошки ходят. С последним была явная неувязочка. Проследить, куда они ходят, мы естественно, не могли, но что-то выдумать это для фантазии простор. У нас на чердаке был бинокль, да еще я притащил папин. Вооружившись этими биноклями, ну и каждый прихватил из своих домашних арсеналов кто пугач, кто пистолет, а кто винтовку (естественно игрушечные) мы начали следить за входной дверью японского атташе через чердачное окно, попеременно меняя эту позицию на позицию на аллее бульвара, скрываясь в траве, в кустах и за деревьями, или просто сидели на скамейках и наблюдали. Все делалось на высшем уровне, кто из нас уже умел писать, записывал, когда кто входил и выходил, и мы еще пытались описать этих людей. Воображение играло во всю. Вечером мы собирались и обсуждали увиденное, и мысленно докладывали, куда надо. Удовольствие мы получали огромное. Наверное, недельки две, а может быть, и больше продолжалась эта игра. Так было и это не выбросишь из памяти.

На другом углу улицы Воровского (Поварской) стояло двухэтажное здание, я о нем уже писал. Это здание было округлой формы, оно и сегодня стоит на этом углу. Только в те годы в этой округлой части была дверь и над ней вывеска, точно не помню, но на вывеске могло быть одно из трех названий – «Нефтелавка», «Москательные товары», «Керосин». Наверное, были все три названия только в разные времена, и при моей жизни на площади. Теперь таких лавок или магазинов нет, их днем с огнем не встретишь, наверное, и по всей России, а что такое керосин детвора и молодежь понятия не имеют, хотя возможно где-то в «глубинке» это и есть. Как видно из названия, в этой лавке продавался керосин и всевозможные «москательные товары», т. е. то, что сегодня называют хозяйственными товарами. Это мыло, спички, иголки для примусов, фитили для керосинок, стекла для ламп, сами лампы, всевозможные щетки, ёршики, ёжики, веники, гвозди, метизы, примуса, керосинки, древесный уголь, замки, петли и т. п.

За этим угловым домом выстроились еще два двухэтажных дома. Один повыше, другой пониже. Тот, который повыше отличался еще и тем, что у него на первом этаже были очень широкие окна. В одном из этих домов, по рассказам отца жил композитор Петр Ильич Чайковский. Дом выглядит просто, колоны портик никаких других архитектурных излишеств, смотрится очень скромно, скромное жилище украшает истинно великих людей. Теперь там, «Культурный центр П. И. Чайковского». В мои времена на доме где жил композитор, также как и на расположенных вблизи домах Чехова и Шаляпина памятных досок не было. В конце 80-х начале 90-х годов «совестливые потомки» эти дома подремонтировали, покрасили и повесили памятные доски. Но что-то там не то, не тот колорит, тогда в 30 годы все выглядело по другому, нет, разрухи там не было, где-то жили люди, но веяло от этих домов прошлым, стариной, а теперь «новодел», да еще за немалые деньги.

Дом, в котором жил композитор П.И. Чайковский, на Кудринской площади, 2007 год.

На площадь выходит улица Герцена (Большая Никитская). В торце улицы, перед поворотом на Садово–Кудринскую улицу, стояли, и стоят по сей день, двухэтажные, с высоким бель-этажом дома. В них были квартиры, и какие то учреждения. А раньше до революции, там были, какие то «торговые дома» и тому подобное. Сейчас в одном из этих домов банк, в другом ресторан, в доме на противоположной стороне тоже ресторан. Их теперь в Москве пруд пруди. На снимке, который показывает площадь в 1910 годы, ясно проглядывается ограда полисадника и могучая ель в ней. И так крайний дом имел ограду и за оградой был сад, впрочем, сады по правой стороне Садовой-Кудринской шли до самой Тверской улицы, но в конце 20х начале – 30х их начали сносить, расширяя улицу под будущее Садовое кольцо. Делалось это, как тогда рассказывал отец в несколько этапов. Сначала, снесли ограды садов, получился единый зеленый массив, т. е. бульвар. По нему проложили аллеи, только бульвар был не посередине улицы, как наш Новинский и другие, а шел по бокам улицы. А потом в 30-х годах снесли и бульвар по Садово-Кудринской и Новинский, и Смоленский, и Зубовский бульвары.

Кудринская площадь, вид на Большую Никитскую улицу. Справа, 1910-е годы. Слева, 1990-е годы.

На углу Баррикадной улицы и Садовой-Кудринской стояло и стоит самое значительное здание площади. Здание выглядит очень внушительно и имеет колоннаду и лепку на фасаде, называется «Вдовий дом». Строил его в после пожарной Москве в 1818 – 1823 годах итальянский архитектор Д. Жилярди. Вместе с прилегавшим к нему сквером перед домом, который был окружен оградой и большим садом во дворе «Вдовий дом» был главной архитектурной примечательностью площади, если не считать архитектурную примечательность нашего дома. Большую часть сада отдали, в 30-е годы, под расширение Зоопарка. Сквер перед домом снесли давным-давно, тоже ещё в 30е годы, около дома оставили неширокий тротуар. Все это лишило здание того лоска или шарма, которое оно источало, а если к этому добавить сегодняшнее видение здания с многочисленными вывесками всяких магазинчиков, ООО и ПОБЛ то как-то становится не по себе. Ведь это здание охраняется государством, зачем ему все это. Что касается воспоминаний, то тогда в детстве это название будило воображение. Почему вдовы, что там живут вдовы? И отец рассказал мне, что этот дом был построен специально для вдов крупных государственных служащих и военных, долго служивших императору. Вот так царь–батюшка заботился о своих приближенных. Сегодня сада нет, да и Баррикадная улица идет теперь совсем не там, где она шла в годы моего детства, а непосредственно перед самим фасадом дома. Поэтому, все и не смотрится, а ведь старая Баррикадная улица шла в направлении к улице Воровского (Поварской), а теперь, она как бы продолжение улицы Герцена (Большой Никитской). В этом доме при советской власти располагались курсы или институт по усовершенствованию врачей, а сейчас Академия последипломного образования врачей. Да хочу отметить, что в Москве мне известен еще один вдовий дом, он находится на Болотной площади. Тот дом строился, в конце Х1Х века, на деньги А.А.Бахрушина, известного мецената и коллекционера, того самого, что организовал в Москве Театральный музей. Так вот он построил «Вдовий дом» на Болотной площади. Дом был предназначен для бесплатных квартир для нуждающихся вдов с детьми и учащихся девушек. Позже Бахрушин построит там же еще два дома и во всем этом комплексе будут; детские садики, начальная школа для мальчиков и для девочек, ремесленное училище для мальчиков, профессиональное училище для девочек. Будет там и бесплатная столовая. После революции этот «Вдовий дом» закроют, но сделают квартиры и комнаты, в которых будут жить жильцы. Среди них будет и мой приятель по годам войны. На войне он потеряет руку, после госпитале вернется в Москву, будет учиться на юриста, выучится, а потом рана и болезни сведут его раньше срока в могилу.

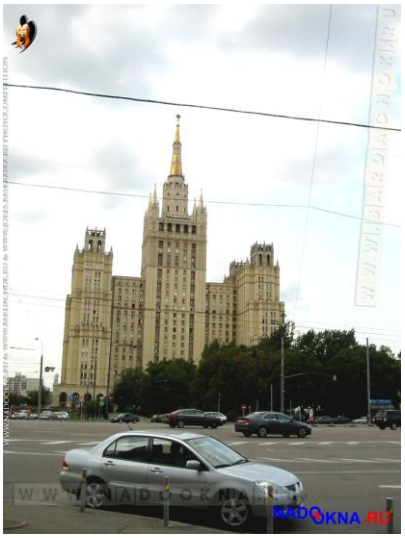
«Вдовий дом» на Кудринской площади.
Слева, начало 1900-х годов. Справа, 2004 год.

«Вдовий дом» на Болотной площади. Слева, начало 1900-х годов. Справа, 2004 год.

Другой достопримечательностью того времени, на площади Восстания (Кудринская), хотя вернее это было начало Барикадной улицы, была церковь «Покрова что в Кудрине» с большой колокольней и золоченным высочайшим, как мне малышу тогда казалось, шпилем, который так и «играл» в солнечных лучах или при луне. Церковь эту я созерцал снаружи, внутри никогда не был. Ее снесли, кажется перед войной, а может быть, все было по-другому. Там кажется, во время бомбежек Москвы осенью 1941 года упала бомба. Я судьбу этой церкви не уточнял. Тут надо сказать пару слов об отношении к церкви моего отца. Он терпеть не мог попов, это у него с молодости, с 1905 года. Отец вместе со своим братом Владимиром были зверски избиты на паперти именно этой церкви за то, что они выступили против черносотенной проповеди священника. В отместку ведомая священником толпа черносотенцев вытолкала их на паперть и начала избиение. Побили их здорово, еле-еле их спасли какие-то рабочие, проходившие мимо. Это были октябрьские дни 1905 года, в Москве шли забастовки, стачки, демонстрации, митинги. И вот возвращавшиеся с митинга рабочие и отбили двух студентов у разъяренной толпы. Самое странное то, что не черносотенцев привлекли к ответственности, а отца и дядю. Отец и дядя вынуждены были скрываться и это притом, что на них не было живого места. Должен был быть суд. Но грянули события декабря 1905 года, они приняли участие в строительстве баррикад и в их защите, а когда восстание было подавлено, они вынуждены были эмигрировать из России и в 1905–1908 годах жили в Швейцарии... А вот бабушка, папина мама, она была очень набожным человеком и на службу ходила, ее церковь была в районе

Грузин, и когда я гостил у нее, она брала и меня, чем отец был крайне недоволен. Но бабушка его не слушала и продолжала свое дело, особенно летом, когда мы с ней бывали на даче. Отец не разрешал меня крестить, но бабушка его не послушал, и, когда мы были на даче в Тарасовке, она в глубокой тайне от отца окрестила и меня. Мне было тогда года три, и я смутно припоминаю что-то из обряда. Вот опять сделал обширное отступление и совсем забыл упомянуть, что на месте церкви с начала пятидесятых годов стоит одна из так называемых сталинских высоток. В этой высотке давно уже живет мой старший товарищ по дому и школе, на Донской улице, Народный артист СССР Евгений Весник. В этом доме вообще жили, а возможно и сейчас еще живут многие из выдающихся людей Советского Союза. Ведь попасть в этот дом, как впрочем, и другие жилые высотки в те времена можно было только по специальному распределению, которое происходило на самом верху партийной и советской власти.

Церковь «Покрова», что на Кудрине. Начало 1900-х годов.



Жилое высотное здание на месте церкви «Покрова», что на Кудрине, 2004 год.

Пора уже заканчивать с площадью, но следует сказать, пару слов о противоположной стороне улицы расположившейся против сада «Вдовьего дома». Это угол исчезнувшей стороны Баррикадной улицы и проезда к Новинскому бульвару. Стояли здесь два–три двухэтажных дома. По тем временам довольно простых и обшарпанных. Единственной отличительной чертой этих домов были высокие и широкие витринные окна. Говорили, что в старые времена там делали на заказ кареты для выезда знати. В мое время в этих домах размещалась какая-то ремонтная мастерская, парикмахерская, в которой я орал благим матом, когда меня стригли, и аптека, в которой мы покупали лекарства. Я очень любил сладкую микстуру от кашля, и терпеть не мог касторку и рыбий жир, рев устраивал еще тот. В аптеке работала наша соседка по квартире. Она была провизором, готовила лекарства, микстуры, мази, порошки. У нее был сын Павка, на год старше меня, у нас с ним была детская дружба: игры, шахматы, марки, фантики и т. д.

Ну, а что теперь на этом месте, частично сквер около высотки, а все остальное место заняла громада из бетона и стекла, так называемый «Новинский Пассаж».

«Новинский Пассаж» на Кудринской Площади.

Все, с площадью закончено, переходим к дому.

Дом, квартира, чердак, крыша

Наш дом стоял в торце Новинского бульвара. Это был большой, пятиэтажный, массивный, выполненный в виде квадрата, а может быть и прямоугольника, дом. Одной стороной он выходил на Новинский бульвар, противоположной на площадь и по фронтону этой стороны была лепнина и встроенные колонны. В первом этаже дома располагались магазины. На нашем углу дома был магазин «Рыба», а по проезду располагалась «Китайская прачечная» и это не просто название, а настоящая китайская прачечная, где работали настоящие китайцы – смуглые, скуластые с раскосыми глазами и всегда улыбающиеся. Когда мне было уже за 60, мне часто приходилось встречаться с китайцами на переговорах и всегда, на их лицах была улыбка, видимо это врожденное их свойство. В той прачечной и принимали белье и стирали и гладили и выдавали на руки, а могли и принести белье и на квартиру, как это было до революции. Горничная сдавала белье, а китайцы его приносили. И тех, кто пользовался их услугами, в те достопамятные годы, они хорошо помнили и всячески обхаживали. Видимо, они помнили и маму, раскланивались с нею по их обычаю и даже с Груней, и хорошо отстиранное и отглаженное белье китаец приносил на квартиру. Дело это было минутное. Пройти по проезду, метров 15–20, войти в подъезд и на второй этаж. Звонок в дверь, на пороге улыбающейся китаец с кисточкой, под черным колпачком на голове, на вытянутых руках пакет, с пахнущим свежестью бельем. Работать в прачечной, видимо было трудно, там всегда стоял пар и из окон, которые выходили в наш двор, всегда валили клубы пара, а китайцы, китайцы улыбались. Таких прачечных в те годы было много, они были в разных частях Москвы, и когда мы переехали на Донскую улицу, мы обнаружили китайскую прачечную в районе Калужской площади. Но в конце 30х годов они все повсеместно исчезли.

На другом углу дома была булочная–кондитерская, за ней в проезде часовая мастерская. По фронтону дома, выходящему на площадь расположился также магазин «ТЭЖЭ», он торговал парфюмерией, магазин «Трикотаж, галантерея», магазин «Молоко». Кажется, была еще какая-то мастерская. Я уже говорил, что наш дом одной стороной, выходила прямо на Новинский бульвар, и до крон деревьев прямо было рукой подать. Окна нашей квартиры выходили в трех комнатах на проезжую часть, а в пяти комнатах на бульвар. Проезжая часть с обеих сторон дома, была очень узкая и вымощена булыжником. Знаете ли вы, что такое булыжная мостовая, слышали–ли вы как цокали по этим булыжникам своими подковами лошади ломовиков и извозчиков, как иногда искры летели из под подков, а шум, это надо слышать, но это еще ничего, а вот трамвай, это да, это еще та прелесть. Проезды были узкие. В них едва могли разместиться трамваи и в два ряда прочий транспорт. Что бы как-то увеличить проезжую часть, трамвайные пути буквально причалили к ограде бульвара и к тротуару нашего дома. Получилось так, что, выходя из подъезда и сделав, три-пять шагов, попадаешь прямо на трамвайные пути. Никакого ограждения не было. Что создавало определенное неудобство и опасность для детворы, (такое расположение было не только у нашего дома, аналогично располагались почти все дома, которые были построены в торцах бульваров, как на Садовом, так и на Бульварном кольце). Добавим к шуму от

булыжной мостовой, шум от трамвая, получим еще тот комфорт. Трамваи гремели, скрипели, лязгали на всех стыках рельс, к тому же, звенели и сигналили. Днем еще было ничего, но под утро было просто невмоготу. Жильцы просыпались и кляли трамвайщиков почем зря. Но свой дом, свою площадь Кудринскую–Восстания любили, и уезжать оттуда никто не хотел. Отмечу, что к нашим окнам этот шум доносился, но не так, как к тем, кто был на проезжей части или на площади.

Из этого страшного неудобства детвора нашего дома извлекала свою выгоду. В младшем возрасте детей часто зовут «озорниками», вот и мы озорничали, Часто ребята, жившие в квартирах, окна которых выходили на проезжую часть, которая шла от площади, устраивали пассажирам трамваев маленькие пакости. И вот какие: трамвай ходил под окнами на расстоянии где-то три–пять метров, озорники соберутся у кого-то на квартире, возьмут дырявый резиновый мячик или резиновую клизмочку, наберут в них водичку, заберутся на подоконник и прямо в открытые окна вагона п р ы с к – п р ы с к, долой с окна и врассыпную. Кто по нахальнее, те могли и из кастрюльки плеснуть. Ну, а что творилось с пассажирами, вы сами можете себе представить, и иногда это кончалось печально для озорников, Являлся дворник иногда один иногда с милицией, влетало родителям, ну и от них озорникам. На некоторое время все замолкало, но проходило пару тройку недель и все повторялось сначала, если не в этой, то в другой квартире. Вот такие мы были озорники, к ним и себя я причисляю и трепака за это, не раз получал.

До революции 1917 года наш дом относился к т. н. категории доходных домов. Такие дома в Москве, в большом количестве стали строить в конце Х1Х – начале ХХ века. Вот и Страховое Общество «Россия» решило построить в Москве несколько домов, и одним из них был наш.

Дом страхового общества «Россия», в котором жила наша семья.

В доме были квартиры для людей очень состоятельных и менее состоятельных, для людей со средним достатком и более–менее обеспеченных. В основном в доме приобретали квартиры представители интеллигенции, служащие банков, страховых компаний и прочий чиновничий люд. За свои деньги они могли приобрести квартиры различной площади. В доме были квартиры из семи, пяти, четырех, трех, двух и одной комнат. За исключением квартир из двух и одной комнаты все они были весьма и весьма благоустроены. Семи и пятикомнатные квартиры была вообще роскошные, потолки в этих квартирах почти во всех комнатах имели лепнину, по–моему, лепнина была и в четырех и трех комнатных квартирах, но там, в одной или в двух комнатах. Если мне память не изменяет, то в доме было четыре подъезда, в которых были квартиры по 5 – 7 комнат. В этих подъездах имелись лифты, очень вместительные, богато отделанные под красное дерево, с большим зеркалом на задней стенке, поверху шел золотистый орнамент, конечно, это была не позолота, а медь или бронза, но очень–очень красиво и богато. Лестницы были широкие, светлые, ограждение – чугунное литьё, перила дубовые. В каждой квартире были большие, я думаю метров 20 – 30 кухни с прилегающими к ним темными комнатами для прислуги и выходами на т. н. «черную лестницу» выходящую во двор. В нашем доме было два двора – большой и малый. Окна нашей кухни и «черной лестницы» выходили на большой двор. Нужно отметить, что по всему периметру большого двора, по второму, третьему, четвертому и пятому этажам располагались открытые, довольно широкие галереи, на которые выходили все «черные лестницы», таким образом, несколько подъездов и «черных лестниц» были связаны между собой, и вы по галереи могли попасть в любую квартиру, выходившую в большой двор. Говорили, что в дореволюционные времена, это было очень удобно для прислуги и обслуги, ну а в мое время это было очень удобно для общения детворы и их игр. На галерею выходили несколько малометражных квартир, комната и маленькая кухонька с небольшой прихожей, это уже для самых бедных съемщиков. В моё время в одной из таких квартир, на 3 этаже жил мой друг детства – Володька, с которым мы вместе проводили много времени и в лет пять – шесть впервые забрались на чердак и крышу нашего дома. В доме были так называемые «черные лестницы» они были узкие, крутые, имели простые металлические перила, но были светлые, все переходы маршей имели окна.

Пару слов о наших дворах. Я уже сказал, что у нас, их было два, выглядели они как два каменных мешка, совершенно голые, ни деревца, ни кустика, ни цветочка, ни скамейки. Вот не помню, мое время двор имел асфальтированную поверхность или был вымощен булыжником. Около арки был большой мусорный ящик, все больше ничего. Мы детвора во дворах не играли. Но через двор шло общение с обслуживающим миром. Во двор заходили стекольщики, точильщики, старьевщики, торговцы зеленью, лудильщики, шарманщики и тому подобный люд. Но об этом особый рассказ.

Квартира

Опишу нашу квартиру. Я уже говорил, что в этой квартире мой родители и мой старший брат жили еще до революции и занимали всю эту квартиру. А потом их уплотнили, оставив две комнаты и темную комнату. Правда, они успели еще в одну комнату вселить сестру мамы, мою тетю Аду, по стечению обстоятельств ей достался бывший папин кабинет. Родителям после уплотнения остались бывшая столовая и бывшая комната горничной, плюс т. н. темная комната. Сколько в этих семи комнатах было метров, я не знаю, но совершенно точно могу сказать, что это была громадная квартира метров около 200, а то и больше. Судите сами.

Открываем большую, двухстворчатую входную дверь, за ней еще одна такая же дверь, и мы в большой прихожей, влево от нее, ведет маленький коридор в нем четыре двери. По левую руку две комнаты метров по 15–18, раньше это была комната горничной и комната для папиного помощника. В торце коридора дверь в комнату тети Ады. Это бывший папин кабинет, очень большая светлая комната, она угловая, в ней три окна, одно выходит на проезд, два на бульвар, я так думаю, что в этой комнате было метров 30, если не больше, в старые времена из этой комнаты была дверь в комнату помощника, а теперь она заделана.

В мое время в этой комнате жил жилец – дядя Коля, он работал в типографии газеты «Известия», кем не помню, но запомнились стены комнаты, вместо обоев они были обклеены страницами газеты, это было очень интересно, я такого в своей жизни не видел больше нигде. Дядя Коля был очень добрый, аккуратный и застенчивый человек. Когда мама или тетя Ада приглашали его попить чайку, он как-то робел, отводил глаза и говорил «Да нет, что Вы, как-то не удобно». А вот мне как было удобно заходить к нему в комнату и, взобравшись к нему на диван, слушать передававшиеся по радио репортажи футбольных матчей, или, взявшись за его руку, ехать с ним на футбол на «Динамо» или на «Пресню». И сидеть там весь матч у него на коленях и хлопать и кричать вместе с ним вроде «Судью на мыло!». Я на всю жизнь запомнил его огорчение, связанное с тем, что он не достал билет на матч с «Басками» – испанскими футболистами, кажется это 1935 или 1936 годы. Мы слушали этот матч по радио. Как мы радовались, кричали, визжали и волтузили друг друга подушками, когда наши забивали гол.

В комнате горничной расположился Сева. Для меня эта комната была «Табу», без его разрешения и в его отсутствие я не имел права туда заходить, что я в силу своего разумения старался соблюдать, ибо знал по опыту, что хорошие подзатыльники обязательно получу.

В этом коридоре была еще одна дверь, большая двухстворчатая, которая вела в т. н. гостиную, теперь в ней жила семья Фрицновичей. Глава семьи был шофером, одно время в гараже ВСНХ (Высшего Совет Народного Хозяйства), папа говорил, что он его туда устроил. Потом он пошел работать в какое-то иностранное посольство, ну и естественно в 1937 году, уже после сноса нашего дом его арестовали, ведь он работал в иностранном посольстве – значит предатель, шпион, враг. Об этом наша семья узнала позже. Семья его состояла из жены, и были у них две дочери, Вера – постарше и Ирма моя ровесница – спутница всех наших игр и походов. Гостиная была большая, метров – бог его знает сколько, но больше кабинета, а значит метров 35–40

Из прихожей, направо был еще один коридор, он был шире того, левого, ну если не в два, то в полтора раза точно, в этом коридоре была одна двухстворчатая дверь, которая вела в столовую, метраж этой комнаты я не берусь определить, это была очень большая комната, самая большая в квартире. Мама рассказывала, что в этой комнате, в старые времена, собиралось большое количество людей приятелей и знакомых отца, а в мое время в левом переднем углу комнаты был устроен мой уголок – кроватка, этажерка, маленький письменный столик со стулом, ящик с игрушками и еще маленький столик со стульчиком. Потом стоял письменный стол отца, а по бокам два огромных кожаных стула с деревянной резной отделкой и в центре стола массивный письменный прибор с двумя подсвечниками, а сидел отец за столом в знаменитом кресле, исполненном в стиле: топорики, дуга балалайка и перчатки с надписью на дуге «ТИШЕ ЕДЕШЬ, ДАЛЬШЕ БУДЕШЬ». Это кресло сохранилось до сих пор. По правой стороне стоял книжный шкаф. По обеим сторонам стен комнаты на больших черных тумбах с резными ножками стояли бронзовые канделябры, но это была принадлежность гостиной. От той прежней столовой остался громадный дубовый буфет весь в резьбе и такой же громадный дубовый стол с вставными досками для раскладки, плетеные стулья и папино кресло. Был еще большой–большой диван и не из какого-то заменителя, а из натуральной кожи. Висели какие-то картины, но как я понимаю, они ушли со временем в другие руки. Свою спальню родители организовали в т. н. темной комнате, благо ее размеры позволяли, со стороны столовой там были тяжелые портьеры, и была еще дверь, которая выходила в третий коридор, прямо напротив ванной комнаты.

В третий коридор выходили двери еще двух комнат: бывших детской и спальни родителей, а также ванная комната, туалет и кухня. Ванная комната была очень большая, с громадной ванной. Третий коридор тоже был немаленький и помимо всех других назначений, он входил в сферу наших детских игр.

В бывшей детской, в которой обитал когда-то Сева, теперь жила семья Анапольских. Отца не помню, а мать маленькую худенькую тетю Дору помню, она работала в аптеке на Баррикадной – провизором. У них был сын Павка, старше меня на год. С ними жила еще одна женщина, кажется сестра тети Доры, тоже маленькая и тощая как палка, по–моему, она имела какое-то отношение к языкам, так–так иногда, она вместе с мамой говорила на непонятном мне языке. Я спросил когда-то « Мам, мам на каком это вы?», и получил ответ « на французском». Поразительно, как это я, при родителях, бегло говоривших на французском и немецком, немного хуже на английском, а отец еще знал и латынь, не выучил ни одного, иностранного языка, хотя и умудрился сдать на аттестат немецкий, на пятерку, а кандидатский на четверку, но ни черта кроме «гутен таг и гутен морген» не помню. Парадокс! Павка, был рослый мальчишка, наверное, на четверть головы выше меня, а к началу войны он, по–моему, перерос свою мать, но был очень и очень худой. Моя мама говорила, – «у тебя кожа да кости, а у Павки вообще не поймешь где кости, а где кожа». Добавим еще очки и голову, стриженную ёжиком, готовый портрет Павки. Видимо, сразу надо сказать о трагической судьбе этого мальчишки и его тетки.

Последний раз мы виделись с Анапольскими прямо перед войной, когда мы поехали с мамой к ним на дачу в Малаховку, где они на деньги, полученные от

государства при сносе нашего дома на площади Восстания, построили дом. Нас покормили, взрослые остались на веранде, а мы с Павкой сгоняли партию в шахматы и отправились искать какие либо игрища к Павкиным теперешним друзьям, где-то поиграли в волейбол, а где-то в футбол. Вечером попили чайку и расстались до новой встречи. Кто бы мог подумать, что завтра будет война, и встречи не будет. После войны, мама не нашла тетю Дору, она перешла в другую аптеку, а там сказали, что она здесь больше не работает. В августе 1946 года я получил назначение в полк, который квартировался именно в Малаховке. И в один из вечеров я отправился искать Анапольских, по памяти, адрес мама затеряла. Пробродив по нескольким улицам–просекам, я, наконец, нашел их дом. Вошел в палисадник, подошел к веранде, дверь в дом закрыта. Я позвал «Тетя Дора, Павка, Анапольские». В ответ, тишина, ух уж эта тишина, какая-то она всегда зловещая. Повторил еще раз. Был звонок, но я постучал в дверь, Тогда я слышал много лучше, чем сейчас, и услышал какие-то шаги. Дверь отворилась. На пороге стояла совершенно седая, маленькая, худенькая, согнувшаяся женщина, грудь и талия были перевязаны большим белым шерстяным платком. Это был платок тети Доры, она всегда куталась в него, там в той квартире и в нем умещался и Павка. Она меня не узнала, не вскрикнула, никого не позвала. Она стояла в проёме двери и смотрела на меня. Я сказал, что я « Слава Волков, что мы жили вместе на Восстания, помните». Наконец она вспомнила, как-то отстраненно сказала «Ты живой». Помолчала, разглядывая меня, и сказала: «На улице прохладно, проходи в комнаты». Мы сели за большой квадратный обеденный стол, тот стол с Восстания, за которым мы много раз сидели с Павкой, играя в шахматы, или шашки или что-то кушали, и тетя Дора начала свой «правдивый печальный рассказ». Я вряд ли перескажу его, столько времени прошло, но вкратце вот эта страшная исповедь. Павка вместе с теткой, сестрой тети Доры, за неделю до начала войны поехали отдыхать к родственникам на Украину. Забыл место. Там их застала война, они пытались уехать. Поезд разбомбили. Чудом уцелев, они добрались до какого-то городка, там еще работала связь, и они позвонили и сообщили, что живы и будут выбираться в Москву и что они отправили письмо. Письмо это пришло в декабре, каким чудом оно дошло, трудно себе представить. Там описано как они попали под бомбежку и как выбрались. С ними вместе бежали от немцев и их родственники. А дальше, дальше немцы прорвались, и они оказались в тылу у немцев, т. е. попали в немецкий плен. Немцы начали пленных сортировать одних направо, других налево. Один из родственников опять–таки чудом попал налево, ну не был он ярко выраженным, к тому же он тоже был в гостях, сам из Харькова. И вот печальный эпилог. Тех, кто направо, повели в поле, тех, кто налево, посадили на землю. Вскоре раздались автоматные и пулеметные очереди, доносились крики. Потом все стихло, и наступила зловещая тишина. Те левые сидели, опустив головы и сжав их руками, каждый думал о своем и, прежде всего, сколько времени у него осталось до смерти. Но их подняли и повели, где-то, когда-то группе удалось бежать и выжить. Родственник оказался в их числе. Он добрался до своего Харькова, пошел в райвоенкомат и попал в армию, в военное артиллерийское училище, быстро его окончил и на фронт. Ему повезло, он командовал батареей, дивизионом, дошел до города Кёнигсберга, был только один раз контужен, и на груди у него была не только «Медаль за город Кёнигсберг», но и весьма значительные для человека

еврейской национальности награды: орден Боевого Красного Знамени и орден Богдана Хмельницкого говорили сами за себя, а там ёще были и Отечественная воина и Красная звезда и медали. Закончил войну в звании майора. Тогда в 1946 году учился в Москве в Военной артиллерийской академии. Еще одна маленькая ремарка; говорят еврей трусы, что они все бежали в Ташкент и не воевали. Вранье все это. Евреи достойно воевали, воевали так, что позавидовать можно, если войне вообще можно завидовать. Возможно, я еще вернусь к этому и назову некоторых поименно. А тогда, поздним сентябрьским вечером, майор, довершил начатый тетей Дорой рассказ. Он нашел ее, как только кончилась война, все ей рассказал, и она приняла его, единственного оставшегося из родственников в свой дом и он стал ей как бы Павкой. Вот таков финал истории жизни одного из моих товарищей по детской жизни. Молчание было за столом и только тетя Дора во время своего и родственника рассказа, иногда повторяла, смотря на меня, «а ты живой». Я решил уходить, но нужно было как-то разрядиться, встряхнуться после всей этой жути. Я принес с собой водку и конфеты и оставил их в прихожей. Встал, пошел в прихожую, взял водку, принес в комнату и поставил бутылку на стол. Родственник все понял без слов, принес три граненых стакана и маленькую чашку и два куска черного хлеба, молча, не говоря ни слова, разлил водку, на граненый стакан, положил кусочек черного хлеба. Мы стояли, тетя Дора сидела. Я сказал «Помянем Павку и всех остальных». Мы выпили, тетя Дора пригубила, поставила чашечку на стол и тихо–тихо произнесла «а ты живой». Я сказал «простите, прощайте» повернулся и ушел. Разве я виноват, что война меня пощадила? Жаль Павку, нелепая смерть.

В последней комнате, в спальне моих родителей, жила семья Гудковах или Будковых. Кем был их отец, не знаю, а мать была домохозяйкой и была у нее куча детей и все девчонки. Старшая была года на 3–4 старше меня, строила из себя «черте что» и все мы Павка, я, Ирма, и даже Ирмина – Вера любили её донимать, всячески ей досаждать и строить рожки и делать всякие детские пакости. Куча детей представлялась Люськой покрытой веснушками, которые на ее теле мы никак не могли сосчитать (ведь было же такое занятие.) потом шла Галка, которая родилась, наверное, в 30 году, ее мы еще примечали для участия в наших играх. Ну а дальше были еще две девочки Рая и Маня. Родились они одна, когда я пошел в школу, другая в год сноса дома. Мама спрашивала Будкову–Гудкову «Куда Вы так спешите, зачем столько детей, ведь Вы еле-еле концы с концами сводите? Вот возьмите» и что-то ей совала в руки. А Гудкова–Будкова ей отвечала «А че, Анна Алексановна, в детях радость, вот будут сносить дом, много денег получим, большой дом построим». И действительно они получили деньги и построили в Перловке, это совсем недалеко по тем временам от Москвы, большой бревенчатый дом. Мы к ним ездили с мамой году в сороковом.

Коридоры квартиры. Я уже упоминал о них и о том, что они были игровой площадкой для детворы, жившей в квартире. Вспомню о некоторых наших забавах, которые мы устраивали в них. Во-первых, я должен отметить, что большинство предметов из старой мебели, которая до уплотнения стояла в комнатах квартиры и естественно принадлежала моим родителям, расположилось по стенам коридоров. Чего там только не было: столы и столики, шкафы, стулья особенно «венские», полки и полочки, два больших сундука для хранения зимней и летней одежды,

чемоданы, это крупные предметы, а мелочи всякой сколько. И все это было хорошо сложено и укреплено, чтобы не дай бог, не упало. И все это мы применяли в наших играх.

Была, например, игра в морских пиратов. «Мам, Мам, красный сундук можно взять? Мы пароход будем строить». Мама разрешает и начинается строительная возня. Сундук тяжелый и его нам, конечно, не сдвинуть, Груня, кто-то из мам, обычно Люськина мама, а если дома кто-то из взрослых мужчин помогают (вечером, придя с работы, они сундук водрузят на его законное место). Сундук установлен и начинает обрастать носом, кормой, капитанской рубкой, трубой, мачтой и флагштоком, Но для большой пиратской операции нас явно не достаточно и вот уже девчонки сбегали за Володькой, Юркой и другими знакомыми нам ребятами с галерки и подъезда. Команда набрана. Распределяются обязанности: ты будешь тем, ты тем и т. д. Володька, хотя он и пришлый, но всегда в этой игре капитан. Павка одноглазый пират, тоже всегда, да еще и с костылем. Я штурвальный, кручу велосипедное колесо. Юрка боцман, так как у него есть тельняшка и еще пара–тройка ребят с галерки тоже пираты. Девчонок мы записываем в негритосов, мы всех их будем ловить, тащить на корабль и затем продавать в рабство. Рабовладельцем у нас был толстый мальчишка, кажется, его звали Мишка, а может быть Митька, – забыл, помню только, что он всегда что-то сосал и облизывался, в нашем тогдашнем представлении типичный рабовладелец. Обряжались мы самым живописным образом. У мальчишек, кроме капитана, на головах были завязаны платки и, конечно, у каждого пугач с патронами и выточенный деревянный кинжал. Представляете, какая будет канонада, если все начнут палить, а если залпом, конечно, наши мамы затыкали уши и кричали нам, – «Дети, тише, прекратите палить». Куда там, пока запас не выпалим, не успокоимся, правда, палить будем по одному. Девчонки наряжались по разному, вешали на себя разные бусы и мамины и сделанные самими и раскрашивали себе лицо цветными карандашами или красками. А однажды мы Ирму разукрасили древесным углем. Её мама страшно потом ругалась. Но в общем, было весело: шума, крика, писка, визга, хохота и победных выкриков было предостаточно.

Была у нас игра под названием «Бронепоезд». Тоже строили из тех же подсобных материалов, но еще сооружали орудие и пулемет. Для стволов орудия и пулемета использовали самоварные трубы. Что там еще надо, кусок фанеры или картона и готов щиток, а для пулемета нужен сломанный трехколесный детский велосипед и сделанная дядей Колей, – соседом по квартире, – трещотка. Тут мы играли только своей квартирой и девчонок наших принимали. Ирма была пулеметчицей, а Люська санитаркой. Тоже были разные команды, победные крики, залпы, работала трещотка. Были убитые и раненые, и Люська со своей санитарной сумкой подползала к кому-то из нас, перевязывала, тащила в укрытие. Но все заканчивалось, мы строились, приходила Няня Груня, в короткой курточке и красной косынке и провозглашала, – «С победой Вас, ребята. Командование благодарит Вас!». Мы дружно орали, – «Ура!». Разбирали, то, что нам было по силам, и расходились на обед. Иногда наши мамы сговаривались и всех нас сажали за один стол и кормили одинаковым обедом. Мы с аппетитом кушали и о чем-то болтали.

Когда затонул «Челюскин» и челюскинцев спасали, вывозя со льдины самолетами, мы устроили тоже «спасение», Сначала мы покидали в переднюю всякую всячину, построили из каких-то простыней и одеял две палатки, засунули туда Ирму, Люську и Галку, а сами с Павкой превратившись в летчиков, начали их спасать. Сделали при помощи моего отца и дяди Коли крылья и шлемы и с этими крыльями на распростертых руках и в шлемах начали бегать по квартире (как бы паря в воздухе) и, наконец, садились на льдину, брали на борт, на спину девчонок и улетали на большую землю. С Галкой было легко, ей было годика 3, Люська тоже худенькая, а с Ирмой на спине не попаришь, там шажочками. Вывозили челюскинцев несколько дней, и мы в это «спасение» играли несколько дней.

Играли мы в Конницу Будённого. Тогда продавалась в магазинах такая игрушка, – конская голова на длинном шесте. Эта игрушка была принадлежностью почти каждого мальчишки. Была она и у нас и у Володьки и Юрки. Соберемся в нашей квартире, напялим на себя винтовку, шашку, пугач или пистолет, водрузим на голову буденовку, склеенную из бумаги и картона, но с настоящей звездочкой и пошла, понеслась Красная кавалёрия с гиканьем, «Ура!», «Даешь...!» и давали почему-то Ростов и Воронеж, и конечно Варшаву и Крым. Ведь песня в те годы была такая «Красная кавалёрия». Очень распространенная песня, родилась она в 1920 году. Слова написал А. Д. Актиля, музыку Д. Покрасс. В квартире был патефон и пластинка с этой песней. Мы заводили патефон, ставили пластинку, и скакали под звуки музыки и пели слова:

«Мы – красная кавалерия, и про нас
Былинники речистые ведут рассказ:
О том, как в ночи ясные, о том, как в дни ненастные
Мы гордо, мы смело в бой идем».

Был там еще припев, некоторые слово–сочетания пелись нами с трудом, и мы их выбросили и пели:

Веди ж, Буденный, нас смелее в бой!
Пусть гром гремит,
Пускай пожар кругом:
Мы – беззаветные герои...,
И... наша жизнь... борьба!

Один куплет мы пропускали и дальше пели:

Высоко в небе ясном вьется алый стяг.
Мы мчимся на конях туда, где виден враг.
И в битве упоительной, лавиною стремительной:
Даешь Варшаву! Дай Берлин! Уж врезались мы в Крым!

Снова припев, громогласное, «Ура. Ур... а!» и скачет по коридорам и прихожей ребячья кавалерия и развивается над ребятней Красное знамя. Вот так играли. Тогда мы еще не знали, а может быть, не понимали, значение последних слов.

Варшаву, несмотря на «Даешь!», мы тогда в 20 не взяли. О Берлине и речи не могло тогда идти, зачем эти слова вставили? А вот Крым, это другое дело, Там были беляки и их черного барона Врангеля буденовцы вместе со всей Красной Армией сбросили в море. И этому было живое подтверждение, папин друг по работе – дядя Конюхов, который был настоящим буденовцем. Узнав, что мы играем в такие игры, он мне подарил свою буденовку.

Тогда было модой играть в солдатики. Каждый из мальчишек играл в своих солдатиков. Но наша передняя и коридоры позволяли устроить грандиозные сражения и парады. Что мы четверо друзей–мальчишек и делали. Во-первых, считали у кого, сколько и каких родов и назначения. Во-вторых, строили всякие укрепления, заграждения и т. п. Помню, как-то мой папа предложил сделать лес и кусты, нарисовал нам на бумаге макеты, и мы их нарезали и склеили уйму. Пруды и озера у нас уже были нарисованы, и реки из голубой шелковой ленты тоже были. И вот четыре «великих» полководца ведут свои армии в бой.

Играли мы и в Чапаева, воспроизводили многие эпизоды из только что вышедшего на экран фильма. Слышали мы рассказы о Котовском и тоже разыгрывали сценки. Ловили батьку Махно, причем, он прятался в одном из шкафов, им почему-то всегда приговаривали быть мне. И Володька, и Павка безжалостно вытаскивали меня из этого т. н. леса и бросали на пол, приговаривая: «У вражина, попался».

Да много разных игр было, причем все они приходились на зиму и непогожие дни осени и весны. Кто же будет сидеть в квартире летом, да еще устраивать там какие-то игры? На улицу, на воздух, к солнцу и манящей поваляться траве! Были захватывающие игры, были просто ерундовые, разве все можно перечислить, да и зачем. Ведь некоторые игры просто невозможно повторить, не то время, не та эпоха, рассказал я о них, для того, чтобы читатель имел представление о тех далеких годах, и о том, как проводила время тогдашняя ребятня.

Но вот еще одну игру я хочу упомянуть и только потому, что ей сопутствовал случай, который в какой-то мере меня вдруг насторожил, но я его тогда не мог осознать. Мы играли в ерундистику под названием «Больной». Кто-то из нашей квартиры заболевал, и к нему направлялись доктор и сестра, все мы попеременно перебывали в этих ролях. Но в этой игре у сестры и доктора должны были быть халаты, а у доктора обязательно портфель или саквояж с трубкой, молоточком и т. п. Обычно портфель приносил Павка, а тут играть, а портфеля нет. Отправился я в свои комнаты за саквояжем, который был у нас. Такой хорошенький, цвета мандаринной корочки, он был в родительской комнате, в шкафу. Достал, что-то тяжелый, видимо что-то лежит, а раньше он был пустой. Спрашивать у мамы не стал. Открыл. Смотрю там кусок мыла, помазок, зубная щетка, зубной порошок, железная чашечка для разведения пены для бритья, трубочка с мыльным порожком для бритья, теплые шерстяные носки, простые носки, папино нижнее белье, полотенце. Подумалось, зачем это сюда положили. Положил все это на родительскую кровать и пошел играть. Закончили играть. Возвращаюсь. В комнате сидит мама, берет у меня из рук чемодан и говорит, – «Больше никогда, не бери эту вещь, здесь лежат папины вещи на случай его неожиданной командировки. Ты понял меня, никогда». Тон разговора был жесткий.

Мама со мной таким тоном, даже когда я очень сильно бедокурил, не разговаривала. По радио передавали о троцкистах, зиновьевцах, бухаринцах. Шли митинги трудящихся, врагов клеймили и призывали с ними расправиться, шли аресты, в стране царили «ежовые рукавицы». Мне было слишком мало лет, и я не мог, как-то все это сопоставить и понять назначение саквояжа и какую-то неожиданную командировку. И только когда в начале 1938 года у отца начались неприятности на работе, я вспомнил саквояж, мамин разговор и понял, что может что-то случиться. Случилось, но от самого худшего мы уберeглись. Вот так обернулся мне саквояж в будущем. Закончим с играми.

Такой была коммунальная квартира, бывшая квартира моих родителей. Конечно, я, возможно, чего-то не знаю, что-то не вспомнил, но мне кажется, что в этой коммуналке люди жили на редкость дружно, Скандалов, свар, разборок я не помню.

Существовал обсужденный и утвержденный порядок: уборки общих помещений, пользования туалетом и ванной в утренние и вечерние часы, отдельно было оговорено пользование ванной как банным днем, топка плиты на кухне тоже была расписана. Четко была оговорена плата за воду и свет в общественных местах, а так все имели свои электросчетчики на комнаты. Извечный спор за место на кухне тоже был решен один раз и навсегда, причем у нас было самое удобное и самое большое место т. н. угловое возле окна на галерею. Мы занимали половину около стены и половину около окна. Возможно, эти порядки кого-то и не удовлетворяли, но за передел сфер влияния не осмеливались выступать. Старшим в квартире был безоговорочно признан мой Отец, и его слово считалось решающим.

В кухне была большая плита, вот стерлось из памяти, как она располагалась, по стене или по центру. По праздникам или на дни рождения ее топили и пекли в духовке пироги и пирожки. В этот день и готовили на ней, а в обычные дни на этой плите стояли примусы и керосинки и все хозяйки готовили и разогревали на них. Раз я уже заговорил о примусах и керосинках, то нужно об этом рассказать, ведь многие об этом представления не имеют.

Так, что же такое примус и керосинка, которые в то мое время были царь и царица кухни?

Примус, - это небольшой сплюснутый круглый баллон на трех длинных ножках, загнутых наверху крючком. На эти крючки устанавливалась железная или чугунная конфорка. На конфорку ставили чайники, кастрюли, сковородки и даже ведра и огромные баки с бельем. Я удивлялся, как эти маленькие ножки выдерживают такую тяжесть, ведь баки весили боле 10–15 кг, но выдерживали и работали годами. В верхней части баллона примуса имелась специальная трубка с форсункой и горелкой. В форсунке имелось тонюсенькое отверстие, через которое вверх шел распыленный керосин из баллона, который принимал газообразное состояние. Это создавалось путем накачивания специальным насосом, укрепленным сбоку (когда я повзрослел и учился уже в школе, мне разрешали принимать участие в разжигании примуса, а именно накачивать давление). Керосин заливался в баллон через специальное отверстие, которое плотно закручивалось винтовой крышкой. Чтобы форсунка не засорялась, ее время от времени прочищали тоненькими иголочками на длинных жестяных ручках (У меня есть примус туриста, он работает по этой же схеме, горелка засорилась, и я вот уже

несколько лет не могу найти этого приспособления). После прочистки примус горел особенно ярко и давал очень высокую температуру, распространявшуюся ровно по кругу под днищем установленной посуды, что обеспечивал специальный металлический колпачок горелки, который очень равномерно распределял огонь. Казалось, что примус весело гудит и поет, а на кроне огня разогревается и кипит или суп или кипяток или жариться картошка или пышные котлеты. И было это очень интересно мне мальчишке стоя с мамой или тетей или няней Груней наблюдать за этими красивыми переливающимися яркими цветами огнями.

А была еще керосинка, правда она работала гораздо медленнее, чем примус, но она была менее безопасна. Керосинки были двух типов: высокие плоские одно и двухфитильные и низкие круглые трехфитильные. В нашем хозяйстве были два примуса и две двухфитильные керосинки

Керосинка имела ровный и спокойный огонь, это не примус с его бурным играющим пламенем. Высота пламени регулировалась специальными колесиками на длинных и тонких спицах. Зажигались керосинки тогда, когда с баллона снимался основной цилиндр, на котором устанавливались кастрюли, чайники, сковородки. Когда фитиль слишком обгорал, его обрезали (когда я пошел в школу, это стало моим делом), а для этого нужно было снять цилиндр. В цилиндре было затянутое слюдой окошко, через которое можно было следить за пламенем и регулировать его, выдвигая и задвигая фитили, огонь делался сильнее или слабее. Гасили керосинку поворотом ручки–колесика, полностью задвигая фитиль вовнутрь, лишая его доступа воздуха. Боже упаси задувать керосинку.

Что бы закончить с кухней, нужно сказать о холодильниках и утюгах. Холодильников в теперешнем понимании этого слова у нас тогда не было. В стенке кухни выходящей на улицу были сделаны шкафы, там и хранились мясо, колбасы, молочные продукты и рыба, Летом туда ставили ящики со льдом, а зимой там была необходимая температура около нуля или минус с чем-то.

Белье, платья, брюки, костюмы и рубашки нужно гладить, и каждая хозяйка имела для этой цели утюги. Электрический утюг появился в массовом потреблении в 30-х годах, а так пользовались цельнометаллическими чугунными утюгами с крученной металлической ручкой, за которую упаси господи, взяться рукою, ожог будет еще тот, обязательно нужно пользоваться или тряпкой сложенной в несколько раз или специально сшитой прихваткой. Утюг этот был не очень тяжелым, и так как он был небольшой, то это было его удобство, а недостатком было то, что он быстро остывал, и его приходилось время от времени ставить на примус, керосинку или плиту. Да, я не совсем правильно сказал о размере и тяжести утюга. Они были разные по габаритам и по тяжести. У нас в семье их было несколько, я очень любил самый маленький и он долго был у нас в обиходе, а потом просто стоял в шкафчике на кухне, выбросили его в конце 90-х годов, а ему было, наверное, под сто лет, жаль да разве только его, сколько всего выбросили.. Помню в детстве, да и позднее такие утюги использовали в качестве «гнета» при квашении капусты. А еще был угольный, или как его еще называли паровой утюг. Это была пустотелая кораблеобразная чугунная коробка с острым носом и откидывающейся крышкой. Ручка была деревянная, но для пользования нужно было все равно иметь тряпку или прихватку. В коробку засыпали древесный уголь, поджигали его, а потом его нужно было, что называется – раскочегарить и это было

не простым делом. Нужно было поставить утюг или в топку печи, что бы создать тягу или пользоваться сапогом, как мехом, или брать утюг в руки и раскачивать из стороны в сторону. Когда я стал постарше и бывал летом на даче, я любил раскачивать утюг, интересно было смотреть, как из него вылетали маленькие искорки. Преимущество этого утюга было в том, что уголь долго оставался горячим, а, следовательно, и утюгом можно было пользоваться до тех пор, пока не выгорали угли.

Я рассказал о том, что представляла из себя наша квартира, таких квартир, как я уже говорил, в нашем доме было немного. Владельцы дома, когда его строили, исходили из того, что часть квартир должна быть дорогая и с лучшими удобствами, а часть по проще. И квартиры, выходившие на проезжую часть и во двор, и были такими. В разных подъездах дома жили Севины и мои сверстники, товарищи по играм, по школе, по интересам. В такой же квартире, как наша, в нашем подъезде, но этажом выше, жили Токаревы, их сын – Яша, был другом Севы, а его мама – Мария Исидоровна, детский врач, была домашним врачом и Севы и меня и даже тогда, когда мы переехали на Донскую улицу. Как-то Яша передал мне маленькое письмо, которое Сева направил ему перед отъездом на фронт в 1942 году и где он очень трогательно вспоминает Марию Исидоровну. В такой же квартире, только с окнами на площадь жила семья Борисовых, с их сыном Юриком мы были ровесниками и в те годы очень хорошо дружили. Когда дом снесли, они что-то приобрели в районе трех вокзалов, а потом вдруг пропали. Видимо, попали под «ежовые рукавицы», жалко хороший был мальчишка, верный товарищ в наших детских увлечениях–развлечениях, да и мама и папа его были очень добрыми и приятными людьми. Вспоминаются еще некоторые имена, но разве всех назовешь, да и не к месту эти воспоминания, у нас на очереди чердак и крыша дома.

Чердак. Из каждого подъезда и с черных лестниц, с пятых этажей вели несколько ступенек к дверям на чердак, которые конечно были закрыты на замки. Но все ребята, разных возрастов, как-то на чердак попадали. На чердаке были свои группы влияния, именно в них и варилась ребятня. Там были свои лидеры, свои порядки. Группы имели свои ключи, так вот и попадал ребячий народ на чердак. В первый раз каждый попадал по своему, Одни заползали сами, других приводили «бывалые». Из самых маленьких, а это 5–7 лет попадали только самые шустрые и озорные или по великому блату, т. е. знакомству. Я и Володька залезли сами, нас оставили, так как мы значились во дворе «озорниками». Чердак нашего дома был достаточно высоким, и даже старшие, высокого роста ребята, могли передвигаться по нему, не наклоняясь и не прижимаясь. Там можно было увидеть большие окованные железом сундуки, некоторые с замками, а другие без оных. Перевернутые на спину шкафы, диваны, стулья, этажерки. В вентиляционных комнатах или кабинах, которые тоже были на замках, но и к ним были ключи, находились склады всевозможных интересных вещей. Некоторые из этих комнат, если так можно выразиться, были кабинетами определенных ребячьих групп, и в них проходил прием в эти группы. Прием проходил торжественно с клятвой, уж не помню, что было в этих клятвах, но хорошо помню, что слова «постигнет презрение всех ребят» там были и что в исключительных случаях можно было получить прощение, скушав землю. Так что возмездие было жестоким и по–

мальчишески неотвратимым. Во всех этих комнатах я не был, их там было с десяток, но в двух побывал. В одной, которая принадлежала нашей группе и верховодил там Женька–жлоб (так его прозвали за то, что у него ничего выпросить было нельзя), я побывал не раз и не два и свой след там оставил. В комнатах, как правило, были шашки, шахматы, лото и карты. Но кроме этого обязательного набора, можно было увидеть кайзеровскую каску и каску наших солдат времен мировой войны, повидавшую виды солдатскую папаху, ножны от немецкого палаша, полевой бинокль, буденовку, кожаную фуражку, кобуру, различные перочинные ножики, гильзы от патронов и снарядов и даже была и винтовка, но без затвора. И многие – многие другие вещи совершенно бесцельные в обиходе, но так необходимые в мальчишеской жизни и питающие их воображение. Внес и я свой скромный вклад в комнату нашей группы: кайзеровскую каску, да еще выпросил у отца его старенькую всю пожелтевшую офицерскую папаху. В этих комнатах чердака мы проводили достаточно много времени, особенно весной и осенью. Играли в шахматы, шашки, лото, карты. Кто проигрывал в шашки, получал щелобанчики, а кто проигрывал в карты, в дурака, тот получал колодой по лбу или по носу, таковы были порядки. Иногда читали интересные книжки. Помнится, очень любили про детей капитана Гранта и еще Фенимора Купера «Последний из могикан» и «Кожаный чулок», заслушивались рассказами и про книги и про разные истории и вообще про дела, творившиеся вокруг. Ну и конечно рассказывали всякие свои фантазии и ужастики. Было познавательно, весело, смешно, а иногда и страшновато – жутковато, но все это вместе взятое, воспитывало в ребятах самостоятельность, взаимовыручку, смелость, храбрость, готовность постоять за себя и за своих товарищей, и эти качества, потом в жизни пригодились.

Ну, а крыша, как она там поживает? Освоившись с чердаком, мы с Володькой полезли на крышу, честно говоря, было страшновато, но неизвестное и интересное пересилило страхи, и мы полезли к барьеру. Страховал нас Женька–жлоб и Павка, который был здесь за «бывалого». То, что я увидел, ошеломило меня. Я увидел совершенно другую картину своей округи, которую я к тому времени довольно хорошо знал по пешим прогулкам с отцом и мамой. Перед моим взором открылась панорама ближайших к нашему дому окрестностей. Я вертелся буквально как юла направо, налево, кругом, бежал от одного края крыши к другому. А передо мною расстилался город во всей его красе, в солнечных лучах играли кроны деревьев, разноцветные и разновеликие крыши домов, расходились лучами улицы и переулки, играли позолотой еще не снесенные шпили церквей и колоколен (тогда еще не все их снесли, это был 1934 год).

И так, что я увидел: над моей головой возвышалась надпись «Первый кинотеатр», а внизу растиралась площадь Восстания (Кудринская), она показалась мне значительно меньше, чем там, на земле, Прямо передо мною лежала довольно широкая Садовая-Кудринская улица, кое где нетронутыми еще садами по бокам, булыжной мостовой и трамвайными путями посередине. Направо от меня уходили улица Герцена (Большая Никитская) и улица Воровского (Поварская). Прямо передо мною, чуть–чуть правее площади просматривался шпиль какой-то церкви, Женька–жлоб сказал, что это на Малой Никитской Георгий на Всполье, позже ее снесут и на этом месте построят огромное здание, кажется Радиокомитета или Дома звукозаписи, что впрочем, одно и тоже, сейчас там второй канал ТВ. В

общем, сначала заменили разумное и доброе от бога на разумное и доброе от партии и правительства, теперь сеют разумное и доброе от элиты и распустившегося медио–сообщества. Смотрю направо в сторону улицы Герцена (Большой Никитской). Улица отлично просматривается почти до Никитских ворот. Выделяется купол храма «Большого вознесения», он большой массивный и как бы парит над окружающими его небольшими домами и кронами зеленых насаждений. Тогда о том, что здесь венчался А.С. Пушкин с Натальей Гончаровой, кроме старожил, этих мест, мало кто знал. А я это знал, мне папа рассказывал это во время наших с ним прогулок. Перешли к другому парапету, и открылась улица Воровского–Поварская со всеми выходящими на нее переулками, она проглядывается почти до Арбата. Вот «Первый кинотеатр», «Дом литератора», череда иностранных посольств и опять купола каких-то церквей. Я и тогда и сегодня помнил и помню только название одной – «Бориса и Глеба», ее, как и другие церкви в этом районе Москвы постигла одна и та же участь, их снесли. Проглядывается путь, по которому ходил в школу №10 им. Ф. Нансена, в Мерзляковском переулке мой брат Сева. Через год и я пойду в эту школу. Перешли на другую сторону крыши, и я увидел «Вдовий дом» и его сад, Баррикадную улицу, церковь «Покрова на Кудрине». А вот там, за углом «Вдовьего дома» пожарная часть и отделение милиции, которое нас бережет, и утопающий в зелени Зоопарк и Большая Грузинская улица, а там и рукой подать до дома моей бабушки в Курбатовском переулке. Зелень Зоопарка сливается с зеленью «Вдовьего дома» и в глубине этого массива возвышается купол Планетария. В планетарии я уже побывал. Это очень интересное здание, в нем установлена специальная машина с двумя огромными шарами по бокам, машина эта вертится. В шарах тысячи отверстий для лампочек. Каждая лампа – звезда или планета. Все это проецируется на свод купола, и получается огромное звездное небо. Для любого человека это необыкновенно, а по тем временам просто чудо. Вспомним, какая в те годы была страна, да и Москва, взрослые люди учились писать, читать, антирелигиозная пропаганда, а тут Планетарий, где показывают звездное небо, планеты, созвездия, всяких там Медведиц, Львов, Жирафов, Скорпионов, и можно увидеть лунное и солнечное затмение. Да много чего могут рассказать в этом удивительном доме, обо всех этих и других планетах и звездах, и, конечно же, затронут извечный вопрос, на который и сегодня нет ответа – «А есть ли жизнь на Марсе, на Венере и т. п. ?». Просто здорово и чудно выглядело это в годах так 1930–1935. А вот с Колей и Андреем было все по–другому, у них такого восхищения, которое было у меня от знакомства с Планетарием, я не заметил, вот что значит конец 50-х и начало 90-х годов. Мой взгляд задержался на зеленом массиве Зоопарка. Над его прудами и вольерами возвышаются кроны деревьев, и только виднеются очертания одного пруда и за ним проглядывается большой вольер, зверья не видно, только вот орел на вершине маячит. Мое воображение дорисовывает картинку, ведь я знаю, где какие звери и прочая живность обитают. Вот там слоны, а тут, наверное, прыгают мартышки, а здесь степенно в вразвалочку передвигается горилла, а вот тут видимо должен быть «Аквариум» и в нем великое множество всяких рыбок. Сколько всего интересного в Зоопарке и как хорошо, что он почти рядом, пешком от нашего дома метров 500–700. В зоопарке я был уже много раз. Там можно покататься на пони, лошадке, на тройке, и еще на том, который плюётся –

верблюде. А еще там бывают розыгрыши всяких призов и лотереи. Можно выиграть птичек или рыбок, мелкую живность и даже медвежонка. Эти розыгрыши призов и лотереи собирают массу детворы и их родителей, ведь каждому хочется выиграть. Мы с папой пару или тройку раз выигрывали рыбок и канарейку. Насмотрелся я на Зоопарк и пошел с ребятами на другой конец парапета крыши смотреть на Новинский бульвар и его окрестности. Рассказывать о моем видении бульвара с крыши я не буду, просто расскажу о бульваре.

Новинский бульвар

Новинский бульвар занимает в моей детской жизни особое место. Это то место, где меня вывозили в коляске на свет божий посмотреть и свежим воздухом подышать. Это все времена года и пышная крона, и сочная трава, это укосы травы и барахтанье в скошенных травах, это всякие песочницы и строительство наземных и подземных городов, это краски листопада, это вдруг осыпавшиеся и стоящие как бедные родственники деревья. И вдруг, как-то утром ты соскальзываешь с постели и подбегаешь к окну, а бульвар весь в снегу. Наступило время санок и лыж, а потом пригреет солнышко и потекут бесконечные ручейки и кораблики по ним – это пришла весна и еще немного и снова будет лето – зелень и трава и понесемся мы в своих казаках–разбойниках по Новинским зеленым просторам. И так Новинский бульвар.

В старой Москве бульваров было несколько. Новинский, Смоленский, Зубовский на Садовом кольце, на месте бывших валов Земляного города. Никитский, Гоголевский, Яузский, Покровский, Чистопрудный Сретенский, Рождественский, Петровский, Страстной, Тверской – бульвары Бульварного кольца, расположившиеся на месте стен бывшего Белого города, Отдельно располагались Цветной и Самотечный бульвары. Об этих валах и стенах мне не раз рассказывали во время прогулок по городу папа и дядя Володя. Эти рассказы будоражили, мое детское воображение рисовало картинки и в них меня в длинной рубашке, подпоясанной кушаком, на этих валах и стенах помогающего стражникам.

Вообще история меня очень интересовала, и я многое уже знал и читал, а читать я начал очень рано, и к 6 годам был, уже начитанным человечком, который запросто разбирал книжный текст, а не какие-то там буквари. И книжки для детей с аршинными буквами. Так вот, я уже знал, что валы давно срыли, а ворота разобрали. Правда, еще сохранились некоторые ворота Белого города, например, Красные ворота их, разобрали где-то в 1928 году, но названия ворот остались: Красные ворота, Никитских ворота, Сретенские ворота, Покровские ворота. О Белом городе и воротах я еще расскажу, когда буду писать о моих путешествиях на «Аннушке» по Бульварному кольцу.

Да, срыли валы, разобрали стены, и на их месте возникли бульвары и сады, а потом пришло время, и срыли-снесли сады и бульвары и разобрали-снесли дома стоявшие в их торцах на Садовом кольце. И происходило это в 20-е – 30-е годы. А пока, в моем детстве, они были, я гулял по ним, играл на них и просто отдыхал сидя на лавочках и болтая ногами. Я пережил их снос, их буквально сносили на моих глазах, и было это почти 70 лет назад.

Новинский бульвар шел от площади Восстания (Кудринской) к Смоленской площади, на которую слева выходил Арбат (как это у Булата Окуджавы « Ах, Арбат, мой Арбат...»), а направо можно было свернуть к Бородинскому мосту через Москва–реку и далее через мост, к Киевскому вокзалу и по Доргомиловке к Поклонной горе и Кутузовской избе в Филях.

Бульвар был довольно широким, имел три аллеи. Средняя, центральная, была достаточно широкая, две боковые узкие. Деревья были развесистые, их кроны образовывали вверху как бы соединяющиеся между собою шатры, и получался

своеобразный коридор, летом весь обвитый зеленью, а в зимнее время над тобой было сплетение веток. Так выглядели боковые аллеи. Центральная аллея из–за своей ширины не могла образовать шатер, но все равно над большей ее частью летом, раскинулись зеленые кроны. Летом через эту зелень – листву пробивались лучи солнца и кусочки голубого неба. И все это играло разными оттенками, красотище.

Бульвар был довольно длинный, Он шел от торца нашего дома и выходил на рыночную Смоленскую площадь. Там около самой Арбатской улицы, тоже стояли дома посреди площади. Они стояли вперемежку, жилые с магазинами и чисто жилые, и это были 2-х и 3-х этажные дома. А за Смоленской площадью была Сенная площадь. На Смоленской площади был рынок, там торговали в рядах и с лотков, а по выходным дням была торговля и с возов. Приезжали крестьяне с Подмосковья, и шла бойкая торговля овощами, мясом, живностью, фруктами и т. п. А на Сенной площади обычно торговали с возов сеном, фуражом, дровами и каменным и древесным углем, торфом, вот отсюда и название Сенная. Но все это было до строительства метро. Потом убрали сначала рыночки, а затем и дома. Да вот, что еще хотелось бы отметить, пять, комнат нашей квартиры выходили на бульвар, представляете, какой чистый воздух шел в эти комнаты и какой вид открывался. Я уже не говорю о том, что аура бульвара гасила все шумы от проезжей части...

Наш бульвар прерывался в районе Б. Девятинского и Новинского переулков. После перерыва в районе Б. Девятинского, была большая, открытая площадка, она образовалась между боковыми аллеями. На этой площадке была карусель и там, так же можно было покататься на лошадках, а иногда появлялся и степной корабль – двугорбый верблюд. С этой площадкой и каруселью связан один курьезный случай. Я его часто вспоминаю, то ли детская память такой оставила след, то ли пересказы взрослых отложились, но дело было так. Няня Груня гуляла со мною на бульваре, мне шел уже второй год, было начало зимы, я сидел в больших санках, были такие санки в виде коляски, но без корзины, а с сидением, как стул. Груня поставила санки около низкой ограды карусели и заболталась с такими же нянями. Я ёрзал–ёрзал и, наконец, вскарабкался на сидение и прислонился к ограде, но в этом положении видимо я оказался выше ограды и в один из своих поворотов разворотов перевалился через ограду и упал в сугробчик, по ту сторону ограды, благо он там оказался. Конечно, я закричал, что было дальше, рассказывать нет смысла, я отделался легким ушибом, а Груню чуть не прогнали, но я видимо что-то понимал и вцепился в нее, ее оставили. Когда я подрос, мы играли на этом бульваре в различные игры: в прятки, салочки, казаки–разбойники, в чижика, а на газонах в лапту, футбол и т. п. Еще летом играли на большой аллее в «крокет». У меня был набор для этой игры, и я с друзьями выносил биты, шары, колышки и связку ворот. Расставляли ворота и колышки и могли часами гонять шары. Обычно, кто проигрывал, покупал мороженое. Сколько оно стоило? Наверное, копеек 5. Раза 2–3 за игру кто-то разорялся, а кто-то объедался.

Свои прелести на бульваре имели зима, весна и осень. Осенью листопад делал аллеи и газоны волшебством красок, мы собирали там букетики листьев деревьев. Липа, дуб, береза, ясень и никаких тополей, этой гадости на нашем бульваре, да и на остальных, не было.

Зима, это катание на санках, мы вместе с родителями сооружали горки и с них катались, правда, это были маленькие горки, но все–таки горки да к тому же, созданные собственными руками. Катались на лыжах. По бокам аллей, образовывались большие сугробы, и мы с упоением валяли друг друга в них. Визг, смех, хорошо, а то, что мокрые, и расстегнутые, это ничего. Еще зимой лепили дедов – морозов и всяких там снегурочек и баб. Целые аллеи этих произведений детского и взрослого творчества выстраивались, шло как бы соревнование у кого красивее и наряднее. Нос обязательно из очищенной морковки и у каждого изделия свой по размеру махонький, а у кого о–го–го. Ну, а на голове или какая-то шляпа или ведро, бывали и кастрюли и что совсем не к месту – соломенные шляпы. Еще одним развлечением на бульваре были длинные ледяные дорожки. Они были значительно длиннее, чем на тротуарах улиц и переулков или во дворах, там, конечно, тоже можно было разбежаться и прокатится, но разве это можно было сравнить с катанием на бульварных дорожках. Никакого сравнения!

А весна на бульваре. Начал таять снег, сугробы уже не такие прочные, они становятся пористыми, с проталинами и если посмотреть на них со стороны, то твое воображение быстро нарисует красивые гроты и пещеры с такими тонкими и толстыми льдинками–пластинками, и в каждой такой льдинке сверкает яркое весеннее солнце. Весь бульвар, все аллей сверкают. Красотище! На бульваре полным полно луж, они то образуются, то замерзают и в них тоже тысячи сверканий. А к ночи, когда все замерзает, образуются узорчатые ледяные пластинки, каждая со своим неповторимым узором. И какое дело до промоченных ног, мокрых валенок, несмотря на галоши, мокрых варежек и промокшего пальто, когда кругом такая красота. Мы разгребаем сугробы, что бы дать проход воде, устроить каскады, ручьи, и главное запустить флотилии бумажных или вырезанных из дощечек или сучьев деревьев кораблики.

Да, вечером будет горячее молоко. Да еще с содой. Это сейчас я его запросто пью, а тогда «Фу», противно. Но, что не сделаешь, что бы завтра повторилось это весеннее чудо.

Вот упомянул о галошах и валенках, а кто из теперешних москвичей знает о них, наверное, большинство их в глаза не видело, тем более не надевало, не носило.. Думаю немногие, вот только последние года три я вижу их на рынке, да еще мне о них напоминает расположенная, на Варшавском шоссе перед самым выездом из Москвы фабрика валенок. А в моем детстве, до воины, в войну и после войны, это была самая распространенная вещь. А галоши, они защищали нашу обувь, в любую непогоду, от снега, луж и грязи. И странно погодные условия не изменились. И снег идет, и дождь льет, и грязи хватает, а галоши пропали (кроме галош были еще и боты, они бывали и простые резиновые и фетровые и даже отороченные мехом), ну, конечно, горожане стали совсем не те, и их эта допотопность шокирует. Другое дело деревня, вообще глубинка, там без этого не обойдешься.

Галоши мне очень запомнились, они были резиновые с мягкой подкладкой красного цвета. Что бы они не пропали или не перепутались в раздевалках, их метили внутри маленькими медными буковками. Чаще всего, это были две буквы, из инициалов или первые буквы фамилии и имени. Проблема была с этим в

школах. Ведь даже в одном классе были ученики, имевшие одни и те же начальные буквы, вот и приходилось брать с собою мешочки и складывать туда свои галоши и ботики. В 10 школу я еще ходил в галошах, ну а когда учился на Донской, в 15 школе, я их избегал, как огня, и старался ходить в школу без них. И без мешочка, благо школа была буквально через дорогу. Галоши, как мне кажется, исчезли в 50-е годы. Я встречал их позже только в Российской глубинке и на Кавказе и в Средне–Азиатских республиках бывшего Союза.

Валенки в моё время детвора носила поголовно, сейчас на детях их увидишь редко. Я любил валенки, в них было тепло. А еще было забавно, что в самом малом детстве, их на меня одевали, в то время как ботинки, я одевал сам. Под валенки обычно надевали теплые носки, а Груня мои ноги еще почему-то обвертывала газетой, говорила, что так будет теплее. На валенки одевали галоши. В валенках действительно было тепло, а главное можно было забираться в снег и сугробы, правда, иногда в валенки набивался снег, и его приходилось выковыривать или вытряхивать или самому или Груне. Это зависело от возраста и моего настроения.

Заканчивается мой рассказ о бульваре моего детства. Все время, пока я писал эти строчки, а затем печатал их, он как бы стоял передо мною, шелестел своей листвой, ложился мне под ноги изумрудно–желтым ковром. Но бульвара нет, его снесли в 1935–1937 годах. Новинский бульвар стал улицей Чайковского, в честь великого русского композитора. В 1991 год новые городские отцы вернули название «Новинский бульвар». С одной стороны я их могу понять, а с другой, зачем обижать композитора, он тут, причем в Вашем политиканстве. Есть название, но нет бульвара, Бегут по его истории сотни и тысячи автомобилей в ту и другую сторону, ползут троллейбусы. Пробки на пробке. А деревья, которые высажены по краям тротуаров, не выдерживают и гибнут

Бульвар погиб на моих глазах, вернее, был снесен. Сначала, сняли чугунные изгороди. Затем, почему-то в нашем торце бульвара, под нашими окнами, проложили линию трамвайных путей и сделали остановку. Через год все убрали. Начали выкапывать деревья. Это был длительный процесс, шли от Смоленской площади и к нашему дому подошли в конце 1936 год. Деревья окапывали квадратом, обивали этот квадрат досками, краном грузили на автомобили, тогда уже были в определенном достатке советские автомобили «ЗИС» и «ЯЗ» и увозили наших любимцев, в какие-то лесопарки Москвы, говорили, что в Сокольники и Измайлово. А затем началось асфальтирование площадей бывшего бульвара. Прокладка труб, устройство водосливных каналов и т. д. и т. п. Появились варочные котлы, в которых варили асфальт. Это были довольно объемные железные сооружения, круглой формы с отверстием для разжигания огня, с круглым чаном с крышкой. Запахи пошли еще те, но нам оставалось уже недолго жить в этом доме, он подлежал сносу в 1937 году.

Запомнились две истории, связанные с этим временем. Первая, это то, что в котлах иногда ночевали и нищие и беспризорники, ведь там долго сохранялось тепло, ну а то, что от них потом пахло варом, это их не беспокоило, они ко всему были привыкшие. Но наша милиция, которая тогда берегла наш покой не в пример теперешней, устраивала облавы и их «тепленьких» забирала в участок. Мы с ребятами: Павка, Володька Юрка, Юлик и я договорились испробовать это удовольствие и в один из осенних вечеров 1936 года забрались в один из котлов.

Пробыли мы там не долго, наверное, пару часов. За это время наши родители хватились нас, и нас предала Ирма, она знала о нашей задумке. Родители бросились спасать своих сбившихся с истинного пути чад. С помощью сторожа, нас быстро обнаружили, задали хорошего трепака, и повели для проведения профилактики и последующего воспитательного разговора домой. Нам с Павкой профилактику в ванной комнате устроили совместно, а воспитывали врозь.

Вторая история. Снос бульвара и строительство дороги были обычной стройкой, а раз стройка, то ее кто-то должен охранять. Недалеко от нашего дома, еще когда выкапывали деревья, появилась будка – сторожка, а в ней, естественно сторож, да не простой, а прямо–таки золотой. Звали его все Федорычем, и лет ему было много, и бывал он георгиевским кавалером за русско–японскую войну. В этой сторожке он прямо–таки жил, были в ней топчан, скамейка, стол, две табуретки и настоящая каменная печка с плитой. На одной из стен был портрет Калинина, приколотый кнопками, а на другой стене около двери был плакат, на котором краснощекий русский солдат брал на штык маленького япошку. Плакат был старый пожелтевший, кое где порванный. Он был наклеен на картон и вставлен в простую рамку под стекло. Как он умудрился столько лет сохранить этот плакат, одному господу богу известно. Мы часто бывали у Федорыча, он нам охотно рассказывал разные байки, про ту войну, про революцию, про гражданскую войну. Обычно это происходило так: «Федорыч, расскажи что- нибудь?», а он «А магарыч». Мы это уже знали. Заранее скидывались, покупали ему четвертинку, ну естественно не сами, просили взрослых ребят. Покупали ему еще вяленую треску, или горбушу, или таранку, тащили из дома картошку, и начинался удивительный вечер. У Федорыча был ритуал. Из ящика извлекался граненый стакан, он дул в него, затем вафельным полотенцем протирал и наливал половинку четвертинки, крякал и выпивал, нюхал корку черного хлеба. Откусывал кусочек луковицы и начинал очередную байку. А еще он пек, принесенную нами картошку, и мы, обжигаясь, засовывали ее в рот вместе с кусочками какой то рыбы. Было изумительно вкусно, ну и, конечно, очень интересно слушать его байки. Ну, вот, пожалуй, и все о бульваре,

Нет не все. Вспомнились еще две картинки, которые, пожалуй, нужно рассказать

Одним из наших ребячьих развлечений в шести, десяти летнем возрасте, что совпадает с моим проживанием на пл. Восстания, была езда на подножках трамвая (у меня будет еще специальный рассказ о поездке на подножке по всему Садовому кольцу и Бульварному кольцу, а сейчас о другом). Тогда на этих подножках и на заднем бампере ездили многие, в том числе и вполне взрослые люди, и не только на одну остановку, но и по гораздо, дальнему маршруту. Я научился ездить на подножке еще до школы и проезжал одну– две остановки, а то и больше, и очень гордился тем, что мог впрыгнуть и выпрыгнуть, правда, на маленьком ходу, ну, конечно, моим наставником здесь был предводитель нашей чердачной группы – Женька–жлоб. Именно он обучал меня Павку и Володьку этому, в кавычках, искусству, и с ним именно я впервые доехал до Зоопарка, а вершиной моего обучения, была поездка до стадиона «Динамо» и обратно. Правда, нам пришлось менять трамваи, нас сгоняли кондукторы и желающие прокатиться за дармовщину взрослые дядьки. Но после этого обучения со мною произошел случай, который

чуть не стоил мне ног. Дело было так. Бульвар сносили, изгороди сняли, на их месте появились насыпи земли или песка, сами трамвайные пути были обнажены до шпал, и трамваи шли несколько медленнее. В один из осенних дней 1936 года, мы с Павкой впрыгнули на Смоленской площади на подножку трамвая, причем не на последнюю подножку последнего вагона, а на заднюю подножку первого вагона. И поехали вверх к нашему дому. И вдруг после Большого Девятинского переулка, о ужас, я увидел внутри вагона Марию Сидоровну, моего доктора, мать Севиного друга Яши. У нее были большие глаза, и она покачивала головой в знак осуждения нас. Что делать, ясно, что родители узнают, ни прогулок, ни мороженного, ни кино не будет, а взбучка будет о–го–го. Страх обуял меня и передался Павке, Он немедленно прыгнул, прыгнул и я, но неудачно. Я не попал на гребень насыпи и не перепрыгнул его, а плюхнулся на колени на скат и не сумел удержаться, ноги поползли вниз под решетку, соединяющую вагоны. Доли секунды решали все, как-то я уцепился за что-то и потянулся наверх, и подоспевший Павка схватил меня за руку и тоже потянул. А трамвай уже тормозил, кричала Мария Сидоровна, кондуктор. Кое как перемахнув насыпь, мы бросились бежать, петляя. Как зайцы, между вырытых ям из–под деревьев, в сторону «Дома Наркомфина» и Шаляпинского сада. Там, через ребят, мы вызвали нашего друга Юлика и отправили его на разведку. И только когда он, через какое-то время сказал на, что у нас дома никто ничего не знает, мы покинули наше укрытие и отправились домой. Там действительно было все спокойно и нас пожурили только за опоздание. Потом Мария Сидоровна скажет мне, что она решила не говорить ничего родителям, а сама со мною и Павкой поговорить. Какая она была хорошая и добрая и все понимающая. Настоящий Доктор именно с большой буквы. Недаром Сева перед очередной отправкой после ранения на фронт, в письме Яше передал ей большую благодарность за все, что она в своё время сделала для него. Она давно умерла, Яше уже 90 лет. И я тоже говорю: Спасибо ей за все, в том числе и за тайну моего героического, в кавычках, подвига. После этого случая, я редко катался на подножках, вернее почти не катался, если не считать моего путешествия по «кругосветкам» и еще одного печально закончившегося прыжка, который я совершил летом 1939 года. Тогда я отделался тем, что содрал кожу на локтях, коленках, голени, животе и лопатках. Картинка была еще та. Черт меня дернул вскочить на заднюю площадку трамвая в Выставочном переулке. Видите ли, проколотую камеру от футбольного мяча нужно было срочно заклеить, лучше я до Калужской площади бегом бы добежал. Нет, прыгнул на набравшей уже скорость трамвай, оступился и сорвался. Подтянуться не удалось. Несколько метров я проволочился, потом отпустил руки и начал кувыркаться. Ободрался я сильно, хорошо, что ничего не сломал и то, что произошло это близко от дома. Доковылял я до дома. Сева был дома, он в то время был студентом мединститута, что на Большой Пироговской, кончал второй курс, мамы, к счастью, не было дома. Сева обработал все мои ссадины, синяки и велел лежать. Что было мне еще делать, кому и для чего я в таком виде нужен. Ну, а камеру Сева вынул из своего волейбольного мяча и отнес ребятам во двор. Ребята на следующий день меня навестили, принесли мороженое, и поохали по моему виду. А накануне вечером мне долго выговаривал отец и вынес свой вердикт: месяц дома и ничего сладкого. Хорошо, что бабушка сжалилась и забрала меня на дачу в Пески, а то бы я умер от тоски. После этого

случая, я зарекся больше никогда не прыгать и не ездить на подножках трамваев, а также на бамперах троллейбусов. Хотя в войну во время эвакуации на Урал пришлось пару раз прыгать в вагон и на тормозную площадку, да и потом, когда был в армии в 1944–м и 1945–м годах, пришлось прыгать в теплушки и на подножки платформ, но это была не шалость, а необходимость.

И вторая картинка. Мы с няней гуляем по бульвару. Зима, я на санках. Вдруг, какое то движение людей, нянь с детьми и ребятишек и возгласы «Ведут!», «Ведут!», « Ведут!». Няня Груня поворачивает санки и бежит с ними и естественно со мною к правой изгороди бульвара. Изгородь во многих местах облеплена кучками людей. По проезжей части гарцует на лошади милиционер. По стороне изгороди и тротуара появляются люди в полушубках, шапках за спиной винтовка, а на поводке собаки–овчарки, некоторые из тех, кто в полушубках винтовки несут на перевес (есть такой ружейный прием). А вот, наконец, и те о ком говорили «Ведут!», это арестанты – женщины, идет этап в женскую тюрьму, которая расположена там, внизу ближе к Москва–реке, где-то в районе Новинского переулка. Такое я видел в те далекие годы раза два–три. Смотреть на это, наверное, не очень приятно, но я же был маленький, и мне было интересно. Толпа арестантов была большая, она растянулась вместе с охраной метров на пятьдесят. Арестантки были по–разному одеты. Тогда зимой некоторые были в каких-то пальто, а другие в шубах, каких-то темных куртках. Головы закутаны в платки, за спинами у многих мешки на веревках, видимо с вещами, у некоторых узелки в руках и все они какие то неопрятные и убогие. Наверное, некоторые из людей, собравшихся на бульваре, и на тротуаре знали, о том, что будут «вести» и кидали в толпу хлеб, пирожки и какие-то свертки. Собаки лаяли, женщины подбирали, а охрана отгоняла. Позже когда я читал «Воскресение» Л. Н. Толстого, я представлял себе Катюшу Маслову в этой толпе. Кстати у Толстого она сидела, видимо, именно в этой тюрьме, ибо в то время на Москву она была одна – женская. Теперь уже точно о бульваре все.

Но ведь по обеим сторонам бульвара, там за проезжей частью и тротуарами стояли дома, и у них тоже были свои истории, свои особенности, своя красота. В этих домах жили некоторые наши товарищи по играм на бульваре, а главное там были дворы с палисадниками, сараями, заборами и всякими проходами и дырками. Раздолье для мальчишеских, да и девчачьих игр.

Дома были разные: от, одно, двух до пяти, семи этажных. Высоких было мало, наверное, дома три. Это «Дом Наркомфина», дом князей Щербатовых, это по правой стороне, если смотреть от площади Восстания, и так называемый. «Дом Полярника» по левой стороне. В основном стояли сохранившиеся со старых времен, невысокие, но смотревшиеся очень привлекательно, как-то по–домашнему уютно дома и домики. Были и, очень крошечные прямо, как говорится, «от горшка, два вершка» и всего-то три окошка, но обязательно свои ворота, своя калитка и маленький палисадник, а с тыльной стороны домов по правой стороне был огромный сад и назывался он «Шаляпинский сад». В этот сад через всякие лазейки, проулки–закоулки мы, детвора, и стремились со своими играми. А наши родители были спокойны, никаких маньяков, душителей, грабителей.

Обо всех домах я рассказывать не буду. Вообще сразу скажу, что я не строитель, не архитектор, не художник и слабо разбираюсь во всех этих

архитектурных особенностях. Я передаю все почти так, как я воспринимал это тогда в 30-ые годы.

И так, по правой стороне стояли два домика их называли «Шаляпинские». В старые времена они принадлежали известному во всем мире русскому певцу – Федору Шаляпину, Когда я уже состоялся, Шаляпин в России, вернее в Союзе уже не жил, он уехал за рубеж в 1922 году. В домиках кто-то жил, но, видимо это были посторонние люди не шаляпинские родственники, и они не очень то ухаживали за внешним видом. Позже, так к концу 30–40 годов домики начали ветшать и их подновили. А в 80-е годы начали долгий ремонт и, наконец, сегодня домики выглядят очень даже привлекательно, на одном из них Памятная доска. И там музей–квартира Ф. И. Шаляпина. А рядом поставили памятник великому певцу.

Дом Ф.И. Шаляпина на Новинском бульваре, 2007 год.

Памятник Ф.И. Шаляпина около дома на Новинском бульваре, 2007 год.

Что касается сада во дворе дома, то он стал совсем маленьким. А тот сад, который был в наши детские годы, и пустырь за садом, постепенно осваивали и застраивали, какими-то строениями, Начало освоению этого зеленого уголка было положено еще в 1927–1928 годах. Когда частично на пустыре, а частично на территории сада начали строить большой дом, который получил название в народе как «Дом Наркомфина». Видимо, в этом доме жили служащие, так тогда называли тех, кого сегодня окрестили званием – «чиновник», Народного комиссариата по финансовым делам СССР, но и не только они.

«Дом Наркомфина», был интересен не только снаружи, но и внутри. Был он длинный, на ножках, с пристройкой, выходящей вперед и соединенной с самим домом, остекленным переходом на уровне второго этажа. Окна у этого дома были по новой, для тех времен, моде, сплошные длинные стеклянные ленты. Таких домов, т. е. с такими окнами в сегодняшние времена строят и строили предостаточно, а тогда это была новинка. Лично я знал еще один аналог, это общежитие, по–моему, горного института, в Москве, в районе Донского монастыря. Но самое интересное в этом доме было другое. Играя на бульваре, я познакомился с одним мальчиком, звали его Юлик, вообще-то Юлий, а он себя величал, – «Я – Гай Юлий Цезарь, римский император». Нужно признать, что для своих детских лет, он очень хорошо знал все о своем знаменитом тезке, о его

галльских воинах, о Риме. У него даже был шлем римского легионера (родители ему достали в каком-то театре) и сделанный из дерева, хорошо отполированный меч. Так вот однажды Юлик и его няня (у него тоже была няня) пригласили меня и мою няню Груню к себе домой в гости, вернувшись от него, я взахлеб стал рассказывать маме, а вечером и папе о увиденном.

Квартира, в которой жил Юлик, со своими родителями и няней, была двухэтажная, на первом этаже была прихожая и большая гостиная столовая. Из прихожей вела лестница на второй этаж, там была спальня и еще одна комната, в которой жил Юлик, а кухни не было. Вот те на, а где Вы готовите, спросила Груня... Оказывается ни где. Оказывается, этот дом задумали, как дом нового «советского быта», людей в нем кормили на общей кухне–столовой, которая была в той самой пристройке, о которой я упомянул выше. Конечно люди, что-то у себя готовили на электроплитках, ну там кашку для детей, чай, варили яйца или делали яичницу, но не более. Комендант там был строгий и спуску не давал. А в столовой–кухне можно было и не кушать, а взять обед или ужин на дом, для этого были такие тройные кастрюли с одной ручкой. На крышку нижней кастрюли ставили вторую, она была поменьше, а на ее крышку третью, она была тоже с крышкой, вот тебе первое, второе и третье. То было время, когда страна и народ жили бедно, это в равной степени относилось и к москвичам. В те годы даже страшно было подумать о таком расслоении общества, которое существует сегодня.

«Дом Наркомфина» на Новинском бульваре, 2007 год.

Мысли бегут, опережая друг друга. Хочется что-то еще сказать, что-то вдруг вспоминается, и я в своем повествовании, часто перескакиваю с одного на другое. Наверное, хаотичные получаются воспоминания, а может так и надо, ведь это воспоминания. Вот и вспомнил, что, говоря о доме Шаляпина, я забыл упомянуть, что у моей бабушке и у нас в доме был граммофон, это – дедушка патефона, прадедушка радиолы и проигрывателя и прапрадедушка сегодняшних комбайнов и музыкальных центров. У меня еще сохранились старые пластинки, запись была на

одной стороне, и некоторые были, как это говорится – заиграны, (до сих пор лежит пара–тройка таких дореволюционных пластинок, правда уж очень они «скрепят»). Когда заводили граммофон из его раструба, неслись звуки различных мелодий, в исполнении различных певцов, звучали арии и песни. Вдруг раздавался голос Шаляпина и его знаменитые арии: Бориса из «Бориса Годунова», Мефистофеля из «Фауста», мельника из «Русалки» Сусанина. Романсы и песни в его исполнении «Дубинушка», «Блоха». Помнится, когда Шаляпин пел «Блоху:

«Жил–был король когда-то,
Имел блоху–дружка:
Берег блоху, как злато,
Лелеял, как сынка…»

Отец всегда подпевал, – «Блоха, ха-ха».

Дальше из знаменитостей идет «Дом Грибоедова». Был он трехэтажный и нужно сказать выглядел неказисто. На доме была доска, на которой был барельеф Грибоедова и надпись, что он здесь жил в такие-то годы. А потом видимо после войны, к какому-то юбилею, дом решили отреставрировать, да и рядом Посольство США, в общем, будем реставрировать. Отреставрировали, но стоит теперь, что-то совсем другое. То был деревянный оштукатуренный дом (это было видно по отвалившейся местами штукатурке, там видна была дранка и сруб), а теперь стоит более высокий каменный дом и тоже оштукатуренный. Но, что-то совсем не то, не от 18–19 века, впрочем, новодел он всегда новодел. И было вот еще что: перед самым сносом бульвара на нем, прямо напротив грибоедовского дома появился на постаменте большой валун и на нем выгравировали автограф Грибоедова, это как бы памятник. Но бульвар снесли, валуна нет, около «Дома Грибоедова» памятника нет. Наконец, к какому-то юбилею поставили памятник на Чистопрудном бульваре, напротив выхода из метро. Мне этот памятник нравится, особенно окружающие его фигуры из «Горе от ума». Каждый раз смотрю, и каждый раз в памяти возникает образ Чацкого, созданный Царевым на сцене Малого театра. Да, а вот музея Грибоедова нет, а могли бы в этом доме, ну если не во всем, то хотя бы отвести несколько комнат под музей, а то сдали дом каким то фирмам, конечно фирма – это деньги, а музей – это копейки, что касается памяти, то благородные потомки грешат этим.

«Дом Грибоедова» на Новинском бульваре, 2007 год.

Еще одна знаменитость на этой же стороне, дом князей Щербатовых. Этот большой, красивый дом стоит и до сих пор, его двор от тротуара отгораживала каменная оштукатуренная стенка с нишами и перилами наверху. К центральному подъезду ведет парадная лестница, по ее бокам сидели львы, если я не ошибаюсь, то сегодня львы куда то «убежали». Рассказывали, что в доме было большое количество комнат и залов и даже, был специальный концертный зал и танцевальный. А что такого? Ведь это были князья, очень и очень состоятельные по тем временам люди, и они, наверное, имели и свои театральные и певческие трупы. Ведь так было в те далекие времена нашей русской истории. Кстати, один из князей Щербатовых был известным русским историком 18 века, он автор «Истории России с древнейших времен». Такая книга была в библиотеке отца. Я её, перед войной осилил, а в войну она, как и многие другие книги, пропала, то ли ее сожгли в печурке, те, кто жил в нашей квартире зимой 41–42-ых годов, то ли ее попросту уперли.

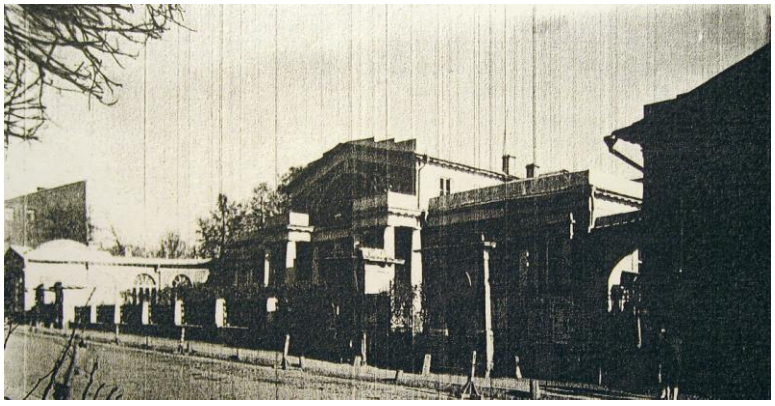
Дом князей Щербатовых на Новинском бульваре, 2007 год.

Дома по левой стороне бульвара были менее примечательны с точки зрения знаменитости по своим жильцам и по архитектуре, Но они были красивы русскими мотивами, резными наличниками, украшенными резьбой заборами, калитками, крыльцами. Но к середине 30-х годов их начали сносить и на их месте строить новые дома. Так появилась типовое здание школы и т. н. «Дом Полярника».

«Дом Полярника» начали строить, наверное, в 1933 году. Дом был высокий с башней-шатром, основная его часть была семиэтажная, а башня была десятиэтажной, причем, десятый этаж был выполнен в виде шатра с колоннами. Этот дом и сейчас стоит на углу Новинского бульвара и Нового Арбата. Дом был с балконами в подъездах лифты и широкие лестницы. Тогда это был самый высокий дом на бульваре, по–моему, он и сегодня там самый высокий, квартиры были просторные, светлые, со всеми удобствами, в том числе и с газом. Дом начали заселять в 1937 году, и в него въезжали почетные, по тем временам, люди. С этим домом, во время его строительства, случилась беда. Часть башни рухнула на проезжую часть, были жертвы среди рабочих. Поговаривали, что это было вредительство, тогда это было модно. Думали урезать башню, но потом достроили. Да, а раньше, т.е. когда этот дом строили – это был угол Новинского бульвара и Кречетниковского переулка, и из этого переулка можно было попасть в Трубниковский переулок, на улицу Большая Молчановка и Собачью площадку, не путайте с площадкой для выгула собак. Та называлась площадь, – «Собачья площадка», мы к ней еще вернемся.

«Дом Полярника» на Новинском бульваре, 2007 год.

Ближе к нашему дому, где-то в глубине этого жилого массива, как говорила моя бабушка, стоял дом купцов Черноярovых, но в то мое время его уже не было. Самым интересным домом на этой стороне был «Дом Гагариных», т. е. один из многих домов князей Гагариных в Москве. В те, мои времена, там была размещена «Книжная палата» и большинство людей так этот дом и называло. Впереди дома за узорчатой чугунной оградой был небольшой садик с кустами сирени и какого-то кустарника, который каждую весну обрезали, а еще был большой цветник, украшением которого был розарий. Сам дом был одноэтажный с большими окнами, украшенными наличниками. Центральная часть дома была с колоннами, на верху возвышался мезонин с большим окном, по верхнему фасаду шла лепнина, изображающая каких-то женщин, а возможно это было изображение парящих ангелов. В войну в дом попала бомба или зажигалка, и он сгорел дотла. Восстанавливать эту красоту не стали, а жалко, он очень украшал эту сторону улицы.



Дом князей Гагариных на Новинском бульваре.

Еще одно маленькое упоминание, и окончательно завершится моя летопись о бульварных и около бульварных воспоминаниях. Я упоминал выше о доме, в котором располагался военный атташе Японии, за этим домом был проходной двор с Новинского бульвара в Трубниковский переулок. Проходных дворов я повидал много, но такого благоустроенного не встречал, он скорее походил на проулок–переулок, который образовали своими задними и боковыми фасадами дома, стоящие на Новинском бульваре, Поварской улице и Трубниковском переулке. Эти фасады утопали в маленьких двориках, садиках и палисадниках, было очень много зелени, и весь этот проход был даже замощен. Мальчишки и девчонки, жившие в этих домах, были не только нашими сверстниками, но и входили в наши «чердачные группировки», в общем, были «наши» и мы, как и они, распоряжались нашими территориями сообща, а там среди этих домов и садиков было раздолье для всяческих ребячьих выдумок. А еще в те годы там шла стройка. Строили так называемый «Дом Политкаторжан», а потом вдруг поменяли назначение и открыли в этом здание кинотеатр с названием «Первый кинотеатр». Мал я был в те годы, да и мысли у меня были совсем другие, а вот с годами я вдруг подумал, а почему не открыли именно Дом Политкаторжан, ну собирались бы они тут, чаи гоняли, воспоминания там всякие, конечно не такие, как у меня, лечили бы их там, вечера всякие, концерты, кино, нет, не открыли, видимо все заключалось в одном слове «собирались», а это как раз ни кому из власть имущих, и не было нужно. Ну, а стройка для ребятишек тоже своего рода игровая площадка, и старшие ребята рассказывали, как они бегали там по этажам, по лесам и прятались за кучами кирпича и в штабелях досок, но это было до меня, я еще был маленьким, ведь кинотеатр окрыли в 1934 году. А вот где-то в 1936 году в нашу «чердачную группировку» влились мальчишка Глеб и девчонка, у которой было необычное имя – Магда, – Магдалина. Глебу было лет 10. а Магде 12. Сразу бросилось в глаза, что Глеб в какой-то зависимости от девчонки, а девчонка любит верховодить, повелевать, да и к тому же – хулиганистая. Нам это не понравилось, и мы напустились, на как бы растерявшегося Женьку–Жлоба, чтоб он свои права применил, что и было сделано, и все встало на свои места. Правда, поговаривали, что Магда еще та штучка и что с Глебом она чуть ли не... Но как-то не верилось, все–таки в нашем доме были более–менее воспитанные и добропорядочные ребята обоего пола. Но молва шла, и даже, Женька–Жлоб стал облизываться. Впрочем, какое нам было дл этого дела. Мое окружение: я, Павка. Володька, Юрик все реже и реже посещали чердак, так, если что–то надо обсудить и негде больше собраться, ну а потом пошел снос дома, и все прекратилось само собою. А Магда и Глеб остались. Доходили слухи, что они даже там ночуют, и как бы даже там бывает Женька–Жлоб. После войны мы, два офицера Советской Армии т. е., я и Володька, отправились в кино в «Первый кинотеатр». Окончился сеанс, мы вышли, достали свои пачки «Казбека», закурили, стоим разговариваем. Мимо проходит публика, вышедшая с сеанса, поздновато, наверное, двенадцатый час ночи, мы обсуждаем, куда бы отправиться скоротать часок, другой. Несколько раз промелькнули какие-то две девицы, одна из них уж сильно выдается. Вот они снова идут, и вдруг Володька выпаливает «Магда!». Девчонки останавливаются и направляются к нам. Та, что выделяется, спрашивает: «Что, лейтенантики, разве мы знакомы?» Ну, короче говоря, выяснили, кто есть кто. «Ох, мальчики, как Вы изменились, как Вам

идет форма, а я все там же живу и Глеб тоже, давайте зайдем и т. д. и т. п. ». И хотя мы прекрасно поняли, что это за девицы, решили все же заглянуть. То, что мы увидели, нас не удивило. Мы уже всякого повидали и, как говорится, «прошли огонь, воду и медные трубы и прочистили все котелки». Но тут было еще то заведение, не блиставшее нравами, и облапошивали и обчищали там доверчивых обывателей и не особенно-то разбиравшихся, но при деньгах военных. Мы все это сразу усекли и решили не расслабляться и по возможности быстрее выбраться. Верховодил всем этим Глеб, весь в наколках, а Магда была у него главной помощницей (роли поменялись). Мы узнали, что Глеб в войну сидел за грабежи, как-то освободился и теперь промышлял игрой, мошенничеством и сводничеством. На него работали девчата из округи. Шуметь они особенно не шумели, и милиция, их особенно не беспокоила. Нам предложили выпить, ну и все остальное. Выпить по фужеру мы выпили и, улучшив минутку, вышли, как бы покурить на воздухе и посмотреть на звезды, закурили, переглянулись молча, кто-то из нас на минутку вернулся, незаметно взял наши фуражки, и наш след простыл. Быстрыми шагами, до боли знакомым проходным двором, мы добрались до остановки такси на площади Восстания, и плюхнулись в первое же такси, умчавшее нас к Володьке на Большую Спасскую улицу. Вот такая встреча произошла у нас с нашим прошлым в проходном дворе. Да, детство от меня и Володьки ушло, реалии жизни были совершенно другими, и учили они каждого, отдельно, повседневной прозе жизни.

Улица Воровского (бывшая Поварская)

Сегодня выходной день. Папа дома, и мы с ним, как всегда пойдем на прогулку. Пойдем нашими любимыми маршрутами и наверняка, зайдем в кондитерскую, и мне купят любимые «Эклер» или «Наполеон» и зайдем за кормом для рыбок в «Зоомагазин» на Арбате.

Как всегда, наша прогулка начинается с улицы Воровского (Поварской), и свой рассказ об улицах и переулках моего детства я начну с Поварской. Далее я, её везде буду называть – Поварской, так как ей вернули её историческое название. Сколько я видел улиц на своём веку и не только в Москве, но и в других крупных городах, и именно в центральной части город, не счесть, но такой, как Поварская, я не встречал. Видимо, всем свойственно чем-то восхищаться, но, честное слово, эта улица, заслуживает восхищения. Она и сегодня отличается от прочих. А тогда мало того, что она вся утопала в зелени. По обеим сторонам улицы росли липы. А из–за оград, из дворов, на тротуары свешивались кроны лип, кленов, дубов, вязей, сирени, акаций и т. п. Есть зелень и на других улицах, но на Поварской это сочеталось со стоящими по обе стороны улицы красивыми, прибранными, ухоженными домами – особняками самых разных времен постройки. Дома эти были, один другого краше и богаче и в мое время там располагались солидные учреждения, иностранные посольства и хотя многоэтажные дома пестрели коммунальными квартирами, жили в них достаточно обеспеченные по тем временам люди.

Мы идем по Поварской улице, уже снят забор на площадке, где строится «Дом Политкаторжан», и мы видим здание, выходящее на улицу огромным кубом, который покоится на четырех ножках. К входу в здание ведет широкая лестница, по бокам здания еще две лестницы. Здание вытянулось в правую сторону, там расположен зрительный зал. Вообще-то это здание задумывалось как клуб для бывших политкаторжан, но клубом оно так и не стало. В нем открыли кинотеатр, который назвали «Первый кинотеатр».

Это был интересный кинотеатр и, прежде всего, тем что для просмотра кинокартины зритель должен был оставить свою верхнюю одежду в гардеробе. Там был хорошо обустроенный буфет и в фойэ, была сцена, на которой всегда играл оркестр. Было время, когда в этот кинотеатр ходили не только посмотреть кинокартину, но и послушать джаз. Говорили, что там играл один из лучших джаз–оркестров Москвы. В этом кинотеатре я посмотрел такие фильмы, как «Чапаев», «Цирк», «Волга–Волга». «Бабы». «Мы из Кронштадта» и многие другие, на некоторые ходил по несколько раз. Это был самый близкий к нашему дому кинотеатр, и раз он был «Первый», то и все фильмы в нем показывали первыми. Уже после войны кинотеатр закрыли, и там стала студия «Театр киноактера». Играли там спектакли артисты, которые были свободны от съемок и которые не работали в театрах. В числе игравших артистов было много знаменитостей. Там же играла Лора Кронберг – тетка моей Ларисы.

«Первый кинотеатр»—Театр киноактёров, 2007 год.

Далее, по этой стороне улицы на углу Трубниковского переулка стоял довольно обыкновенный двухэтажный дом. На фронтоне здания висела доска, на которой золотыми буквами на черном фоне было написано «Общество политкаторжан и старых большевиков». На первом этаже этого дома, в одной из комнат собирались филателисты, и мы с отцом и Сева сюда захаживали, а еще отец играл там, в шахматы, он вообще неплохо играл и был близко знаком с такими шахматистами, как Василий Смыслов и Александр Котов. В послевоенные годы он очень радовался, когда Котов наконец-то стал чемпионом страны, а когда Смыслов проигрывал Ботвиннику, он говорил: «Сукин сын, Васька, опять проиграл Мишке». Александр Котов был хорошим инженером–конструктором, во время войны он что-то сконструировал или усовершенствовал и получил Сталинскую премию и орден Ленина.

Дом общества политкаторжан и старых большевиков, 2007 год.

Напротив этих домов, на другой стороне улицы, располагается старинная барская усадьба, своей тыльной стороной она выходит на улицу Герцена (Большую. Никитскую). В старые времена здесь жил князь Долгоруков. Это огромная усадьба с колоннадой в центре и колоннами по бокам. Два крыла ее расположены полукругом (Боже мой, что сделали с этими крыльями в сегодняшние дни, в обеих крыльях – торговля сувенирами, ресторанчики с торчащими у входа охранниками, а ведь это культурное, историческое и архитектурное наследие). Эта усадьба уцелела во время пожара 1912 года, когда Наполеон вошел в Москву, именно её описал в романе «Война и мир» Л. Н Толстой, и в неё писатель поместил Ростовых. Отсюда Долохов похищал Наташу. Отсюда графиня Ростова с челядью выезжала из Москвы, когда к ней приближался Наполеон. Именно на церковь, которая стояла на месте здания «Первого кинотеатра», молилась Ростова, когда она покидала усадьбу. А церковь эта называлась «Рождества Христова в Кудрине», я её не застал, её снесли, когда начинали строить «Дом Политкаторжан» и, о её существовании мало кто знает, даже из сторожилов этих мест. Вот так, церковь снесли, а память на века о ней оставил Л. Н. Толстой в своем романе. И благодарные потомки, уже в наше светское время, как бы подчеркивая, что именно эту усадьбу и эту церковь, отразил в романе великий писатель, поставили ему во дворе усадьбы, в центре цветника, – памятник. В начале Советской власти в этом доме был литературный институт, а когда я начал свои пешеходные прогулки, в усадьбе размещался Союз писателей СССР, а сегодня там, по–моему, Союз писателей России, который ведет тяжбу за эту усадьбу с Московским союзом писателей за здание и территорию.

Бывшая усадьба князя Долгорукова — Дом Союза писателей СССР, 2007 год.

Рядом с усадьбой, расположился особняк, своими архитектурными формами похожий на замок. Это бывшая усадьба князя Б.В. Святополка-Четвертинского, построенная еще в 1880 году. Фасад здания обрамляет высокая чугунная ограда, в этом здании размещался и сегодня размещается «Дом литераторов» со знаменитыми на всю Москву рестораном и кафе, где на сводчатом потолке и на стенах оставили свои автографы все литературные знаменитости советской эпохи.

Ресторан дома литераторов, 2007 год.

В этом доме проходили похороны Владимира Маяковского в 1930 году. До сих пор это имя будоражит людей. Идут споры о причинах его смерти, самоубийство или нет, о его женщинах, о его месте в нашей поэзии. Я был маленький в тот год и конечно не мог быть на похоронах поэта. Отец с Севой ходили. Желающих проститься было много, стояли в очереди. Дома, в квартире и на улице при встречах взрослые много говорили об этих похоронах и вообще о поэте. В нашем доме к Маяковскому отношение было хорошее, его любили читать. Когда я подрос, я тоже начал учить его стихи и отрывки из поэм. С отрывком из его поэмы « В. И. Ленин» я прожил большую жизнь, лет 20, наверное, читал их в школе, по радио в 1939 году, на олимпиадах детского творчества и конечно в армии на всяких концертах художественной самодеятельности и особенно на октябрьские праздники.

«Гнет капитала, голод уродина,
Воин бандитизм, интервенция ворья,
Будет довольно.
И тогда, оглядываясь на это,
Голову Ленина, взвидешь сперва.
Это от рабства, тысячелетий,
К векам коммуны, сияющий перевал».

Да, «сияющий перевал» не получился. Где это все сегодня. Все пошло прахом, а ведь задумано все было хорошо, а что получилось, как все испохабили и те и другие.

Закончим очередное отступление и вернемся к зданию стоящему за «Домом литераторов» на самом углу Поварской улицы и Скорятинского переулка. Там стоял и стоит еще одно прекрасное творение русской архитектуры, - двухэтажный особняк с балконом и садом. В нем тогда была резиденция посла фашистской

Германии в СССР, и с балкона свисал фашистский флаг со свастикой. А шла война в Испании, где республиканцы сражались с франкистами, которых поддерживал Гитлер и Муссолини. Советский Союз, естественно поддерживал республиканцев, и детвора, которая проходила мимо этого здания, да и взрослые, поднимали руку со сжатым кулаком, приветствием республиканцев и как бы говорили «NO PASARAN!» — «Они не пройдут!». Именно из этого дома посол фашистской Германии господин Шиленбург, по улице тогда Воровского поедет рано утром 22 июня в Кремль с нотой об объявлении нам войны фашистской Германией. В этом доме и сегодня резиденция посла ФРГ.

Резиденция посла Германии в предвоенные годы и сегодня, 2007 год.

Но перейдем на другую сторону и продолжим знакомство с правой стороной Поварской. На другом углу Трубниковского переулка и улицы стоял и стоит сегодня пятиэтажный дом дореволюционной постройки, на первом этаже которого были магазин и почта. Магазином этим наша семья не пользовалась, а вот почта - это другое дело. Там подписывались на газеты, журналы, отправляли и получали посылки, переводили деньги и во всех этих операциях, я принимал косвенное участие и присутствовал. На почте папа покупал мне журнал «Мурзилка», почему его не выписывали, не знаю. Журнал был интересный, красочный, но он мне в скором времени наскучил, ведь я в 5 лет читал нормальный шрифт, а тут были большие буквы и какие-то слишком простые рассказы. Позже, когда я оканчивал 1 класс, мне стали покупать «Пионер», а вообще я любил «Крокодил» и хохотал над его карикатурами. Мы с ребятами на чердаке зачитывали номера «Крокодила» буквально до дыр и у нас, их лежала целая стопка. Наша семья часто пользовалась почтой, получала и переводила деньги, отправляла какие то посылки и бандероли, куда и кому, не помню, а вот процесс их приемки на почте помню достаточно хорошо. С мамой мы приносили посылку или бандероль на почту и становились в очередь. Очередь была всегда и иногда, приходилось ждать долго, если это было зимой, то с меня снимали шапку и расстегивали, а то и снимали шубку. Мама стояла в очереди к своему окошку, а я вертелся или как говорили взрослые, путался

под ногами, иногда меня усаживали на скамейку. Но это так, для красного словца, главное не в этом, меня интересовала сама приёмка. Когда подходила наша очередь, я моментально оказывался у окошка. Там было какое-то возвышение, то ли лавка, то ли тумбочка, не помню, но я мог видеть, что приёмщица делает с нашей посылкою или бандеролью. А делала она следующее: крышка ящика не была забита, она открывала ее и смотрела, что там лежит (были нормы и перечень того, что можно отправлять, это и сейчас есть) обязательно должен был быть перечень отправляемого. Если лишнего не было (а лишнее она отдавала), то она закрывала ящик крышкой, заколачивала молотком гвоздики, причем гвоздики почему-то она брала в рот и зажимала их губами. Заколотит гвоздик, возьмет из губ очередной гвоздик и молоточком тук–тук и опять гвоздик и опять тук–тук. Закончив забивать гвозди, приёмщица ловко обвязывала ящик крест на крест шпагатом, и начиналось самая интересная для меня операция, - это опечатывание посылки сергучной печатью. На столе стояла маленькая, ну, какая маленькая – литров на 5, а может, и больше круглая емкость в виде чана, вернее не на столе, а на каком-то нагревательном приборе, который стоял на столе. В чане находилась горячая, бордового цвета, густая жидкость – «сургуч». Приёмщица брала из этой емкости, маленьким ковшиком, порцию сургуча и выплескивала его на связанные концы шпагата. Ковшик шел на свое место – в чан, в руках приемщицы бронзовый штемпель на длинной ручке, удар и посылка запечатана. Теперь ее взвесят, выпишут квитанцию, мама заплатит деньги, и мы покинем почту, так же проходила и отправка бандероли, только без гвоздиков. Не знаю, что тут было интересного, но ведь это детство, а в детстве все интересно, даже если это повторяется, конечно, до известного предела, который должен существовать всегда и во всем во всяком возрасте. Ну, а там было интересно: гвоздики во рту, виртуозное их заколачивание, пар и дымок над чаном сургуча и пришлепнутая сургучная печать. Вспомним, ведь когда я это наблюдал, мне было от 3 до 6 лет.

Почта на Поварской, 2007 год.

За пятиэтажкой стоял длинный двухэтажный особняк, который в народе называли «Дом Шереметьевых». Папа рассказывал, что при царе здесь жили потомки знаменитого боярина Шереметьева, который в Петровские времена был генерал–фельдмаршалом и командовал русской армией в войне против шведов и в том числе в знаменитей Полтавской битве. Много мне папа рассказал о Петровских временах и Полтавской битве и читал мне Пушкинскую «Полтаву» и в одну из наших прогулок проходя мимо этого здания, он сказал: «А знаешь, ведь впервые «Полтаву» Пушкин прочитал как раз в этом доме». К тому времени я уже видел картину «Пушкин читает в Царском селе перед Державиным» и мое воображение нарисовало мне Поэта читающего «Полтаву», но я его почему-то представил себе сидящим. Вот представил себе и все тут. И слышаться мне до сих пор некоторые строчки произнесенные папой:

«Из шатра, толпой любимцев окруженный,
Выходит Петр. Его глаза сияют. Лик его ужасен.
Движенья быстры. Он и прекрасен.
Он, весь как божья гроза»

«Далече грянуло ура: Полки увидели Петра.
И он промчался пред полками,
За ним вослед неслись толпою
Сии птенцы гнезда Петрова.
Его товарищи, сыны: И Шереметьев благородный,
И Брюс, и Боур, и Репнин,
И счастья баловень безродный,
Полудержавный властелин»

«И грянул бой, Полтавский бой!»

«Но близок, близок миг победы.
Ура! Мы ломим, гнутся шведы.
О славный час! О славный вид!
Еще напор, и враг бежит».

Ну, это так, лирическое отступление, уж очень все совпало. «Дом Шереметьевых», в поэме Шереметьев благородный, товарищ Петра, Пушкин, читающий поэму в доме Шереметьевых на Поварской и папа, читающий мне эту поэму на Кудринке. А как папа читал, вернее, декламировал, это не передать. Это нужно было слышать, какая интонация, произношение, поза, пафос, трагизм и лирика. У него был несомненный талант чтеца–декламатора, недаром окружающие сравнивали его с известным мастером художественного слова, артистом эстрады Владимиром Яхонтовым, с которым он имел честь быть знакомым и поддерживал с ним приятельские отношения. Что касается меня, то я заслушивался выступлениями Яхонтова по радио, у него были целые циклы: Пушкин, Маяковский и о Ленине и всякие повести и рассказы. Перед войной он был у нас на Донской, и они долго о чем-то беседовали, а потом пили чай в столовой и он, что-

то продекламировал из «Хорошо» В. Маяковского и что-то из «Онегина». Маленькие отрывочки, просто откликнулся на просьбу мамы и получил наши восторженные аплодисменты. А родители, они ведь всегда хотят показать «таланты» своих чад, выпустили меня с моим коронным отрывком из «Ленина» В. Маяковского. Послушав меня, великий мастер художественного слова соизволил сказать – «Недурственно, недурственно» и похлопал меня по плечу. Я этой его оценки не оценил, ведь я уже читал этот отрывок по Всесоюзному радио и мне там говорили «очень хорошо», а тут какое-то « не дурственно». Откуда мне тогда было знать, что в кругу больших актеров это звучало большой похвалой, что и подчеркнул мне потом папа.

Дом Шереметевых, в котором А.С. Пушкин читал поэму «Полтава», 2007 год.

Пойдем дальше. А дальше за чугунной изгородью, в глубине двора виднеется еще один особняк, бывший дом князей Гагариных. Сколько же было домов у Гагариных. На Новинском бульваре дом и тут на Поварской дом, а еще были дома на Тверском и Страстном бульварах, один краше другого. Этот дом красивый, в центральной части 2 этажа, окна в колоннах, полукруглые арки, весь козырек в лепнине, портик. И тогда и теперь там находился и находится Институт мировой литературы, которому после смерти М. Горького присвоили его имя. Но тогда, в дни моих прогулок меня интересовал ни дом, а ржание лошадей, которое доносилось на улицу из глубины двора за домом. Папа рассказал мне, что раньше, в царские времена, в этом здании размещалось Управление государственного конезаводства, а за зданием находился манеж и конюшня, и жили и сейчас там живут лошади. Конечно же, мне захотелось на это все посмотреть и папа меня туда несколько раз водил, посмотреть, как выводят на манеж лошадок и как учат на них ездить. Мне очень хотелось ездить на лошадках, но я был еще мал и меня только два - три раза посадили и провезли по манежу, а ребята постарше и из окружающих дворов там регулярно занимались. Они ухаживали за лошадями, чистили их скребками и щетками и проходили курс выездки. Лошади были красавцы,

тонконогие, почти все вороной масти, кажется, только две были в яблоко, и была еще серая масть. Поговаривали, что на манеже бывал даже легендарный Буденный.

Бывшая усадьба князей Гагариных. Слева, жилой дом. Ныне, Институт Мировой Литературы им. А.М. Горького. Справа, манеж. Снимок 2007 года.

На фоне старых строений резко выделялся следующий дом, построенный в 20-х годах, он был темновато серого цвета и с очень широкими окнами. Я не помню, что там размещалось,- учреждение или там жили люди,но сейчас там размещается Научно Исследовательский Институт МВД РФ.

На углу Борисоглебского переулка и Поварской стоял и стоит до сих пор интересный по архитектуре особняк, над парадными дверями которого был расположен большой балкон с шикарной литой решеткой. В мои годы там были обычные коммуналки, а сегодня располагается Венгерский культурный, научный и информационный. центр.

Дом, в котором располагается Венгерский культурный и научно-информационный центр, 2007 год.

Дома от Борисоглебского переулка до Большого Ржевского все были довольно простые, небольшие, одно и двухэтажные, с палисадниками, В них и во дворах было много зелени, и даже в одном из дворов, стоял вяз, которому, говорили, было более полутора веков. Мы заходили в этот двор и даже как-то с папой хотели вяз обхватить руками, но и половины его не обхватили. Он гордо возвышался над всеми домами в округе, и через его крону едва проглядывало небо, и пробивались солнечные лучи. Хорошо было отдохнуть под этим гигантом, что мы и делали иногда, так как там была устроена лавочка. Все эти дома снесены и на их мест разбит сквер, а на нем все также возвышается тот же вяз.

На углу Большого Ржевского переулка и Поварской раньше стояла церковь, – «Ржевской иконы Божьей матери», ее снесли в 1930 году, место огородили забором, говорили, что там будут что-то строить. И действительно, когда я попал на эту улицу после воины, в годы так 50–60-е, там действительно уже стояло здание Верховного Суда СССР, теперь там весь этот микрорайон застроили зданиями, относящимися к высшему судебному органу России. Зданий относящихся к высшему судебному органу России, сейчас их больше, чем было в СССР. Фемида расширяется, а преступность не сокращается и, что тут надо делать вряд ли кто знает.

Вяз в сквере на Поварской, 2007 год.

Здание Верховного суда РФ, 2007 год.

Дальше, по нечетной стороне Поварской улицы будут три интересных особнячка. Один из них стояло в глубине большого двора - сада, за хорошей чугунной оградой и туда никого не пропускали. Здание запомнилось тем, что оно было покрашено в голубой цвет и лепнина на нем, была богатая (сколько я помню это здание, оно всегда было покрашено в голубой цвет). Когда я уже не жил в тех краях, в этом здании размещалось издательство «Советский писатель»

Особняк на Поварской, в котором размещалось издательство «Советский писатель», 2007 год.

Рядом с этим зданием стоя еще два очень красивых особняка, одно из них занимало посольство Норвегии, и над ним всегда развивался флаг этой страны. По рассказам родителей я знал, что в этом здании однажды побывал Сева. Было это в 1930 году, когда умер известный норвежский исследователь Арктики Ф. Нансен. Ф. Нансен много сделал для нашей страны. В 1921 году, организовал помощь голодающим Поволжья. В знак признания его заслуг перед нашей страной и в деле исследования Арктики учителя и ученики московской школа № 10, в которой учился Сева, приняли решение присвоить своей школе его имя. Для выражения своих соболезнований и объявления о своем решении они направили в Посольство Норвегии делегацию, в составе которой среди прочих и оказался Сева. Директор школы И. К. Новиков сделал запись в специальной книге для посетителей и поставил свою подпись, и все члены делегации тоже расписались. Кому принадлежал другой осбняк в те годы, я не помню, а сейчас там посольство Судана.

Здание посольства Норвегии, 2007 год.

Здание посольства Судана, 2007 год.

Эта сторона Поварской улицы завершается, церковью Симеона Столпника она сохранилась до сегодняшнего дня, и будет стоять еще долго–долго, правда эту махонькую церквушку буквально задавили высотки Нового Арбата. Вообще то эта церковь относится к улице Большая Молчановка, но так сейчас выглядят две упомянутые улицы, после проведенной реконструкции и появления улицы Новый Арбат, что церковь лучше смотрится со стороны Поварской. В те мои годы службы в церкви не было, и выглядела она, не совсем ухожено, да и дома её закрывали. В 60-ые годы, ее подремонтировали и сделали в ней выставочное помещение «Общества охраны природы». Там бывали интересные выставки, и я на некоторых бывал с Ларисой и Андреем. Я уже упомянул, что тут стояли ещё какие то домики, а за ними как бы венчая улицу перед ее выходом на Арбатскую площадь, стояло здание бывшей мужской гимназии, тогда это был угол Поварской и Большой Молчановки, и там д там размещалась средняя школа. Это здание своей угловой частью было похоже на здание МГУ на углу Большой Никитской и Моховой улиц, такая же круглая ротонда (это теперь, я знаю, что такое ротонда, а тогда моя память просто сравнивала и говорила, – это похоже). Почему-то школу снесли в конце 30-х годов.

Вернемся на четную сторону Поварской улицы в ее начале. Там, на углу Скарятинского переулка, который получил свое название по дому поручика царской армии Скарятина. Поручик это то же, что наш лейтенант, он имеет дом в престижном районе Москвы, а наш лейтенант, да что там лейтенант даже старшие офицеры, прослужившие в армии по 20 лет, не то, что домов, собственных квартир не имеют. Ну и какая может быть служба? Правда в последние 3–5 лет начали давать им жилищные сертификаты и строить для них жильё. Правда это проблема не только сегодняшнего дня, она была и в Советской армии, но так остро она тогда не стояла. Хочу сказать одну вещь, которую многие просто не знают. После окончания ВОВ, не помню, в каком году, Сталин приказал всем уходящем в отставку офицерам выделять земельные участки, не помню, сколько соток, но конечно не 6 или 12, а гораздо больше, а генералам и того больше, чтобы строились товарищи командиры и обзаводились хозяйством. Понимал Вождь, что нужно создавать служивый класс, что нужно его прививать и дать ему возможность обустроиться и пустить корни на земле. К сожалению, хрущевская оттепель, это загубила на корню. К этому прибавился и остальной негатив брежневских и горбачевских лет. Результаты на лицо, падение престижа военной службы, отток офицерских кадров, ослабление воинской дисциплины, со всей ее дедовщиной, самострелами, дезертирством и уклонением от службы. Остается, надеется, что теперешняя власть сделала и еще сделает правильные выводы, служить станет престижно и появятся у нас в будущем ну не поручики–лейтенанты владельцы домов и усадеб, но хотя бы майоры – полковники у которых будет хоть что-то похожие на прошлые владения.

Но вернемся к переулку, в нем находилось несколько примечательных зданий, построенных в начале XX века. Особенный интерес у меня был к очень красивому особняку, стоявшему на углу Скарятинского переулка и Поварской улицы и выполненному, как говорил, мой отец в стиле «модерн». Вот сказал он «модерн» и сразу же получил от меня вопрос, - « А, что это такое?». И началось объяснение, из которого я мало, что понял, но уяснил, что это французское слово и обозначает оно «новейший», «современный» и получалось, что это новейший стиль в архитектуре. И действительно дом был необыкновенный и отличался от всего мною виденного на наших прогулках, своей неповторимой индивидуальностью. Фасад у него был какой-то волнистый, огромные окна с красивыми рамами, богатая наружная лепнина. Во дворе этого особняка стояло и стоит сегодня небольшое здание с двумя воротами и арочными окнами над ними, видимо, это были помещения для карет и для конюшни. О том, что в одном из помещений раньше была конюшня, говорит то, что в арочной нише окна над воротами была голова лошади. Именно эта голова и запомнилась мне на всю жизнь. В те годы в этом особняке размещалась какая-то служба английского посольства, на флагштоке всегда развивался английский флаг, а теперь это посольство Новой Зеландии. Ну, а здание это было построено Московским торгово-строительным акционерным обществом в 1903 году. Дом, вместе с хорошим садом, купит богатый верхневолжский текстильный фабрикант И.А. Миндовский.

Бывший особняк И.А. Миндовского, в котором ныне размещается посольство Новой Зеландии, 2007 год.

Московское торгово–строительное акционерное общество строило в этом районе еще несколько домов в таком же стиле. И следующий дом за миндовским особняком был тоже построен этим обществом, приблизительно в то же время, и располагался он на углу Поварской и Скатерного переулка. Тогда этот особняк с садом купил московский предприниматель Т.Г. Понизовский. Теперь это дом № 42 и располагается в нем посольство Афганистана

Бывший особняк Т.Г. Понизовского. Сейчас, посольство Афганистана, 2007 год.

Дальше пойдет Хлебный переулок и в самом начале переулка, метрах в ста, от Поварской улицы, над другим зданием был флаг фашистской Германии с паучьей свастикой. Там располагались военная и торговая мисси посольства, (вот написал, где были посольства, и появилось у меня сомнение, не перепутал ли я их расположения, если перепутал, прошу извинить). И вот, что еще хочется сказать: тогда, в середине 30-х годов в Испании шла гражданская война между республиканским правительством и мятежным, как его у нас называли, генералом Франко. Наша страна поддерживала республиканцев, а фашистская Германия и Италия поддерживали Франко. Мы помогали всем, чем могли, там воевали наши танкисты, летчики. В нашей стране шли митинги протеста, собирали пожертвования, принимали на жительство испанских детей. Почти все дети носили знаменитые испанки. А ребятня, которая проходила мимо немецких представительства в Хлебном переулке, вскидывала правую руку, сжатую в локте, с кулачком и выкрикивала «Рот–Фронт» или «NO PASARAN», так мы солили этим проклятым фашистам и выражали свою солидарность с испанскими республиканцами. Участвовал в этом и я, ведь моя дорога в школу почти ежедневно проходила по этому переулку. Вот так мы себя вели, таково было наше воспитание и восприятие, ведь почти все мы были кто октябрятами, кто пионерами, а постарше и комсомольцами. А сегодня снимки в газетах и на экранах телевизоров нам показывают молодежь, которая вскидывает, на улицах Москвы и других городов правую руку в фашистском приветствии. Как это могло случиться в стране победившей фашизм и потерявшей в войне с ним миллионы людей? Неужели в семьях тех, кто вскидывает руку в этом приветствии, не было участников ВОВ, неужели в этих семьях нет погибших в этой войне. И вообще, как может быть, что в стране, победившей фашизм, малейшее его проявление не карается со всей строгостью закона. Всякое проявление фашистских настроений, будь то литература, митинги, шествия, пение, приветствия и т. п. должно караться, независимо от возраста и любого социального положения заключением под стражу,

как минимум на 10 лет в строжайшем режиме. И для всех без исключения и поголовно. И не эти времена, а вот именно такие времена должны, в конце концов, наступить.

Вернемся к нашему основному повествованию, к Поварской улице её четной стороне (хотя новые отступления от заданной темы, видимо, неизбежны). Вообще район этой улицы и прилегающих к ней переулков был местом расположения разных посольств и миссий, и все они располагались в шикарных особняках, которые были один краше другого. Недаром же коренные жители Кудринской округи называли эту улицу – дипломатической улицей.

Тихая была улица, уютная, летом как бы закутанная в зеленое покрывало деревьев, садов. Трамваи по ней не ходили, автобус тоже, транспорта было мало, Другой такой в округе не было, за что ее и любили жившие здесь москвичи. Конечно, у каждого есть своя улица, свой переулок, дорогой и любимый уголок его детства, юности. Но Поварская неповторима. Жил я в Курбатовском, что на Грузинах, на Донской и на Щепке, бывал на многих десятках других улиц в районе Садового и Бульварного кольца. Но все это не то, не тот колорит, не тот дух. Поварская - это Х1У–начало ХХ века, – «здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Вот Донская улица, улица конца моего детства, юношества, молодости. Там я прожил гораздо больше с конца 1937 года, по 1960 год, и особняки там были, правда, раз два и обчёлся, и доходные дома остались от прежних времен и церковь Ризоположения, причем действовавшая в те времена, и зелень, и Донской монастырь, транспорта не так уж много. Но все это не то.

Между Скатертным и Малым Ржевским переулками в те далекие времена стояла церковь Бориса и Глеба с большой колокольней (вот Вам и название «Борисоглебский переулок). Я застал еще эту церковь и лицезрел её на каждой прогулке, но в 1936 году ее снесли. На ее месте построили сначала одно, в потом и другое здание музыкального училища им. Гнесиных – «Гнесинка». Теперь можно наблюдать здесь многочисленные стайки студентов, и одиночек и парочки, с папками, коробами, футлярами спешащих на занятия и расходящихся с них. Шум, смех, веселые разговоры.

Как-то остановился я на углу Борисоглебского переулка, посмотреть на все это. И вдруг стала предо мною картина тех времен, – церковь, паперть, нищие на ней, старушки, осеняющие себя крестом. Время бежит, все меняется. Меняется и Поварская, теперь она не Воровского, а снова Поварская улица. Вот за зданием Верховного суда, что-то еще фемида для себя строит. Говорят, надо сокращать число осужденных, тогда для чего строят, зачем бюджетные деньги тратят? Хотя вопрос, что это за план такой «сокращать число заключенных», а как же с порядком, с фашиствующими молодчиками, со всеми этими рэкетирами и взяточниками. Может быть, все–таки с ними начнется беспощадная борьба. Тогда уж пусть строят, только не здания суда, а хорошие во всех смыслах этого слова тюрьмы и лагеря, и достойные помещения для районных судов, а то даже в Москве посмотришь на некоторые здания эти заведений, стыд берет.

Но вернемся к нашему маршруту. За церковью, а теперь, следовательно, за «Гнесинкой» стоял и стоит примечательный дом с башенкой. Папа назвал его «Дом Охотникова», а я или не расслышал окончания или не понял, спрашиваю, – «а, что здесь охотники живут, а на кого они охотятся», «Да нет, это фамилия хозяина дома,

которому он принадлежал до революции, а дом построен еще в первой половине прошлого века», ответил папа.

«Дом Охотникова» на Поварской улице, 2007 год.

Еще одно здание мне хотелось бы отметить. Это был очень красивый двухэтажный особняк, в котором разместилось Литовское посольство, а с 1940 года Постпредство Литовской ССР. Здание мне очень нравилось, его фасад из кирпича цвета морского песка, окна большие, их проемы оштукатурены и выкрашены в яркий желтый цвет, цвет янтаря, – богатства Литвы. Очень богатый парадный вход, потолки кабинетов и залов из дерева, но в большом зале лепнина. Очень добротная и красивая мебель. О внутреннем убранстве я говорю так потому – что мне довелось побывать в этом здании несколько раз в 70-х годах, когда я по долгу службы занимался редукторами. Кстати говоря, мебель литовские предприятия делали отличную и когда, Главзарубежсельхозтехника реставрировала для себя особняк на Воронцовской улице (в районе Таганки), я заказал мебель для кабинетов руководства и комнаты переговоров наших кабинетов в Литве. Гляделось очень хорошо, и даже Хитрун попросил заказать мебель для его кабинета (Хитрун, это Председатель Госкомсельхозтехники при Совете Министров СССР).

Дом бывшего Постпретства Литовской ССР, 2007 год.

На четной стороне Поварской улицы было несколько унаследованных от старины доходных домов, Нужно отметить, что доходные дома не были братьями–близнецами, как наши башни и другие дома построек 50–80-х годов. У них были различные элементы украшения: лепнина, колонны, вазоны у входа, фасады были отштукатурены, некоторые сочетали штукатурку и кирпич. Помню, на одном из домов, над подъездом была лепнина - голова римского легионера в обрамлении рогов изобилия, рог с фруктами, кисти винограда и т. п. В этих домах из 3–4–5–6–7 комнат, как правило, в дореволюционные времена селилась московская интеллигенция: профессура, юристы, врачи, писатели, поэты, художники, артисты, инженеры, банковские служащие. После революции кто-то уехал, кто-то уплотнился и стал жить в т. н. «коммуналках» с рабочими, служащими советских учреждений, торговцами и т. д. и т. п. Только буквально единицам удалось сохранить полные квартиры. В некоторых из этих домов, я бывал вместе с родителями у их знакомых, в некоторых у своих товарищей. Жизнь и быт и взаимоотношения в этих квартирах мало, чем отличалась от нашей коммуналки, и я их описывать не буду, да и по большому счету меня это не интересовало. Вот книжки, разные там пугачи, пушки, орудия, машинки и солдатики, а также открытки и марки, это представляло интерес, да еще, если были рыбки. Там же на Поварской, в самом ее конце, стоял двухэтажный особняк, по–моему, он стоит до сих пор. Так вот в этом особняке я был у моего товарища по институту, это было в 60 году. Вот это была классическая коммуналка, длиннющий коридор, по обеим сторонам которого комнаты, количество точно не помню, но более полутора десятков, два туалета, ванная комната с умывальником и кухня, в которой было три умывальника. Коммуналки, да бог с ними, о них так много написано, даже передача на телевидении была такая, что говорить о них просто больше нечего, жаль только что на российских просторах их еще так много, да и Москве хватает, а как было бы хорошо, если бы хотя бы в Москве вместо всего этого элитно–

строительного бума решили бы этот вопрос. Но разве где–нибудь и когда–нибудь в целом мире, этот вопрос решался. Укажите мне где.

Бывший доходный на Поварской улице, 2007 год.

Прогулка по Поварской улице закончена, сейчас мимо Мерзляковского переулка мы выйдем на Арбатскую площадь и по улице Арбат повернем в сторону Смоленской площади. Но это будет другой рассказ. А пока пойдет рассказ об улицах и переулках, которые лежат левее Поварской улицы. если смотреть от Кудринской площади в сторону Никитских ворот и Арбатской площади. Это не прогулочный маршрут, это пути–дороги по которым я пошел в школу в сентябре 1935 года, хотя и ранее проходился по ним.

Улица Герцена – Большая Никитская улица.

От Кудринской площади–Восстания к центру, к самому Кремлю, вернее к Манежу, ведет улица Герцена, бывшая Большая Никитская улица. По этой улице идет трамвай, ездят автомобили, и тогда еще лошадки бегали. На улице много хороших, в архитектурном смысле этого слова, домов. Но особенно выделялся один в самом начале улицы. Кирпичный фасад этого двухэтажного дома был как красочный ковер. Кирпичи разного цвета, много узоров, изразцов, красивые наличники на окнах. Этот дом построил архитектор А.С.Калина ещё в 1876 году для А.В. Лопатиной. В мое время в нем жили старые большевики. У брата здесь были приятели, дети этих старых большевиков. Потом и у меня появилась приятельница–девочка по имени Ильза, она была старше меня на один год, и позже, в школе наши пути разошлись. Теперь в этом здании посольство Бразилии.

По этой же стороне улицы за Скарятинским переулком стояли одно, двух, и трех этажные строения среди которых я выделю три. Прежде всего, это уникальная постройка, – городская усадьба XVIII века. Все дома усадьбы сохранились и до сегодняшних дней. Сколько они помнят владельцев советских времен, трудно даже сказать. Кто располагался там, в годы моего детства, я не знаю, а вот после войны помню, это Наркомтоп РСФСР, Минюст РСФСР, Главснаб РСФСР. Конечно, они нагородили многое внутри этих зданий, но внешний вид сохранили и на этом им спасибо. За этой усадьбой стоял еще один особняк с колоннами, он прямо нависал этими колоннами над тротуаром, в нем жили жильцы, т. е. была коммуналка.

Большая Никитская улица. Слева, 1900-е годы. Справа, 2004 год.

А вот дальше, за забором с массивной чугунной решеткой, просматривался особняк, в котором располагалось японское посольство. Папа сказал, что это «нонсенс», дом в старину принадлежал великому русскому полководцу графу А.С. Суворову. Даже я, маленький и то подумал, япошки и Суворов, как это, так и начал приставать с вопросами. Отец ответил однозначно, – «Придет время, разберутся».

И действительно разобрались сначала, в войну, учредили орден «Суворова», а затем когда разгромили японцев, убрали из этого особняка посольство, Что там сегодня не знаю, но вот надпись на фасаде говорит «Здесь жил А.С.Суворов», коротко и ясно.

Дом графа А.С. Суворова на Большой Никитской улице, 2007 год.

А дальше был еще один «нонсенс». Дальше по Большой Никитской улице, мы видим огромный храм «Большое Вознесение», я упомянул его раньше в рассказе с крыши, помните, я говорил, что его купол как бы парит над окружением, здесь на земле все, оказалось, по иному. Естественно храм закрыт, не работает, нет службы. Храм закрыли в 1931 году. Но что вокруг? За забором, окружающим храм, оказался дровяной склад. А родитель мой рассказывал мне, что в этом храме венчался великий Пушкин с Натальей Гончаровой– первой красавицей Москвы. Даже я, маленький человечек, воспитывавшийся на сказках Пушкина, тогда еще на отцовском пересказе «Капитанской дочки» и «Дубровского», знавший наизусть «У лукоморья дуб зеленый, златая цепь на дубе том... » и другие стихи поэта, не мог понять, как это можно совместить венчание поэта в этом огромном храме и дровяной склад. Странно, я смотрел на папу, и почему-то ничего его не спрашивал. Не знаю, понял ли я тогда это так, как нужно было понять. Но великое удивление и совершенное не понимание увиденного так меня поразило, что, по сегодняшнему, это можно было бы назвать шоком. Сколько в своей жизни я повидал церквей, храмов, монастырей, переоборудованных: под мастерские, машинотракторные станции, клубы, хранилища, склады, тюрьмы, различные колонии и казармы, не счесть. Но здесь, в Москве, место, связанное с именем великого Поэта, столетие со дня гибели которого готовились отмечать через тройку лет, в 1937 году, превратили в склад. Вот почему папа не люби, ходить по Большой Никитской на этом ее отрезке, Он был прекрасным знатоком пушкинской поэзии и прозы, мог почти дословно пересказать такие его произведения как «Дубровский», «Капитанская дочка», «Станционный смотритель». С упоением рассказывал мне историю Пугачевского бунта, читал отдельные стихи, отрывки. И как будто слышатся мне в его исполнении Пушкинские строки из «Клеветникам России»:

«О чем шумите вы, народные витии?
Зачем анафемой грозите вы России?
Что возмутило вас? Волнения Литвы?
Оставьте: этот спор славян между собою,
Домашний, старый спор, уж взвешенный судьбою,
Вопрос, которого не разрешите вы... »

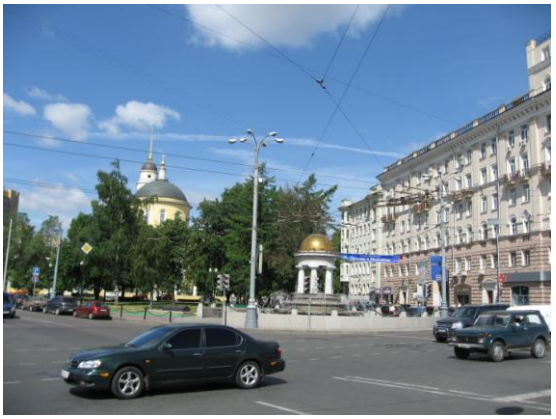
и окончание этого стихотворения:

«Иль нам с Европой спорить ново?
Иль русский от побед отвык?
Иль мало нас? Или от Перми до Тавриды,
От финских хладных скал до пламенной Колхиды,
От потрясенного Кремля
До стен недвижного Китая,
Стальной щетиною сверкая,
Не встанет русская земля?
Так высылайте ж нам, витии,
Своих озлобленных сынов:
Есть место им в полях России,
Среди нечуждых им гробов».

Отцу было больно и обидно видеть Пушкинские места в таком виде. В какой-то степени, эти обида и боль передались мне. В 60-х годах, началось восстановление храма, растянувшиеся на многие годы. а затем на углу Большой и Малой Никитских улиц соорудили беседку со стоящими в ней Пушкиным и Гончаровой, я очень обрадовался.

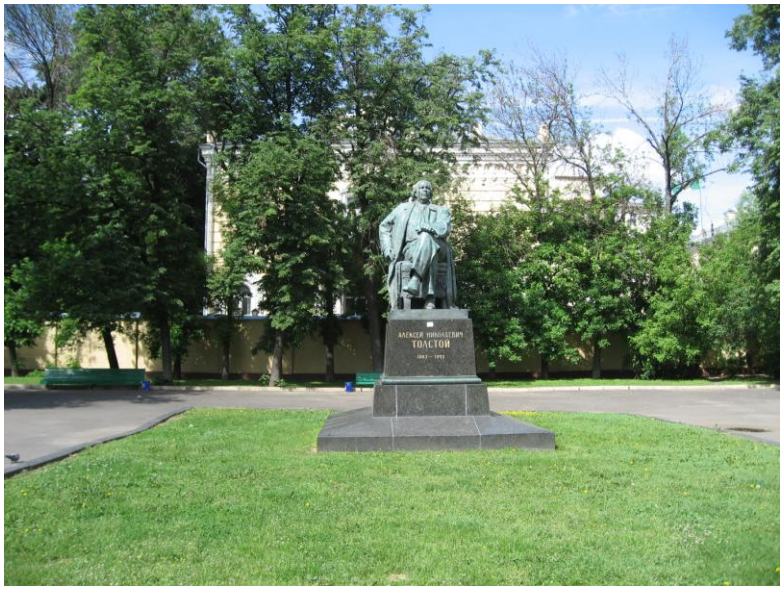
Вид на Храм Вознесения с Большой Никитской улицы.
Слева, 1912 год. Справа, 2004 год.

Храм Вознесения. В нём венчался А.С.Пушкин с Натальей Гончаровой. 2007 год.



Беседка в честь свадьбы А.С. Пушкина и Натальи Гончаровой на углу Большой Никитской и Малой Никитских улиц. 2007 год.

Перед храмом, после домика Суворова, в старые времена был маленький переулок–проулок, назывался он Вознесенским проездом. По нему действительно было движение, в те далекие времена. Теперь, между оградами усадьбы Суворова и храма разбит сквер, вдоль ограды храма идет пешеходная дорожка, за ней сохранилось название проезда. а на сквере стоит памятник писателю Алексею Николаевичу Толстому – советскому графу, как его называли, в те времена, он жил здесь рядом на Спиридоновке, автору многих хороших произведений: «Петр Первый», «Хождение по мукам», «Гиперболоид инженера Гарина». Я эти произведения читал и перечитывал много раз. Между прочим, Алексей Толстой написал еще дилогию «Иван Грозный» и был еще один граф Толстой Алексей Константинович тоже писатель. Он писал стихи, исторические романы. Его романом «Князь Серебряный» я зачитывался, и когда перед войной я заболевал, то этот роман из книжного шкафа перекочевывал ко мне в постель. Его же перу принадлежит и трилогия, – «Смерть Иоанна Грозного», «Царь Фёдор Иоаннович», «Царь Борис». Кто не читал трилогию Алексея Константиновича Толстого, дилогию «Иван Грозный» Алексея Николаевича Толстого и «Бориса Годунова» Александра Сергеевича Пушкина – прочитайте, сравните, получите большое наслаждение и узнаете трактовки событий тех времен.



Памятник А.Н. Толстому в сквере на Большой Никитской улице, 2007 год

Заканчивалась эта сторона Большой Никитской улицы маленькими двухэтажными домиками, ничем не приметными, кроме мастерских и магазинчиков, а дальше улицу пересекало Бульварное кольцо с трамвайными линиями по обе стороны и милой сердцу «Аннушкой».

Правая сторона Большой Никитской улицы запомнилась мне следующим. На углу Скорятинского переулка был «Дом младенца» им. Герцена, кстати Большая Никитская тогда называлась улицей Герцена, Вот не пойму, чем Герцен не угодил, хозяевам Москвы и демократам 90-х годов? С Воровским ясно, но ведь Герцен в свои времена был знаменем русских демократов, знаменем зарождавшейся русской интеллигенции, за что вы его обидели, разделили бы улицу на две части одна, Большая Никитская, другая улица Герцена. Вернемся к «Дому младенца». Из рассказа отца следовало, что бывают маленькие дети, от которых по разным причинам отказываются матери, таких детей называют подкидышами, вот для них и существуют такие дома. Здесь их кормят, одевают, заботятся о них, делают все, чтобы они чувствовали себя как дома, в семье, но все равно, сказал он, – это не как дома и маленьких детей должны воспитывать папы и мамы. Сегодня в этом доме «Еврейский культурный центр на Никитской».

Бывший «Дом младенца», теперь Еврейский культурный центр на Никитской. 2007 год

Другой дом, который привлек мое внимание, был дом за высокой оградой, там ходили какие-то люди в красных шапочках, с кисточками и на флагштоке развивался красный флаг с полумесяцем, это было здание посольства Турции. А дальше был Ножевой переулок. Если в него завернуть, то на углу Ножевого и Столового переулков располагалась пожарная часть, а на другом углу была школа, это было второе здание знаменитой школы № 10 имени Ф.Нансена..

Но вернемся на Большую Никитскую–Герцена улицу. За Ножевым переулком идёт несколько малоэтажных домов, а за ними, расположился большой доходный дом. Он как бы состоял из двух и был разделен маленьким двориком, причем, эти дома своей тыльной стороной выходили на Столовый переулок, а по Большой Никитской плавно поворачивали в Мерзляковский переулок. В первом из этих домов был магазин «Консервы». Для нас – детворы, он был примечателен тем, что там продавали соки и восточные сладости, до которых дети были очень охочи. В магазине были не только консервы, но и овощи, и фрукты и всё как на подбор.

В этих домах жили очень ответственные советские и партийные работники, а также деятели мирового коммунистического движения. Я точно знаю, что в одном из этих домов жил известный советский исследователь Арктики Отто Юльевич Шмидт и видный немецкий коммунист–писатель Фридрих Вольф. По тем временам у этого дома по утрам было много легковых автомобилей, конечно, не частных, а прикрепленных, и когда мы шли на занятия в школу, можно было видеть, как подъезжали автомобили к этому дому и забирали своих пассажиров чтобы отвести их на службу.

Здесь, Большая Никитская - Герцена улица как бы поворачивает влево и идет к Никитским воротам и Бульварному кольцу, а направо начинается Мерзляковский переулок. От этого поворота до Никитских ворот всего-то метров 100–150. И опять, как и на противоположной стороне, двухэтажные домики, на первых этажах которых различные мастерские, магазинчики и парикмахерская, а на вторых этажах жили люди,

Школьные дороги

Я описал две улицы из Кудринской округи, по которым я совершал пешие прогулки с родителями. Но между ними лежали целые кварталы, переулки, по которым в 20-х и 30-х годах ежедневно ходил в 10 школу, расположенную на углу Мерзляковской улицы и Медвежьего переулка мой старший брат Сева, а в 1935–1937 годах ходил я.

Одни названия этих переулков заставляют детское сознание помечтать: «Столовый», «Скатертный». «Ножевой», «Хлебный», «Чашников. Что, почему, откуда такие названия. Оказывается, что здесь в ХУ1-XVII веке, была Поварская слобода, вот откуда название улицы – «Поварская». В этой слободе жили люди, прислуживавшие царскому двору: повара – Поварская, изготовители и точильщики ножей – Ножевая, изготовители скатертей – Скатертный, накрывали и подавали к столу – Столовый, пекаря – Хлебный, изготовители посуды – Чашников. Вот так служивый люд увековечил себя в этих названиях.

Ко времени моего хождения по этим переулкам, они были застроены в основном особняками и разновеликими так называемыми «доходными домами». Все эти здания отличались друг от друга своим внешним видом, фасады, как правило, были отделаны лепниной, колоннами и изразцами. То же самое относится и к двух–трехэтажным особнякам, в которых, как правило, в те годы располагались какие-то организации или консульства и мисси иностранных государств. Нужно сказать, что все эти переулки, а также Ржевские–Большой и Малый, в те предвоенные годы оставались нетронутыми новыми застройками, тогда они практически сохранили свою дореволюционную застройку. И сегодня там мало, что изменилось, возможно, найдем пяток домов–башен, одна из которых стоит на месте бывшей пожарной части на углу Ножевого и Столового переулков. Да, вот вспомнил, было исключение и до войны. Тогда на углу Мерзляковского и Скатертного, выросла из красного кирпича пятиэтажка с большими трехстворчатыми окнами и балконами. И ещё был выполненный в виде буквы «Г» пятиэтажный дом, на углу Скатертного и Столового переулков, он был характерен тем, что балконы были вынесены вперед по фасаду, каждый ряд балконов на двух столбах, предвестник знаменитой серии «хрущёвок», которые сносят сегодня в Москве в первую очередь.

Из всех старых домов в этих переулках мне запомнились три. Городская усадьба Забелиных в Хлебном переулке, названная по имени знаменитого русского историка, археолога, директора Московского Исторического музея, который жил в этом доме с 1820 по 1909 годы. Его перу принадлежат многие работы по истории быта русского народа. Дом, в котором находилось Посольство Югославии, очень красивый особняк, с большим садом, богатой лепниной, большим полукруглым балконом и фасадом, украшенным изразцами. Не удосужился я тогда выяснить, кому принадлежал дом раньше, Посольство, значит, ему и принадлежало, так думалось мне, а ведь не так видимо

было, наверное, хозяином был до революции какой-то дворянин или купец или заводчик или банкир, только такие люди могли позволить себе такую красоту. И еще один дом–красавец, на всю жизнь остался в моей памяти. Он стоял прямо напротив моей школы в Мерзляковском переулке. Четырехэтажный, с широченными окнами, с огромным витражом над парадным входом, по всему козырьку фасадов лепнина. Этот особняк раньше принадлежал доктору Ф.А. Алексееву. В те годы Советская власть и Партия провозгласили «Дети наше будущее, все лучшее детям». Действительно тогда очень многое делалось для детей, не то, что сегодня, когда власть о детях забыла и только-только начинает к ним поворачиваться, и то потому, что ее подвигают на это такие люди, как доктор Рошаль. Вот кого надо ставить Министром здравоохранения и социального развития, а не Зурабова. Да и вообще, зачем соединили эти два направления? Особняк, о котором я говорю, тогдашняя власть отдала под роддом. Там всегда можно было видеть молодых пап под окнами, а в окнах мам показывающих своих маленьких чад, а сейчас там нет роддома, есть вывеска, которая говорит, что здесь располагается «Объединенный банк промышленных инвестиций» на входной двери кодовый замок и прогуливающийся вдоль фасада охранник.

Несколько слов о названиях Медвежий переулок и Мерзляковский переулок. Мне запомнились две байки о Медвежьем. Первая - якобы здесь держали царских медведей, ведь русские цари любили всякие медвежьи потехи, например, проделки дрессированных медведей, борьбу человека с медведем, или как это рассказано в «Дубровском» у А.С. Пушкина. Другая байка, что название дали по причине отдаленности от центра и глуши, ведь говорят в народе «медвежий угол». Хотя какая это глушь, ведь вокруг слободы с царскими людьми. В общем, байки есть, и название есть, а какая байка нравится, ту и выбирай. Лично мне нравились байки по «Дубровскому». Название Мерзляковский якобы произошло по отчеству домовладельца в XVIII веке князя Дмитрия Мамстрюковича Черкасского, а в народе это отчество переиначили на Мерзляковича, вот и получилось – Мерзляковский, хотя и звучит некрасиво, а когда-то называли – Мамстрюков переулок.

Мой маршрут от дома до школы протекал так: левая сторона Поварской улицы до Скатертного переулка и по нему до М. Ржевского, там поворот в сторону Большой Никитской и, через несколько десятков метров поворот, направо и по Столовому переулку до Медвежьего, и я упирался в ворота двора школы. Иногда маршрут шел по левой стороне Поварской до Скарятинского переулка с выходом на Большую Никитскую улицу, а там до Мерзляковского и опять упираешься в угол Медвежьего, в школу. По названным мною переулкам и стекались в школу ее ученики, кто за руку с родителями или бабушками, это обычно первоклашки, а иногда и второклассники. Но большинство шагали самостоятельно, кто один, кто по двое по трое, а кто и стайками по пять и более человек, в зависимости от того, сколько в доме–дворе школьников и особливо одноклассников. Первый год я ходил в школу с мамой, первое время за ручку, а потом проявляя самостоятельность «автономно», – т. е. рядом или впереди, или как «хвостик». Иногда вприпрыжку. Иногда бегом. Сопровождаемый маминым: «Слава, куда ты?», «Слава, не беги!», «Слава, не прыгай!», «Слава, не балуйся!». Иногда меня провожали в школу папа или тетя Ада, но это уже были не пешие прогулки, а на трамвае. Мы садились на

трамвай около дома, остановка была прямо у выхода из подъезда, и ехали две остановки до Никитских ворот, а там немного назад и налево в Мерзляковский. Но провожание папы и тети Ады были редким исключением, а пешие маршруты постоянными. Со второго класса в школу я ходил самостоятельно. В школу мы заходили почти всегда со двора, так как там, в цокольном этаже была раздевалка, а когда по погоде раздеваться было не надо, шли через парадный вход. И всегда у входа нас встречал директор школы Иван Кузьмич Новиков.

Школа № 10 им. Ф. Нансена

Нужно сказать несколько слов о самой школе. Она берет свое начало с гимназии Флерова, которая открылась в 1906 году в собственном доме Элькинда в Мерзляковском переулке. Первым директором гимназии (мужской) был Барков Александр Сергеевич, впоследствии академик Академии педагогических наук РСФСР. В 1925 году его сменил Иван Кузьмич Новиков, он директорствовал до 1953 года.

После революции гимназия превратилась в трудовую школу №73. В 1923 году опытной школой №10 с семилетним образованием. С 1932 года стала десятилеткой. Тогда же школу соединили с другой школой, здание которой находилось в метрах трехстах от нее, в Столовом переулке. Школа эта называлась №3 имени К. Маркса, пришлось «марксистам» стать «нансенцами». О том, как присвоили имя Ф. Нансена школе №10, я рассказал выше.

В школе был очень сильный преподавательский состав, достаточно сказать, что одиннадцать преподавателей были до войны орденоносцами, причем семь были награждены орденом Ленина, а директор был удостоен ордена Ленина дважды, второй орден он получил уже после войны. Поищите еще такую школу с таким созвездием орденов Ленина в те времена, я думаю, не найдем, а если и найдем, то пересчитаем по пальцам на одной руке.

В школе даже по тем временам были очень хорошо оборудованные классы и кабинеты, чистота и порядок были идеальные. Конечно, мы бегали и толкались, но все это было как-то по–другому, не как потом в 15 на Донской. Я очень сожалею, что когда мы переехали на Донскую, меня забрали из этой школы, хотя понимаю, что добираться в Мерзляковский с Донской было проблематично. Но я, перейдя в другую школу, что-то потерял, и это я ощущаю по сей день. Вот ведь какая незадача, проучился я в 10 всего ничего, два с небольшим года, потом была 15, но тянуло меня всегда в мои Кудринско–Арбатские–Мерзляковские края. Атмосфера в 10-ой была иной, какая-то особенная, ребята и младших и старших классов были одним коллективом, дух среди них был особый, – «Нансенский».

В стенах этого здания до революции учились Игорь Ильинский–великий советский артист; не буду перечислять все его роли в кино и в театре, но для меня лично он начался с «Праздника Святого Иоргена». Академик–словесник Александр Реформаторский, выдающийся биолог Тимофеев–Ресовский. Во времена Севиной и моей учебы в школе учились: Андрей Попов – народный артист СССР, он работал во МХАТе и снялся во многих фильмах; физик – отец водородной бомбы, – Андрей Сахаров; артист Алексей Баталов, на мой взгляд, один из самых порядочных людей среди актерского племени; музыкант, будущий главный режиссер Большого театра, – Борис Покровский; физик, – академик, – Георгий Зацепин; писатель Андрей Синявский. Учились сыновья: известного полярника, будущего академика О. Ю. Шмидта, – Сигурдт Шмидт, сам теперь академик–историк, и сын немецкого коммуниста, писателя – антифашиста Фридриха Вольфа, автора антифашистской пьесы «Профессор Мамлок», по которой был снят одноименный фильм, – Маркус Вольф, будущий Министр Госбезопасности ГДР.

Школа № 10 имени Ф. Нансена, 2007 год.

Мемориальная доска на здании школы № 10 им. Ф. Нансена, говорящая о том, что директором здесь был в 1925-1953 годах И.К. Новиков, 2007 год.

Второе здание Школы № 10 им. Ф. Нансена в Столовом переулке. Сегодня это основное здание, 2007 год.

У этой школы была еще одна отличительная черта от других - это благотворительные концерты, в пользу детей из малоимущих семей, которые проводились ежегодно. Концерты эти, как правило, устраивались в Малом зале Консерватории. Для участия в них приглашались лучшие артистические силы Москвы. На моей памяти певицы Надежда Обухова, Валерия Барсова, Мария Максакова (в которую я буквально был влюблен не только в те детские годы, но и

когда я стал уже взрослым). В её исполнении Кармен я прослушал в Большом, наверное, раз десять, в разные годы и всегда не переставал восхищаться ее голосом и манерой исполнения. Танцевала балерина Ольга Лепешинская. Пели певцы Иван Козловский, Сергей Лемешев, Дормидонт Михайлов (это его отчество, но так его все звали) и был еще певец по фамилии Жадан, но он вдруг пропал. А вот еще фамилии Алла Тарасова, Ольга Андровская, Михаил Москвин, Николай Хмелев и конечно Игорь Ильинский и Василий Иванович Качалов. Нельзя не вспомнить восходящую звезду, двадцатилетнего пианиста Эмиля Гилеса. Концерт с такими звездами собрать не так-то просто, не всякие школы могли себе это позволить, а вот 10-ая школа могла.

Одним из организаторов этих концертов был мой отец. Он был Председателем родительского комитета школы. Деньги, полученные от сборов за проданные билеты, поступали в распоряжение комитета, который и тратил их на помощь малообеспеченным детям и на общешкольные мероприятия. Многими другими проблемами учеников и учителей занимался родительский комитет, мне это не положено было знать, и я к этому не стремился. Отец был бессменным председателем комитета еще со времен учебы Севы и даже в тот период, когда Сева уже не учился, а я еще не начал учебу. Его просил Иван Кузьмич, а родители его просто обожали. Но вернемся к благотворительным концертам. После выступления артистов отец вместе с Иваном Кузьмичем благодарили артистов и вручали им подарки. Обычно это была корзина с набором фруктов, вином и конфетами. Происходило это так: артистов приглашали в большую комнату за сценой, там стоял накрытый стол с фруктами, пирожными, конфетами, бутербродами, винами и коньяком Актеров благодарили, вручали подарки, провозглашали тосты. А для Дормидонта приносили запотевший графинчик с водкой, он другого не употреблял. В 1944 году мне довелось послушать Дормидонта в Елоховском соборе в Москве, где он пел на пасху. Голосище, я вам скажу. Вот и все о школе. Да, давно уже, еще в советские времена, учебный процес в школе, теперь её номер 110 сосредоточили в бывшем втором злании школы, в Столовом переулке.

От Трубниковского переулка до Арбата.

Улицы Поварскую - Воровского и Большую Никитскую - Герцена улицу с прилегающими к ним переулками вплоть до Бульварного кольца мы прошагали. Можно было бы прогуляться по Арбатской площади и по улице Арбат. Ведь маршруты семейных прогулок шли именно через Поварскую улицу, Арбатскую площадь и Арбат. Правда иногда мы сворачивали в Трубниковский переулок и через него выходили на Арбатскую площадь или на Арбат, попутно заглядывая на Собачью площадку, Большую и Малую Малчановку и другие при–Арбатские, при–Новинские, при–Поварские переулки, Отец очень любил эти «при», и эта любовь передалась и мне и осталась во мне по сегодняшний день. Их разрушение в 50-60 годах я страшно переживал. Когда рушили Собачью площадку, рвали на куски Большую Молчановку, и. Трубниковский казалось, что рушили и рвали меня, и я знаю, так чувствовали себя многие москвичи и, прежде всего жители округи. А тогда в моем детстве, здесь царила тишина и покой, чистота и ухоженность, обилие зеленых насаждений, и какая-то патриархальность, связанная с поведением живущих тут людей. Здесь не было обычного городского шума, лязга, грохота, гудков и свистков транспорта. Даже детвора не нарушала покоя этих улиц, разве, что утром, когда стайками направлялась в школы и когда возвращалась из школ, а так ребятня растворялась в своих дворах и в переулки высыпает очень редко, там ей просто нечего делать. Двор, вот что объединяло и притягивало ребятню 30-х годов. А прохожие, их тоже мало в переулках: утром вереница спешащих на службу взрослых, днем встретишь женщин идущих туда и обратно в магазины или вышедших на прогулку со своим чадом на бульвары. И все вокруг спокойно до вечера, когда взрослые начнут возвращаться с работы. Но все события на улице происходят постепенно, последовательно. Нет шумящей, снующей туда–сюда толпы, течет спокойная размеренная жизнь, все здесь дышит каким-то покоем, исходящим от невысоких в своей массе домов, от их архитектурного облика, от зелени дворов и садов, высовывающихся своими кронами из–за заборов и оград с их узорчатыми решетками или просто деревянными.

Конечно, то, что я пишу сегодня, это мой взгляд, мое видение почти через семьдесят лет, но это только с точки зрения изложения некоторых исторических фактов, а все остальное тогдашняя ожившая действительность.

Я очень люблю старую Москву, порою мне кажется, что нет такой улицы, переулка, площади в этой Москве, по которой бы я не прошелся, где бы я не побродил. Вообще очень люблю ходить пешком и ходить долго и много, это у меня с детских лет. Прогулка на меня всегда действует благотворно, это как бы «трудотерапия», вернее сказать «улицетерапия» или «паркотерапия». Хождение пешком по улице Горького–Тверской, Новому Арбату, Ленинскому или Профсоюзному проспектам или Черемушкам это одно – это «трудотерапия», а прогулка по переулкам и улицам старой Москвы, – это совершенно другое, это «улицетерапия». Здесь совершенно другие ощущения, здесь на тебя не давит громада застройки, все эти башни и коробки. Здесь ты как бы слился, растворился в этой улице, переулке, это твоя среда, и ты с ней сосуществуешь.

Я и в прошлые годы любил вдруг прогуляться по своим старым маршрутам, не только по Кудринской округе, но и по другим уголкам старой Москвы,

знакомым мне по моему детству, а перед тем, как начать эти записки, я вновь прошелся по многим из них. Некоторые не изменились, другие наоборот изменились, а некоторых и вообще нет, говорят, время не властно, но грустно.

Так начнем же наше путешествие по Трубниковскому переулку. Откуда повелось это название? Оказывается в далекие времена в XVII и начале XVIII веков здесь жили люди, профессией которых было чистить дымоходные трубы – трубочисты, отсюда появилось и название переулка (О трубочистах я упоминаю в «Некоторых картинках прошлого»).

В этом переулке, по правой стороне, если идти от Поварской улицы, стояло и стоит какое-то мрачное, темно серого цвета со сводчатыми проходами между малюсенькими внутренними двориками здание. Сколько было этих двориков–колодцев, три или четыре не помню, но они чем-то напоминали дворики нашего дома, только были поменьше и не имели галерей. В мое время это был жилой дом с множеством коммунальных квартир, в которых жили сотрудники каких-то наркоматов, в т. ч. и Наркомтяжпрома (в этом наркомате работал отец и, видимо, поэтому мы несколько раз бывали с ним в гостях у его знакомых из Наркомтяжпрома). Все жилые помещения выходили в длиннющие коридоры, в конце которых были места общего пользования. Наверное, жильцам этого дома было очень неуютно в этих квартирах. Дом этот построили перед первой мировой войной, тогда в нем располагались винные погреба и Главное управление уделов, ведавшее имуществом царской семьи. Удельное ведомство было крупным производителем качественных вин, вот почему и винные подвалы, они служили для выдержки вин, называемых «Голицынскими» в честь знаменитого винодела, основателя русского виноделия – князя Л. С. Голицына. После революции одно время там размещался Наркомнац, который возглавлял тогда Сталин, некоторое время в этом наркомате работал мой отец. После войны жильцов дома расселили, и там, в разные времена сидели различные госучреждения. В 80-х годах там располагалось внешнеторговое объединение «Экспортлес», где я бывал и по служебным делам и так просто заходил к своему приятелю Олегу Зубареву–первому заместителю председателя этого объединения. Сейчас там сидят какие-то службы Минэкономразвития РФ.

Сразу за этим домом стоит особнячок, в котором в 1889–1929 годах жил русский художник–передвижник Илья Семенович Остроухов. Он слыл страстным собирателем русской живописи и икон и свою коллекцию передал Третьяковке, у него самого известная картина «Сиверко». В годы моего детства в этом особняке был филиал Третьяковки, и именно здесь состоялось мое первое знакомство с картинами великих русских художников. Водила меня сюда мама, это была как бы прогулка. Та, большая Третьяковка была далеко, и в нее я попал, наверное, когда

учился в первом классе. Что там было, потом я не знаю, так как после нашего переезда, я в этих краях бывал очень редко. Сейчас в этом особняке «Литературный музей», если бы я был «отцом города» или директором Третьяковки, я бы сделал там снова филиал и разместил бы картины Остроухова.

Бывший особняк художника-передвижника И.С. Остроухова, сейчас в нем «Литературный музей», 2007 год.

В переулке было много 5–7 этажных домов дореволюционной постройки так нназываемых «доходных домов». Я уже неоднократно рассказывал о них и их архитектуре и убранстве, обычно они все чем-то разнились, и подмечать и рассказывать об этом дело специалистов, а не мое. Поэтому я больше останавливаться на них не буду, если только не какой-то изыск и с этим домом не связана какая-то история или личность.

В Трубниковском переулке был один двор, в глубине которого в одном из домиков жил мой приятель по играм на Новинском бульваре, а затем и по школе Олежка, фамилию забыл. Двор этот был изумительным. Кто-то и когда-то соорудил там галереи, переходы, гроты, горки, пещеры. Это было раздолье для полета детской фантазии, игр и вся детвора этого и окружающих дворов там с упоением играла, – особенно в казаки–разбойники. В этом дворе, как и во всех других, были свои ребячьи законы. Не всякого привечали и принимали в круг игравших, нахально лезших просто отчуждали. Ох, уж это ребячье отчуждение, каково тебе, если тебя не замечают, толкают, выталкивают, за тобой никто не бегает, не салит, сколько там всяких ребячьих ухищрений – не счесть, не перечесть. Не дай тебе бог попасть в эту полосу отчуждения. Не знаю, где было лучше играть на Новинском бульваре или в саду за Шаляпинским домом или в этом дворе в Трубниковском, – наверное, в этом возрасте везде хорошо. Главное это играть, - бегать, прыгать, прятаться, искать, находить, кричать, – какое это было удовольствие!

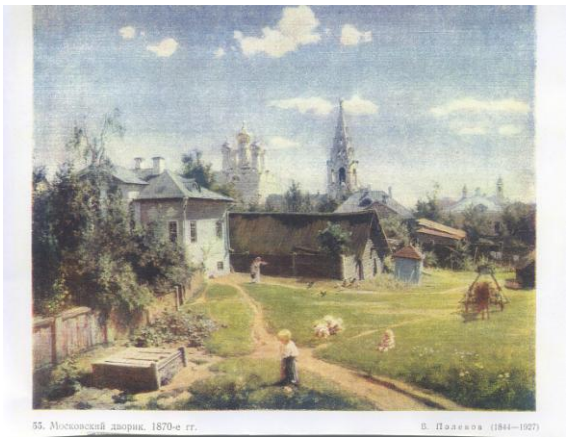
Трубниковский переулок от Поварской улицы ведет к Арбату. Влево от него отходила улица Большая Молчановка, а затем он пересекал Кречетниковский

переулок, С этого места тогда хорошо просматривался скверик на Спасопесковской площади, стоящая за ними церковь и Арбат. Кречетниковский переулок получил свое название по находившемуся здесь в XVII веке царскому «Кречетному двору», в котором содержались для царской охоты «Кречеты», – крупные белые орлы, вывозимые с Урала, здесь же жили и охотники с соколами. Дальше шел Дурновский переулок, Теперь, когда Трубниковский разрезали пополам, как ножом по маслу, пропали оба названных переулка и увидеть ничего из выше сказанного не представиться, а увидите вы перед собою Новый Арбат. И только перейдя по переходу на другую сторону Нового Арбата и спустившись за высотками по лестнице, вы попадете на вторую половину Трубниковского и увидите упомянутую уже площадь и все, что за ней. А, пройдя сотню другую шагов, упретесь в эту площадь с небольшим скверико́м, это и будет Спасопесковская площадь. От угла площади, вправо в сторону Смоленской площади отходил Рещиков переулок или как его называли в старые времена и называют сегодня, «Каменная слобода», здесь в далекие времена жили каменщики, – каменных дел мастера, людей этой профессии в 60–80 годы, в Москве, днем с огнем невозможно было найти, извело их хрущевское панелестроение.

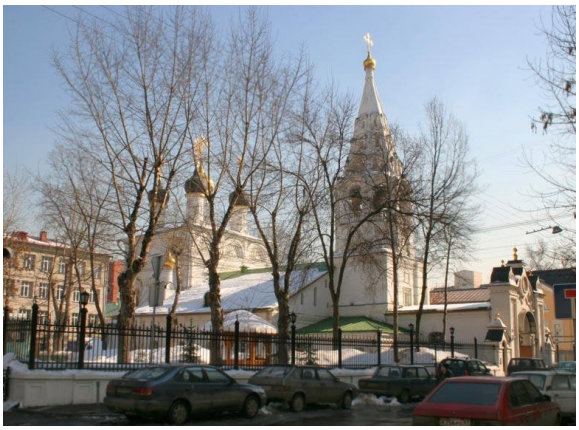
В конце Трубниковского переулка стоят несколько четырех–, пятиэтажных домов, из серии доходных, у них красивая отделка: лепнина, балконы, парадные подъезды обрамлены всяческими изображениями. В одном из этих домов жил в 1905–1906 годах Иван Бунин, надеюсь представлять не надо, а в 1918–1919 годах он жил, между прочим, на Поварской. Кстати говоря, в одном из этих домов жила еще одна русская знаменитость, художник Константин Фёдорович Юон, у него есть картины на московскую тему: «Гуляние на Девичьем поле», «Кафе на Тверском бульваре», «Вид на Москву с Воробьевых гор».

И так мы вышли на Спасопесковскую площадь, её скверик и в одноименный переулок. Присели на скверике на лавочку, отдышались немножечко, огляделись вокруг. Наше внимание привлекли два особняка и церковь. И папа начал что-то рассказывать. Оказалось; что церковь называется, «Спаса Преображения, что на Песках», площадь и переулок названы, по ее имени. Церковь здесь была с незапамятных времен, еще при царе Михаиле, была она деревянная, и шел тогда 1657 год, и была здесь стрелецкая слобода, а значит, тут жили стрельцы, и было это все до 1698 года, т. е. до «стрелецкого бунта», после которого Петр уничтожил стрелецкое войско. А каменная церковь была построена в 1711 году и дошла до наших дней с некоторыми перестройками (об этих перестройках говорят памятные доски на фасаде). Эта церковь увековечена в картине известного русского художника–передвижника Василия Дмитриевича Поленова «Московский дворик», написанной в 1878 году и имеющей прямое отношение к этому уголку старой Москвы, передавшей так проникновенно и лирично облик нашей столицы тех времен. Помню, как я вертел головой и спрашивал, – «А где дворик?». Никакого дворика не было, ведь с тех пор прошло почти полвека, и многое здесь поменялось, хотя, как это ни странно для тех времен, церковь осталась. Потом, найдя репродукцию с этой картины, мы вместе с папой дорисовали в своем воображении, что там было и с какого места рисовалось. Видимо художник рисовал картину с угла Рещикова и Трубниковских переулков. Дворик это видимо территория

скверика, за которй видна церковь. А церковь стоит и сегодня, обнесенная очень дорогой оградой.



Московский дворик, 1870-е годы. Художник В. Паленов.



Церковь «Спаса Преображения, что на Песках», 2007 год.

На Спасопесковской площади (по левой стороне от Поварской) стоит городская усадьба постройки 1912 года, так называемый «Особняк Второвых». Особняк расположен в глубине сада, здание двухэтажное, с выступающей вперед полукруглой колоннадой, с террасой на ней и спаренными колоннами по углам. Величественное и красивое сооружение – прямо дворец какого-то вельможи... Оказывается, действительно вельможи. Николай Второв, – владелец этого особняка был крупным российским финансовым магнатом, владельцем товарищества «Второв и сыновья» у них была крупная торговля в Сибири и ряд промышленных предприятий (теперь у нас таких людей называют «олигархи»). В 1916 году он основал в Москве Московский Промышленный банк. Вы подумайте, идет Первая мировая война, вот–вот грянет Февральская революция. Что бы сделали наши олигархи? Они бы все свои капиталы перевели за границу, а Второв вкладывает деньги в Россию, в создание крупной промышленных объединений и военных предприятий. Вот вам и отличие действительно русских капиталистов от нынешних «новых русских» олигархов. Когда его хоронили в 1918 году уже при советской власти, то рабочие несли венок с надписью, – «Великому организатору промышленности». Подчеркиваю – рабочие. После революции в этом доме помещалось Центральное статистическое управление, потом там был дом приемов ВЦИК, а с 1933 года здесь резиденция посла США, как ее называют, «СпасоХаус». Над зданием реет звёздо–полосатый флаг США, который просматривается со Смоленского участка Садового кольца. Идешь или едешь по этому участку Садового кольца в ту или другую сторону, повернул голову направо или налево, звёздо-полосатый, тут как тут.

Особняк Второвых на Спасопесковской площади.
Ныне резиденция посла США, 2007 год.

За площадью, идет Спасопесковский переулок, в нем, в тени церкви, притулился небольшой особнячок Щепочкиной, это XVIII век. Одноэтажное здание с полуподвалом, трех арочным портиком на четырех колоннах. В ансамбль с домом входят шикарные арочные каменные ворота, по своей красоте они превосходят сам дом. Говорили, что в этом доме в Х1Х веке жил Петр Вяземский, – князь, поэт, литературный критик.

Особняк Щепочкиной с арочными воротами в Спасопесковском переулке, 2007 год.

А на углу Рещикова переулка (Каменной слободы), жил друг А.С.Пушкина - поэт Николай Михайлович Языков (1803–1847гг), которому принадлежат слова популярной песни «Нелюдимо наше море». Вообще это стихотворение, его название «Пловец», написано оно в 1829 году. Стихотворение переложил на музыку композитор К.П.Вильбоа и оно стало песней:

«Нелюдимо наше море,
День и ночь шумит оно;
В роковом его просторе
Много бед погребено.

Смело, братья! Ветром полный
Парус мой направил я:
Полетит на скользки волны
Быстрокрылая ладья!...»

Дом, в котором жил поэт, не сохранился уже в те времена моего детства. Вообще в этом маленьком районе старой Москвы в Х1Х и начале ХХ веков жило много знаменитостей, возвеличивших русскую культуру.

Рядом с домом Языкова стоял тоже несохранившейся дом, в котором одно время была квартира великого русского композитора Александра Скрябина, из которого он (как повествует история) переехал в 1912 году, в свою последнюю квартиру в соседний Большой Николопесковский переулок. Он заключил договор на эту квартиру на 3 года, срок заканчивался 14 апреля 1915 года. И именно в этот день Скрябин скончался. С этой историей связана еще одна история. На похоронах композитора присутствовал другой русский композитор - С. И. Танеев, он простудился и умер немногим более чем через полтора месяца, 6 июня 1915 года. На память сразу приходит другое сопоставление; в 1953 году на похоронах И. В. Сталина присутствовал Клемент Готвальд, – Генеральный секретарь ЦК КП Чехословакии, Президент Чехословакии, он тоже простудился и умер, но только, кажется, через пять или шесть дней. Надо беречь себя на траурных мероприятиях. Как я не люблю ходить на них, но иногда надо.

Ещё пару слов о скверике. На этом скверике мы сиживали с отцом не раз и не два, а очень даже часто. Тогда там не было скульптурного изображения А. С. Пушкина, теперь есть, но и тогда, в дни моего детства скверик назывался «Пушкинским». Это как бы говорило, что ты находишься в местах, где в московские периоды его жизни бывал, жил поэт. Вот здесь где-то неподалеку, ты увидишь идущего в шляпе, плаще, с тростью поэта.

Пушкинский скверик на Спасопесковской площади, 2007 год.

Действительно, А.С. Пушкин жил неподалеку на Собачьей Площадке, было это в самом детском возрасте. Затем семья Пушкиных снимала дом в Борисоглебском переулке (дом принадлежал священнику церкви «Николы на курьих ножках»). Из этого дома Александр Сергеевич в июле 1811 года уехал учиться в Царское село, в лицей (а родился Пушкин в Москве в 1799 году и крестили его в церкви Богоявления, что в Елохове, – Богоявленский собор).

Вообще вся эта Кудринская и Арбатская округа дышит Пушкиным. Вспомним Поварскую, Пушкин читает «Полтаву» в доме Шереметьевых, В Скарятинском переулке он бывал у Гончаровых, на Большой Никитской в «Большом Вознесении» он венчался, в дом на улице Арбат он привез после венчания Натали. Значит, он ходил, ездил и катался на дрожках по всем этим улицам и переулкам. Значит, он бывал и на Новинском бульваре, не мог он там не быть, только моего дома тогда не было и трамваев тоже. Ну а церковь «Николы на Курьих ножках» в Борисоглебском переулке, может быть, именно это название навеяло ему слова «Избушка там, на курьих ножках, стоит без окон, без дверей... ». Теперь на этом месте стоит школа, территория огорожена, но никакой памятной доски нет. Скупа ты, память власть имущих, да и общественности тоже. Раз я уже заговорил о церкви, то упомяну, что её снесли в 1934 году, а построили в каменном исполнении в 1681 году. Будет не лишним узнать три притчи, о её названии. Первая, – церковь стояла на меже (по старинному «ножке»), с курьим царским двором Алексея Михайловича. Вторая, – церковь была деревянная и стояла на высоких пнях срубленных здесь деревьев (а там росли вязы), которые в народе прозвали «курьими ножками». Видимо отсюда и Пушкинское, «избушка там стоит на курьих ножках». Третья, – причт (это состав лиц служащих при какой–либо одной церкви) подовая челобитную о прирезке земли писал, что «курице негде ступить». Выбирай любую, что душе нравится.

Как-то чувствуешь себя по–другому, слушая рассказы отца, и представляешь все это наяву. Вот перед тобою поэт в детстве (помните его портрет

во многих книжках?), курчавая головка, подпертая ладошкой правой руки. Здравствуй, Пушкин, я люблю тебя. В связи с этим Пушкинским отступлением вспоминается и еще одно событие, совпавшее с моим детством. Страна широко и помпезно отмечала день памяти поэта в 1937 году. Минуло 100 лет со дня его трагической гибели.

«Погиб Поэт!– невольник чести–
Пал, оклеветанный молвой,
С свинцом в груди и жаждой мести,
Поникнув гордой головой!... »
...
«Замолкли звуки чудных песен,
Не раздаваться им опять:
Приют певца угрюм и тесен,
И на устах его печать».

Такими словами в своем знаменитом стихотворении «На смерть поэта» откликнулся другой великий русский поэт Ю. М, Лермонтов. Он жил, совсем рядом, на Малой Молчановке, которая, выходит на Поварскую, в самом ее начале, перед Арбатом.

В те зимние дни 1937 года о Пушкине много писали в газетах. Помню, я сделал несколько вырезок из газет на пушкинскую тему и подклеил их в томик Пушкина. «Варвары», жившие в нашей квартире в период нашей эвакуации, пуская на растопку печурки книги из библиотеки и, практически, её, разграбив, наверное, пожалели Пушкина и в печурку его не запустили, зато все вырезки выдрали и сожгли, а может, не сожгли, а пустили по другому назначению. Тогда были сняты кинофильмы. По радио шли интересные передачи. В Историческом музее в Москве была открыта большая выставка, куда я ходил и с родителями и с классом. Многое в моей жизни связано с Пушкиным. Ну, хотя бы, «Борис Годунов», ведь роли Гришки и Самозванца в виде монологов я читал и даже пару раз сыграл, когда был в военном училище в 1945–46 годах.

«Все тот же сон! Возможно ль? в третий раз!
Проклятый сон!.. А всё перед лампадой
Старик сидит, да пишет – и дремотой,
Знать, во всю ночь он не смыкал очей.
Как я люблю его спокойный вид,
Когда, душой в минувшем погруженный,
Он летопись свою ведет... »

«Как весело провел свою ты молодость!
Ты воевал под башнями Казани,
Ты рать Литвы при Шуйском отражал,
Ты видел двор и роскошь Иоанна!
Счастлив! А я от отроческих лет
По келиям скитаюсь, бедный инок!... »

«Тень Грозного меня усыновила,
Дмитрием из гроба нарекла,
Вокруг меня народы возмутила
И в жертву мне Бориса обрекла –
Царевич я. Довольно, стыдно мне
Пред гордою полячкой унижаться,
Прощай навек...»

«Но я предлог раздоров и войны.
Им это лишь и нужно, и тебя
Мятежница! Поверь, молчать заставят
Прощай!...»

«Но решено: заутра двину рать».

А какая у меня была партнерша, Мария, красавица, глаза – вишенки, волосы каштановые, звали ее Альбина, она работала в библиотеке училища. Вот так, брат Пушкин, это я уже как Чичиков..

Вот написал несколько строк и не могу уйти от Пушкинианы, наваливается она на меня со всех сторон, окружает меня.

Алеко из «Цыгане»; «Цыгане шумною толпой, По Бессарабии кочуют. Они сегодня над рекою, В шатрах изодранных ночуют». И вот Алеко просыпается, встает, выходит из шатра, ревность гложет его, видит след идущий за курганы. Дрожат уста, дрожат колени. Он видит тени, шепот слышит его Земфиры и любовника ее. «Куда вы! не спешите оба; Вам хорошо и здесь, у гроба. Мой друг, беги, беги... » – кричит Земфира. Слова Алеко, – «Постой! Куда, красавец молодой? Лежи – вонзает в него нож и после слов Земфиры, – «Нет, полно, не боюсь тебя! – Твои угрозы презираю, Твое убийство проклинаю... ». Алеко вонзает в нее нож со словами «Умри ж и ты!» А потом там есть слова старика: «Оставь нас, гордый человек. Мы дики; нет у нас законов, Мы не терзаем, не казним, Не нужно крови нам и стонов, – Но жить с убийцей не хотим... », «Прости, да будет мир с тобою».

Дубровский, никак не хочет со мною расстаться, да и как расстаться, если я со своим одноклассником Славкой Рубцовым возомнили себя один Дубровским, другой князем Верейским и соперничали за Машу Троекурову, которую представляла ученица нашего класса, – красивенькая Анечка Медведева. Вот уж были два приятеля и два соперника. И дрались и боролись и дулись друг на друга, и портфель ее таскали и конфеты дарили. Но так и не выяснили, кому она отдавала предпочтение, но алгебру и геометрию давала списывать обоим.

Образ Сильвио из «Выстрела» был мне родным, и я запоем перечитывал этот рассказ из «Повестей Белкина». Чего стоит там одна сцена – дуэль Сильвио с баловнем судьбы. Вспомним это. По жребию первым стрелял противник Сильвио, он выстрелил и прострелил фуражку Сильвио. Очередь стрелять была за Сильвио, жизнь «баловня судьбы» была в его руках. Но как вел себя этот «баловень»? Он не проявлял ни тени беспокойства, наоборот, он стоял под пистолетом и выбирал из фуражки спелые черешни и выплевывал косточки, которые долетали до Сильвио. И Сильвио видя, что человек не дорожит свой жизнью, решил не стрелять, а оставить

выстрел за собою до лучших времен. Так дуэлянты и решили. А конец, каков? Баловень судьбы – граф женился. Сильвио узнает об этом и является к графу за своим выстрелом...не буду излагать дальнейшее. Но каковы характеры, каковы понятия. Мне тогда и потом хотелось совместить оба в одном.

А блестящий гусар с черными усиками в «Станционном смотрителе»; Лиза и Алексей из «Барышни крестьянки», Гринев из «Капитанской дочки», а пленник и черкешенка из «Кавказского пленника». Все эти образы волновали меня, теребили мое воображение, звали еще и еще раз вернуться к ним.

А «История Пугачевского бунта»? Ведь Пушкин, – Поэт, а не историк, а какой материал он собрал, да еще в тех краях холера гуляла, и как он свой труд сам оценил, – «Мой труд – конечно несовершенный, но добросовестный». Всем бы так вот «несовершенно» и «добросовестно».

Напрашивается один вопрос: а почему я ничего не говорю о «Евгении Онегине»? Да очень просто. В этом я был «весьма оригинален», как сказала в свое время Анна Николаевна Радченко, – моя учительница литературы и русского языка (кстати говоря, я ее очень любил и числился в ее любимчиках), в ответ на мое заявление, что я не буду писать сочинение или изложение, точно не помню, по образу Онегина, и он совсем не «добрый мой приятель», а скорее наоборот и я не понимаю, почему из него делают героя. Анна Николаевна буквально окаменела и со словами «весьма оригинально» с великим удовольствием влепила мне в журнал жирную двойку. Вот так было с Онегиным.

Письма Поэта. Их обязательно нужно прочитать, чтобы представить более полно жизнь Александра Сергеевича Пушкина. Какие имена там встретишь, от одного их перечня вскружится голова. Александр 1, Николай 1, Бенкендорф, Бестужев, Брюллов, Булгарин, Вяземский, Жуковский, Денис Давыдов, Гоголь, Дельвиг, Керн, Кюхля (Кюхельбекер), Нащекин, Чаадаев, Тургенев, Загоскин, Языков, Рылеев, Хитрово, ну и. конечно Натали и многие и многие другие. Всё в этих письмах есть и восторг, и преклонение перед красотой и умом. И издательские дела, и описание житья–бытия в деревне, в городе, и дорога, и холера, и долги и прошения о Величайшем дозволении. Почтительность и в то же время независимость в отстаивании своих интересов перед властью. Особенно хочется отметить форму его обращения к жене: «Мой ангел», «Жена моя милая», «Ну жинка», «Душка моя», «Ангел мой жинка», «Друг мой жинка», «Мой друг» и т. д. и т. п.. Можно, конечно, вспомнить и другое, но это будет все равно, что ничего, ибо все пересказать, просто невозможно, да и тема у меня совершенно другая.

Завершается наш поход по Трубниковскому переулку, пройдем площадь, скверик, церковь, и сделав буквально несколько шагов по Спасопесковскому переулку мы окажемся на углу Арбата. На самом этом углу будет прекрасный магазин, торгующий фруктами, соками, восточными сладостями, консервами, вареньями, джемами, в общем, всякой вкуснятиной. И конечно же, свой стаканчик сока я получу. Видимо я этот дом ещё раз упомяну во время прогулки по Арбату.

В этих краях была еще Собачья площадка улица Большая Молчановка, и переулки Большой и Малый Николопесковские и Серебряный. Новый Арбат стер с лица земли Собачью площадку и значительно укоротил названные переулки. Зато есть Новый Арбат, со всеми его архитектурными, бытовыми, житейскими и транспортными прелестями.

Поговорим о Собачьей площадке или как ее в народе звали о «Собачке». Это была внутренняя площадь нашего района и была она больше Спасопесковской, но сквера на ней, в те годы не было, и была она вымощена булыжником. Площадь застроена одно–, двух– и трехэтажными особнячками и домами. На площади был фонтан, исполненный в виде столба из мрамора или гранита с кубком наверху, а в нижней части столба были изображены головы львов, из пастей которых лилась вода, в расположенный вокруг столба бассейн, на стенках которого были какие-то амурчики. Всё это сооружение было обнесено невысокой металлической оградой. Название свое «Собачка» получила оттого, что здесь при русских царях был собачий двор, царская псарня, и жили собачники, обслуживавшие этот двор. Позже «Собачку» зальют асфальтом, а вокруг фонтана разобьют скверик и так будет до сноса.

Собачья площадка. 1961 год.

Новый Арбат. 2007 год.

Собачья площадка. Вид на бывший Дурнов переулок (Композиторская улица).

Новый Арбат. 2007 год.

Кречетниковский переулок
Вид в сторону Собачьей площадки.

Новый Арбат. 2007 год.

Собачья площадка
Вид от Композиторской улицы.

Новый Арбат. 2007 год.

На «Собачке» наше внимание привлекает особнячок с острыми шпилями, башенками и огромными оконными проемами, вообще здесь была какая-то готика и вычурность, когда я его вспоминаю, он мне чем-то напоминает дом Морозова на Воздвиженке–Проспекте Калинина «Дом Дружбы Народов». До революции этот дом принадлежал купцу Мурзину. В те мои времена там размещался Союз Композиторов СССР, Рядом с этим домом стоял двухэтажный особняк, в нем находилось музыкальное училище Гнесиных (конечно это не идет ни в какое сравнение с Гнесинкой на Поварской). А с другой стороны этого дома разместился

особняк с четырьмя колонами и портиком, говорили, что в этом доме, в 1891 году, провел несколько дней В.И.Ленин, перед отъездом в ссылку. Был на «Собачке» ещё один трехэтажный дом, его прозвали в народе «красный дом», так как он был построен из красного кирпича с большими белыми наличниками на окнах, это была детская больница, построенная на средства князя Голицына. В народе она была больше известна как больница Снегирева, по фамилии известного на всю Москву врача.

Еще одна достопримечательность «Собачки». На углу Собачьей площадки и Борисоглебского переулка стоял невзрачный по тем временам дом, в одной половине которого была расположена нефтелавка, т. е. «Керосинка», а из рассказов отца следовало, что в этом доме, в моих летах, проживал ни кто иной, как Александр Пушкин. Каково соседство, – Пушкин и «Керосинка», «Понимаешь?», – сказал отец. А я уже кое–что понимавший, повертел пальцем около веска.

Большая Молчановка, получила свое название по фамилии домовладельца капитана Молчанова, У нас был уже один домовладелец, поручик Скарятин, теперь, пожалуйста, капитан, вот так было, а ну, капитаны, выстраивайтесь в очередь за улицами. Я пошутил, Вы ведь в очереди за квартирами. Улица почти вся была застроена 5 – 7 этажными так называемыми доходными домами, но не один из них не был похож на другой. Сегодня единой улицы нет, ее разорвал Новый Арбат на три части. В сам начале улицы, отрезал большой, оставив угловой дом, в котором ресторан «Прага», и стоящие за ним два дома. В одном из них, красивом четырехэтажном с огромными окнами, построенном в 1914 году, был тогда и существует сегодня родильный дом им. Грауэрмана, – место моего рождения.

А вот Малой Молчановке повезло больше, ее хрущевская реконструкция Арбата практически не тронула. На этой улице мое внимание привлекали два дома. Фасад одного из них разукрашен какими-то вазами, воинами в доспехах и другой лепниной. У другого дома, около подъезда, восседали львы, а подъезд был украшен лепниной.

На Малой Молчановке был еще один дом, вернее домик, который резко выделялся среди остальных. Обыкновенный, деревянный, одноэтажный с мезонином, без каких либо украшений, с деревянными забором, калиткой и воротами. Очень простой дом по виду, но совсем не простой по одному из его жильцов в первой половине Х1Х века. В те годы там не было

памятной доски, но мой папа знал, что в этом доме во время учебы в Московском Университете жил Михаил Юрьевич Лермонтов. Это теперь там есть памятная доска, говорящая о том, что здесь жил Лермонтов в 1830–1832 годах во время учебы в МГУ, когда ее установили, не знаю, наверное, к какой-то дате, и даже музей открыли.

Дом на улице Малая Молчановка, в котором жил М.Ю. Лермонтов. 2007 год.

Еще об одном доме мне хочется сказать пару слов. Этот дом стоял и стоит в Большом Ржевском переулке, и получил он название в народе «Дом военных». Был он построен перед самой войной, той самой – Первой мировой, в 1914 году. В дореволюционной России в нем жили генералы и полковники царской армии, а после революции красные командиры в ранге от комбрига и выше. В те мои годы я, конечно, не знал, кто там жил, но иногда видел, как в него входили и выходили ладно скроенные военные, мне они казались очень высокими, в хорошо подогнанной форме, с ромбами в петлицах и орденами на груди. Известны фамилии некоторых из живших там, они запечатлены на мемориальной доске. Среди них: армейский комиссар 1-го ранга Я.Б.Гамарник, (арестован и расстрелян в 1937 году, реабилитирован), К. П. Казаков стал Маршалом артиллерии, в ВОВ командовал артиллерией армии. И. В. Тюленев стал генералом армии, в ВОВ командовал войсками Закавказского фронта, был Героем Советского Союза, а в Царской армии был удостоен 6 георгиевских крестов. Н. Ф. Ватутин получил в 1943 году звание

генерала армии, командовал войсками 1 Украинского фронта. Дети многих жильцов этого дома в разные времена учились в 10 школе, но в нашем классе их не было. Этот дом значительно поредел во времена т. н. «ежовых рукавиц», немногим из арестованных тогда удалось остаться в живых.

Закончился мой рассказ о ближайшей Кудринской округе, лежащей от Кудринки в сторону Никитских ворот и Арбата. Сейчас мы пройдем, стык Поварской и Большой Молчановки, завернем за угол ресторана «Прага» и выйдем на Арбат.

Арбат

Я, конечно же, не Булат Окуджава и рассказать и прославить Арбат, как сделал это он, не смогу, да и цели у меня такой нет. Я ведь делюсь воспоминаниями о том, что я видел своими детскими глазами, что слышал своими ушками на макушке, ведь тогда у меня не было проблем со слухом.

И, так Арбат, об Арбатской площади разговор пойдет потом. И все–таки я решаюсь привести здесь слова Булата из его песенки об Арбате. Ведь он все–таки поэт, а я просто писака. Вот эти слова:

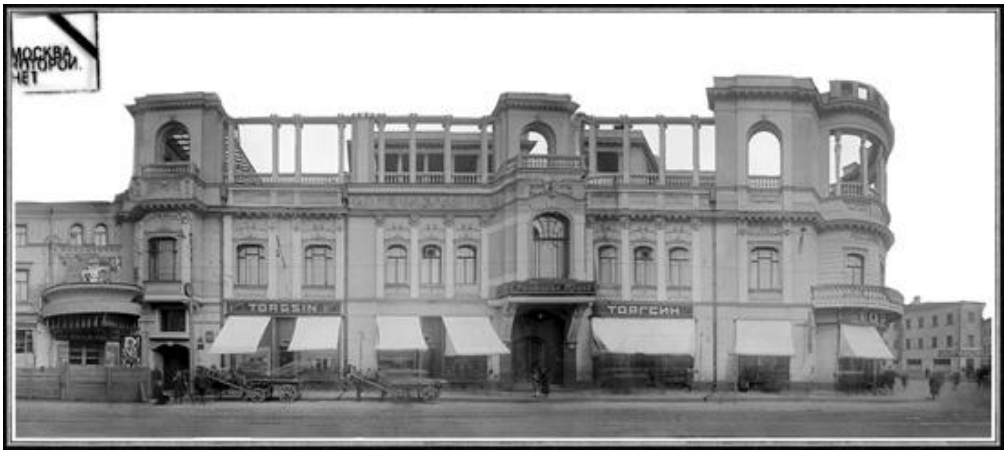
«Ты течешь, как река. Странное
название!
И прозрачен асфальт, как в реке вода.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты – мое призвание.
Ты – и радость моя, и моя беда.

Пешеходы твои – люди невеликие,
каблуками стучат – по делам спешат.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты – моя религия,
мостовые твои подо мной лежат.

От любви твоей вовсе не излечишься,
сорок тысяч других мостовых любя.
Ах, Арбат, мой Арбат,
ты – мое отечество,
никогда до конца не пройти тебя».

На Арбате у нас с отцом у каждого были свои интересы, кое в чем они пересекались. Это - марки, открытки, рыбки и корм для них. Мои интересы - пирожные, соки, мороженое в шариках, игрушки, детские книжки, краски, цветные карандаши, переводные картинки. Интересы отца: книги, плакаты, табак, антиквариат.

Когда мы с Поварской, мимо Мерзляковского переулка выходим на Арбат, мы прежде всего видим большое здание ресторана «Прага» и на его верхнем этаже виднеются деревья, там что-то вроде сада. Когда я первый раз, задрав голову, посмотрел на то, что мне показывал отец, я воскликнул, – «Па, там деревья растут!». Отец пояснил мне, что на крыше в больших кадках стоят пальмы. Зимой их уберут в помещение и целая лекция о пальмах, где они растут и т. д. и т. п. Такое в те времена можно было увидеть только на Арбате, там был в полном смысле этого слова «крыша–сад», позже такое можно было видеть с угла Моховой улицы на здании гостиницы «Москва»



Фасад ресторана "Прага". Конец 20-х годов XX века.

Фасад ресторана "Прага". Начало XXI века.

В детстве на этой «крыша–сад» я бывал с родителями раза три–четыре. Это как я понимаю, было достаточно дорогое удовольствие. Мы сидели там и кушали, я и мама мороженое, три шарика в вазочке, – сливочное, шоколадное и фруктовое. Было очень вкусно, я просил «еще», но мама говорила, «А горло», и добавку я не получал. А папа наслаждался чашечкой вкусно пахнувшего кофе. Вот странно, этот запах я, кажется, прочувствовал там на всю «оставшуюся жизнь», и никак не мог его почувствовать в других очень дорогих ресторанах Москвы. Вообще с этим рестораном были разные коллизии. То его после революции закрывали, то там была столовая «Моссельпрома», то опять ресторан, то закрытая столовая и опять ресторан. Ресторан «Прага» засветился в творчестве В. Маяковского и у Ильфа и Петрова. В книге «Двенадцать стульев» Ильф и Петров отправляют Воробьянинова с его девушкой Лизой именно в «Прагу». И там прозвучит следующий диалог:

Воробьянинов: Сосиски, вот эти, по рубль двадцать пять, и бутылку водки.

Официант: В графинчике будете?

Воробьянинов: Тогда большой графин.

Отец очень любил кофе. Покупал только «Арабику» на Кировской–Мясницкой и только в зернах. Сам по своему собственному рецепту жарил зерна и молол в старинной фарфоровой кофемолке. Сам же варил в чеканной чашечке, причем делал это на специальной спиртовке. К сожалению, ничего из этого не уцелело. Когда он пил с мамой и тетей это кофе, в комнате благоухал его аромат, и мне кажется близкий к пражскому. Вот так было с кофе. А еще на «крыша–сад» мне запомнился пестрый тент или зонт, в глубине большой веранды играл оркестр, причем даже днем, ведь мы там были днем, а через перила веранды можно было увидеть внизу снующие туда сюда, фигурки людей, машины и трамваи.

Ресторан «Прага» в советское времена был местом, в котором собиралась тогдашняя элита общества. Побывать там считалось престижным. В его девяти залах: ореховом, белом, пражском, чешском, бирюзовом, мозаичном, двух зимних садах, ротонде, в нескольких кабинетах, да еще в летнее время, – на веранде собиралось много народу. Здесь отмечались свадьбы, юбилей и различные торжества. Обслуживание было на высоком уровне. Официанты из «Праги» обслуживали различные государственные приемы в Кремле. В разные послевоенные годы и позже я бывал в этом ресторане. Одно время, верхний зимний сад, был излюбленным местом, где мы со Степаном Романовым любили посидеть с графинчиком холодной водочки, закусывая селедочкой с паровой картошечкой, а картошечка была одна к одной в диаметре не боле 2, 5–3, 0 см.

В этом же здании, но уже на Арбате, была кондитерская, где был большой выбор свежайших пирожных, которые мне покупали. Прямо за кондитерской был магазин «Искусство», там продавали картины и портреты, гравюры, плакаты, открытки, марки и книги по искусству. Мы с отцом очень любили бывать в этом магазине. Там все было интересно, можно было посмотреть открытки, марки, полистать книги. Иногда мне покупали марки и памятные открытки, помню, мы там купили целую серию открыток о Красной армии и Военно–Морском флоте, к сожалению, вся эта серия и большое количество других советских и дореволюционных открыток пропала при переезде с Донской в Черемушки. В этом магазине, уже после войны, я по совету отца, покупал всякие плакаты для оформления к праздникам помещений нашей воинской части.

На углу первого переулка, если идти по правой стороне улицы, был магазин канцелярских принадлежностей. Вообще, таких магазинов в Москве было великое множество, но отец и, я повзрослев, покупали карандаши, ручки, перья, чернила, неразливашки, тетради, альбомы для рисования, краски, кисточки, линейки, угольники, транспортиры и чертежные принадлежности только в этом магазине. Причем, я это делал и в зрелые годы, покупая что-то себе, детям, внуку. Теперь в этом магазине для традиционного товара закуток, а главенствуют кассеты, компакт–диски и т. п.

На противоположной стороне улицы был книжный магазин, где мне покупали детские книжки, а отец интересовался, конечно, взрослой литературой и был у него в этом магазине свой продавец–мужчина солидных лет, с которым он

подлгу беседовал, а я в это время листал детские книжки, иногда мы уходили с покупками.

На этой же стороне, в большом многоэтажном доме старой постройки располагался магазин детских товаров и в нем был отдел игрушек. До определенного времени, вернее, моего возраста, мы регулярно посещали этот отдел. Какой там был выбор конструкторов и сколько их мне там покупали. Мальчишка, это значит, прежде всего, воин-солдат. В магазине для его, детских игр: пулеметы, пистолеты, пугачи, винтовки, пушки, танки, танкетки, самолеты, сабли и, главное, оловянные солдатики. Сколько всех этих игрушек было мне куплено в этом магазине отцом и дядей Володей, особенно солдатиков -не перечесть. Были солдатики пехотинцы, кавалеристы, пулеметчики, моряки. Пехотинцы были как стоящие в строю, т. е. по стойке смирно, так и идущие с винтовкой наперевес, как на параде, и бегущие с винтовкой в атаку, были и ползущие по–пластунски и даже в противогазах. Кавалеристы с «шашкой вон» и в обычном строю. Были солдатики со знаменами, был горнист. Игра в солдатики была у меня одной из любимых. От старшего брата мне досталась в наследство игрушечная крепость с башнями, крепостной стеной, рвом и мостами, а также солдатики в мундирах французской и русской армий. Главное, там были солдатики со знаменами и барабанщики, ведь в старые времена в бой шли под барабанный бой. Вот и выдумывал я разные военные сражения и устраивал парады. Здорово было, время пролетало незаметно.

По этой же стороне Арбата был еще один многоэтажный дом старой постройки выделявшейся своей архитектурной отделкой. Тогда в первом этаже этого дома, в разные годы, располагались дорогие магазины, Мне запомнилось, что там были магазин «Меха» и магазин ювелирных украшений.

Вид на дом, в котором находился магазин Детских товаров, 2007 год.

Вид на дом, в котором находился магазины «Ювелирные изделия» и «Меха», 2007 год.

Немного дальше на правой стороне улицы был магазин «Табак», его внутренний интерьер был расписан под «хохлому» выполненную в красно – черном тоне по золотистому фону. Это все сохранилось с дореволюционных пор, а вот сегодня я этого магазина не нашел. Там бывали завсегдатаи и не только Арбата, но и пол-Москвы. Отец регулярно заходил в этот магазин и покупал там табак «Золотое руно», для трубок табак «Моряк», для набивки папирос, а для этого были нужны патроны для набивки, которые покупались тоже. У отца было несколько трубок, сохранилась только одна – «чертик», как я ее называл, из них он курил «Золотое руно», и трубки он курил только дома или на даче, а еще в гостях у таких же любителей трубок. А вообще, он курил папиросы, которые практически набивал сам. У него был набор для этого дела: металлический зажим в виде трубочки и деревянная круглая палочка. В зажим насыпался табак, затем на зажим превратившийся в трубочку надевается патрон, и из трубочки выдавливается табак, все подогнано, работа шла быстро. В выходной день, за непродолжительное время, он набивал себе папирос на всю рабочую неделю, когда я подрос, то помогал ему в этом занятии, но о курении я тогда и не помышлял, к сведению папироску я попробовал впервые в 1942 году.

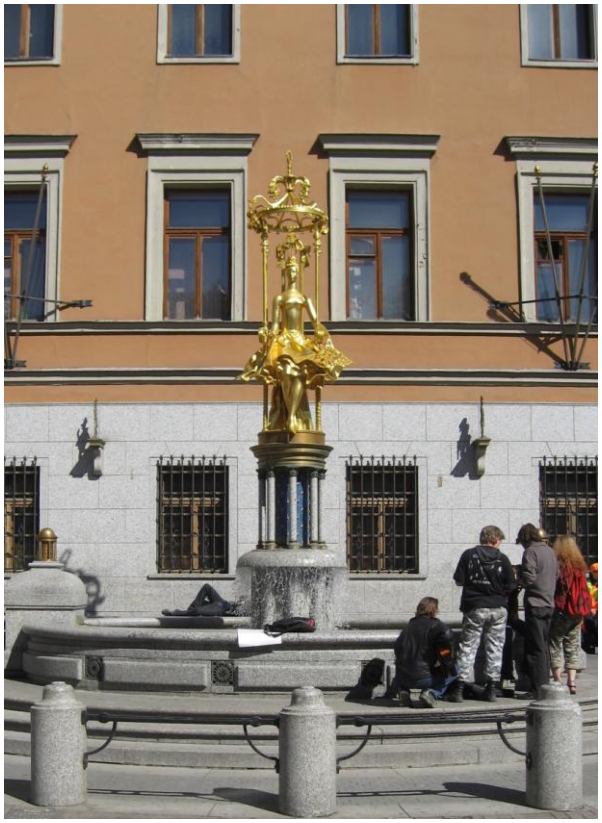
Ранее, я упомянул о табаке «Моряк», у него была красивая коробка с изображением военно-морского флага и на его фоне моряка с развивающейся ленточкой бескозырки. Так вот, эти коробки после освобождения от табака, перекочевывали ко мне под разные мои дела, и некоторые из них я пускал на складывание в них «ненавистных котлет», которые я почему-то в те годы моей жизни на Кудринке не любил, для последующего выброса. С этими котлетами была целая история. Обычно коробку с этими котлетами я хранил на перекладине под столом, там, где я сидел. Стол был большой старинный дубовый, всегда закрытый скатертью. Я умудрялся спрятать котлету на перекладине. Потом, когда обед заканчивался, и в комнате никого не было, я складывал котлеты в коробку, а когда она заполнялась, всяческими способами, выносил ее из комнаты на улицу. Но не всегда это получалось, иногда приходилось изымать коробку и припрятывать ее здесь же в комнате, и я выбрал место за одним из книжных шкафов. Так несколько коробок там и остались до нашего переезда в 1937 году. Когда сдвинули шкаф, обнаружились следы моих преступлений. Была немая сцена, но очень выразительная.

Раз уж я сказал о сцене, то нужно сказать, что на Арбате был Театр имени Е.Б. Вахтангова, где во все годы его существования с 1926 года шли изумительные спектакли, среди которых первое место нужно конечно отдать «Принцессе Турандот». Я видел это спектакль до войны, и кто играл Турандот, я не помню, а вот после войны, в годах наверно 1950-1954, когда эту роль играла молоденькая Юличка Борисова, я это отлично помню, и не раз ходил в те годы на этот спектакль и всегда восторгался её игрой. В старое здание театра во время войны, в 1941 году попала бомба. На месте разрушенного возвели новое здание, а наверное в 80-х годах рядом с театром установили скульптурное изображение «Принцесы Турандот».

Театр имени Е.Б. Вахтангова

1935 год.

2007 год.



Скульптура «Принцесса Турандот», 2007 год.

Если ты на Арбате и если твой возраст от трех лет до начальной школы, то трудно себе представить, что ты не заглянешь в «Зоомагазин». Наверное, в Москве было несколько таких магазинов, но я знал только два, – на Арбате и на Кузнецком мосту. Другие магазины просто были расположены в далеких от меня районах и меня не интересовали. Так вот, я на Арбате, и я в «Зоомагазине». Магазин и сейчас там есть и название тоже, но это совсем не тот магазин. Нет там рыбок, нет птичек, нет зверюшек, а тогда…

Мы открываем дверь магазина, поворачиваем направо и попадаем в полумрак большого зала, по стенам которого и вдоль затемненного окна расположены аквариумы, прямо от пола до потолка. В подсвеченных аквариумах среди гротов, ракушек, водорослей и травы стайками носятся различные рыбки диковиной формы и раскраски. Сколько их здесь видов, размеров от совсем малюсеньких до больших в несколько сантиметров, самых причудливых расцветок: белые, серебристые, золотые, оранжевые, фиолетовые, красные, черные, жемчужные.

Плавают маленькие «Гурами» яркой окраски с желтым плавником. А это «Телескоп» из породы золотых рыбок, свое название она получила за сильно выпученные глаза, сама рыбка небольшая, раскраска: красная, жемчужно–серебристая или смешанная, у неё двойной хвостик, такой вилообразный

разветвленный. Кто видел китайские вазы или картинки, там часто встречается изображение этой рыбки. В следующем аквариуме малюсенькие 2–3 см. рыбки «Неон» голубые с красным хвостиком и такой же расцветки плавниками. Вот рыбка «Барбус», она то же небольших размеров, несколько сплющенная. У этой рыбки несколько расцветок: огненная с красным гребешком, черная, серебристая с черной точечкой у хвоста, вишневая, золотистая и каждая расцветка в своем отдельном аквариуме.

В верхнем ряду аквариумов, в одном из них, плавают «Золотые рыбки». Плавают медленно, я бы сказал, величаво, такие полненькие, размером 8–10–см., на головке красная шапочка, туловище красно–белой расцветки, плавники и хвост белые. В следующем аквариуме резвятся «Скалярии», они смотрятся в виде треугольника и бывают разных размеров и расцветок. Большие по 5–8 см. маленькие 3–5 см. Обычно они серебристого цвета с поперечными черными полосами, у некоторых на мордочке и хвостике черные точки. Я их за их вид звал «зебрачками».

В самом верхнем ряду расположены аквариумы с большими рыбками размером от 15 до 30 см., и среди них выделяется рыбка царственного вида с названием «Оранда», наверное, сантиметров 15 как минимум, мордочка красная, тельце серебристо–красное, грудка белая, хвост и плавники красно–белые. Красотища. И плавают они тоже величаво, слабо помахивая хвостом, как бы говоря,-знай наших. И это далеко не все представители аквариумного племени, есть еще: «Трепеция», «Боция», «Педелия», «Меченосцы», маленькие и большие «Сомики», малюсенькие «Гупии», красно–черные «Минор», и десяток - другой рыбок прочих названий.

Я назвал только те названия, которые вспомнил и которые в разные годы моего детства были у нас в доме в нашем домашнем аквариуме, а их у нас было аж три на Кудринке и два на Донской. Рыбок нужно было содержать в разных аквариумах, так как некоторые из них за милую душу готовы были закусить другой. Обычно у нас жили «Неоны», «Гупии», «Барбусы», «Миноры», «Меченосцы», «Скалярии» и «Золотые рыбки». Одно время у нас жили две «Оранды», это очень привередливые и дорогие рыбки, температуры им держи, чистоту, и обогащение воды поддерживай, корм подавай во время, замучился я с ними и на Донскую улицу их не взяли, как выразился отец, – «В хорошие руки отдали».

А еще, но уже на Донской улице, в большом аквариуме, вместо «Оранд», жил «Аксолотль», – это разновидность ящериц, живущая только в воде. Он имеет длину 15–20 см., продолговатое тело с длинным плоским веслообразным хвостом, четыре ножки, жабры, нос, уши, зубки, кожа черновато–буроватая, липкая. Родина их Мексика. Питаются насекомыми, слизями, червяками, а мы кормили его маленькими кусочками мяса. Вообще очень живучи, и могут большое время обходится без пищи. Я так подробно о нем написал потому, что это довольно редко встречающееся земноводное в аквариумах. Отец говорил, что их всего несколько десятков в Москве. Наш «Аксолотль» был довольно умным созданием, он почему-то всегда смотрел в мою сторону. Аквариум стоял у окна, влево от него был мой угол: постель, шкафчик, стол и, когда я занимался за столом «Аксолотль» подплывал к левой стенке аквариума и уставлялся на меня. Стоило мне встать и

пойти, как он начинал движение в мою сторону, а когда я садился за обеденный стол кушать, он разворачивался поперек аквариума и смотрел мне в спину. Это было забавно, а отец говорил, наверное, он чувствует, кто его кормит. Когда я его кормил, он медленно подплывал вверх и высовывал свою мордочку, чтобы схватить червячков или кусочек мяса.

В «Зоомагазине» мы обычно всегда покупали корм для наших рыбок «Дафний» и красненьких маленьких червячков, а иногда и рыбок, и тогда я очень осторожно нес баночку с купленными рыбками домой через половину Арбата, Смоленскую площадь и Новинский бульвар.

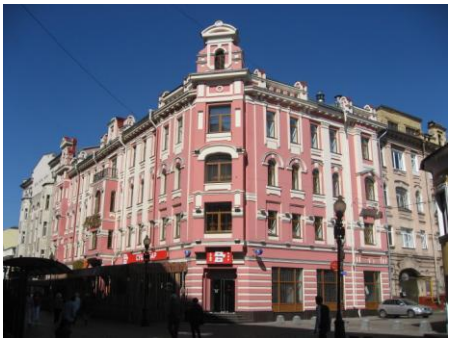
Но это еще не полный рассказ о «Зоомагазине», во второй его части, что была налево, от входной двери были представлены различные зверюшки и птички. Входите вы в этот зал, и вас встречает веселый гомон, щебетание, писк. Вот клетки, в которых живут канарейки голубоватые и желтоватые они что-то поют; вот чижик (чижик пыжик, где ты был...), расцветка зеленовато–желтая с темными пятнами, он тоже что-то пищит, но его писк отличается от других и его сразу можно выделить; вот резвятся маленькие, как воробушки, щеглята - лобик и горлышко ярко–красные, головка черная, бочки голубые, нижняя часть белая, верхняя буроватая, – прямо палитра красок. У синичек другая расцветка, – желто–зеленая, местами серенькая, нижняя часть желтая, а на головке хохолок, продольные полосы черные. В другой клетке на сучке сидит филин, он как будто спит. Ну и конечно попугаи: маленькие, средние и большие. Тут тоже игра красок: травянисто–зеленые, зеленые, пурпуровые, голубоватые, фиолетовые, светло–желтые, с хвостами разной формы, с хохолками на голове и без них, выбирай на свой вкус любого. А может быть тебе нравится «какаду», так вот он в клетке: голова с хохолком, желтая грудка, большой прямой хвост, изогнутый клюв, а другой экземпляр – вороного цвета с красным.

На другой стороне зала бегает по своему барабану проказница белочка, а в углу расположена клетка с маленькими серенькими зайчишками, по блату их можно покормить морковкой. Ну и клетки со всякими там свинками, белыми мышками, хомяками, кроликами, ёжами. В террариуме расположились черепашки ящерицы, ужи.

Мои родители дали мне возможность поухаживать и поиграть с живностью. Попеременно жили у нас: хомяк, белые мышки и черепашка и еще был ежик. Когда у меня были мышки в нашей квартире жил кот, которого звали Барсик. Ласковый был кот, чистенький, блёл гигиену, и нигде ни гадил. Но мышек естественно не терпел и норовил с ними расправиться. Стоило его оставить в комнате без присмотра или не дай бог одного, как он подбирался к клетке с мышками и начинал лапкой бить по прутикам клетки, пытаясь просунуть свою лапку вовнутрь. Мышки забивались в другой угол и со страху дрожали, корчились и, по–моему, издавали какие-то звуки, последние я не утверждаю, а вот раскрытые от страха их глазенки помню. Приходилось брать котину за гривку и выставлять в коридор, где у него было свое место. Кончилось это тем, что котину забрала к себе бабушка, собственно говоря, от ее кошки Мазевки, я и получил в свое время этого котеночка. С птичками мне вообще не повезло. Купили голубоватого попугая и клетку, а он буквально через пару дней откинул лапки. Клетка долго стояла пустая. Потом ее хорошо промыли и поселили в ней кенара. Он повел себя странно, весь как-то

нахохлился, не издавал ни звука, плохо кушал и почти не летал, сидел на жердочке. Отец с кем-то посоветовался и купил канарейку. Подсадили мы ее к нему в клетку, и наш кенар весь переменился. Запел, полетел, появился аппетит и начал он обхаживать свою подругу, в общем, появилась семья. Наверное, с год они жили у нас. Как-то я их выпустил, забыв закрыть форточку, они полетали, полетали по комнате и через форточку и улетели. Ждал, пождал я их, но они не вернулись, видимо затерялись на бульваре. Больше мне птичек не покупали. Заканчиваю свои зоологические воспоминания, я поведу свой рассказ о «моем Арбате» дальше.

Дом на Арбате в котором находился «Зоомагазин», 2007 год.



На той же стороне улицы находился большой магазин, название не помню, он очень богато был отделан внутри и в нем торговали фруктами, восточными сладостями, соками, овощами. Обычно в этом магазине мы покупали яблоки, виноград, а зимой мандарины. Что касается соков, то это был ритуал, если мы гуляли по Арбату, то обязательно заходили в этот магазин, и я получал там или гранатовый или морковный или виноградный. Эти соки мне разрешали пить, как говорится до «пупа». Об этом магазине я уже упоминал.

По левой стороне Арбата, почти напротив «Зоомагазина» стояло двухэтажное здание бывшей усадьбы В.Х. Хаванского, в котором с 1849 года находился до революции 1917 года Главный дом военного суда. А в мое время там размещался Военный трибунал то ли Московского военного округа, то ли Московского гарнизона, Там и сейчас располагается военный суд Московского гарнизона.

Бывшая усадьба В.Х. Хованского.
Ныне здание Московского военного суда. 2007 год.

Были на левой стороне улицы два кинотеатра, один из них детский (сегодня странно звучит – «кинотеатр для детей» их днем с огнем не найдете), но я ни в тот, ни в другой никогда не заходил, у нас рядышком свои были. Теперь кинотеатров там нет. На этой же стороне была старинная усадьба, знаменитая тем, что в нее после венчания Пушкин привез свою Натали.

Дом старинной усадьбы на Арбате, в который А.С. Пушкин привез Наташу Гончарову после венчания, 2007 год.

Скульптура А.С. Пушкин и Наташа Гончарова на Арбате, 2007 год.

По правой стороне Арбата были, ещё антикварный магазин, в который отец любил заходить, а также здание телефонной станции, которое выделялось своей н архитектурой и темно серым цветом. Далее на углу Троилинского переулка стоял старой постройки трехэтажный дом, в первом этаже которого размещался магазин «Рыба», что было на последующих этажах я не знаю. Стоило подойти к дверям

этого магазина как в нос бил запах рыбы, Мы в этот магазин иногда заглядывали. В магазине наряду с разными видами рыб и рыбных консервов можно было купить готовый бутерброд: с севрюжкой, с осетринкой, с семгой, красной или черной икрой и с удовольствием его тут же скушать. Иногда отец покупал там что-то домой к выходному дню. Выходной день, так тогда назывался нерабочий день.

В этом доме, на первом этаже, был магазин «Рыба».
Теперь, концертный зал, 2007 год.

Еще несколько десятков шагов, и мы выходим на Смоленскую площадь, на углу которой стоит больше здание, выходящее как на Арбат, так и на Смоленскую площадь, это тоже бывший доходный дом, на первом этаже которого располагается один из самых больших магазинов в Москве. Когда я был еще дошколятом, там размещался «Торгсин». Был такой магазин, который торговал как–бы на валюту. У кого тогда была валюта, не знаю, наверное, у единиц. Но покупателей в магазине было достаточно. Мне потом объясняли, что там торговали всяким товаром, которого больше нигде не было, а тут было все, что твоей душеньке угодно, но только на золото, серебро и драгоценности. Те, у кого это было приносили в магазин эти вещи. В кассах это тщательно оценивали, взвешивали и давали взамен «бонны», вот на них-то и можно было там все покупать. Со мною отец в «Торгсин» никогда не заходил, не знаю, бывал ли он или мама там без меня. А вот бабушка там бывала, у нее что-то осталось от старых времен, и она иногда меняла эти вещи на «бонны». Иногда она брала меня с собою и естественно что-то вкусное и необычное мне покупала. Бабушка меня очень любила и всегда меня баловала. Наверное, все бабушки такие. Позднее, в середине тридцатых годов магазин стал «Гастрономом», в нем тоже было много всякого товара, но в 1937 году мы уехали из этих краев и там бывали редко. Тогда при крупных магазинах появились «столы заказов» и можно было заказать с доставкой на дом, что родители и делали ко всяким семейным торжествам, заказывая продукты в этом гастрономе или в Елисеевском на улице Горького. Сегодня в помещении на Смоленской

расположился «Седьмой континент», очень дорогой магазин в нем цены просто кусаются, но там нет только «птичьего молока». И все 24 часа к Вашим господа услугам.

Магазин «Торгсин», на углу Смоленской площади и Арбата 1936 год.

Теперь мы направляемся вверх, к площади Восстания–Кудринке. Можно сесть на трамвай или пройти пешком и посмотреть, как сносятся стоящие по середине Смоленской площади дома (это будущая наша учесть), как из года в год сокращаются Смоленский рынок и знаменитая толкучка (с пуском метро они перестанут существовать), ну и на стоявшие до 1935 года заборы с буквой «М» огораживающие площадки строящихся станций метро «о метро и толкучке будет отдельный разговор». Если мы пойдем пешком, то точно не помню, но на углу каких-то переулков - или Рещикова или Толстовских (отношения к писателям не имеет) в небольшом домике располагалась пекарня. Запахи свежеиспеченного хлеба и всевозможных булочек стояли обалденные, а через окна можно было посмотреть, как работают пекари. Среди прочих изделий там выпекали т. н. французские булочки (возможно, они и сегодня где-то есть в продаже, – я их не вижу и, о них как говориться ничего не слышу). А тогда с пылу, с жару, да еще хрустящая корочка, – объедение. И еще там были булочки с белым кремом, – оближешься. Торговали прямо из окна, был устроен такой прилавочек, хочешь пройти мимо, но запах не пускает, волей-неволей подойдешь к окошку и купишь. Торговля шла бойкая. Сюда мы заглядывали не только на прогулке, но и специально ходили с мамой или няней Груней. Эта пекарня просуществовала долго. Закрыли ее, кажется в 80 годах, возможно, в сроках ошибаюсь.

Вот так, сначала пирожное или мороженое, потом сок, а то еще и бутерброд, да вдобавок или хрустящую корочку французской или булочку с кремом, ну какой же после этого обед. Начинается Новинский бульвар, мы переходим на его центральную аллею и движемся к дому. Иногда, если сильно устали, присядем и посидим, а я беззаботно поболтаю ногами. Посидим немножко и пойдем к дому. Бывало, что садились на трамвай и две остановки проезжали до Восстания–Кудринки. И вот мы дома, нас ждет выговор от мамы, за то, что мы опять опоздали и, конечно же, вкусный обед. Уж колбаска, вареная и селедочка с картошечкой и

луком, там обязательно будут, а если мы купили рыбку, то она заменит колбаску, хотя существует мое изречение «колбаски нет, праздника (обеда) нет».

Я рассказал о прогулках только по одной части Кудринской округи. Но ведь есть еще улицы и переулки, ведущие к Малой Никитской улице, Патриаршим прудами, улице Тверской – Горького. Есть улицы Баррикадная, Большая Грузинская, Красная Пресня, Трехгорные холмы. На них тоже есть, на что посмотреть, что-то узнать, запомнить.

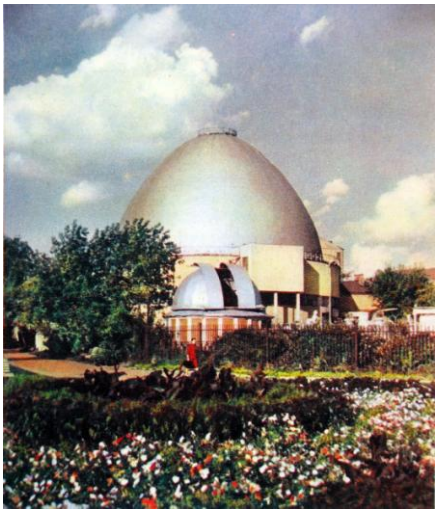
Прогулка в район Патриарших Прудов

Отправимся на Патриаршие пруды, как звучит – Патриарх, пруды, чреда новых «Почему?». На Патриаршие пруды с нашей площади можно попасть несколькими маршрутами, но мы, как правило, ходили туда по Садовой-Кудринской до Спиридоновки сворачивали направо и через какой-то переулок выходили к Патриаршим (посмотрел на карту, так как забыл название, оказывается Ермолаевский). На этом маршруте мне запомнились два одинаковых домика, у них

были какие-то необычные крутые крыши, которые я потом встречал в Прибалтике и Европе. Отец мне сказал, что в одно из этих домиков жил великий русский писатель Антон Павлович Чехов, рассказ которого «Каштанка» он мне читал. Эти домики сохранились до сих пор. После войны там организовали музей–квартиру писателя, а на тротуаре одно время стояла тумба–афиша как–бы символизирующая театральную принадлежность Антона Павловича. Теперь тумбы-афиши нет. А вообще всё это там организовали после войны, а узнал об этом от отца гораздо раньше.

Далее по этой стороне улицы ничего примечательного нет, а вот на противоположной стороне кое-что, имеется. Прежде всего, парк расширяемого «Зоопарка», который перешагнул через Большую Грузинскую улицу и теперь имеет выход на Садово–Кудринскую и если через этот вход–выход, рядом со зданием бывшего Коммерческого училища пройти в «Зоопарк», то попадешь на площадку молодняка и от проделок мишек и других зверюшек ухохочешься до упаду. Проглянулся купол Планетария, о котором я уже упоминал.

Планетарий,1936 год.



Планетарий, 1987 год.

Тянется длиннющий забор, за ним идет стройка. Уже можно его разглядеть, оно вытянуто по фронту с каким-то выдвинутым вперед кубом на колонах и сплошной лентой окон. Отец говорит, что тут будет какой-то «Наркомат». И действительно там был потом Наркомат – Министерство судостроительной промышленности, сегодня в этом здании Федеральная антимонопольная служба на первом этаже какие-то банки, кафе и игровые клубы Дальше расположилась знаменитая на всю Москву Детская Филатовская больница. Большинство зданий больницы расположены в глубине большого парка. А на улицу выходит лишь один флигель бывшей Софийской больницы. Флигель одноэтажный с четырьмя колоннами и портиком, эта постройка сохранилась и до наших дней. Меня бог миловал, я ни в этой, ни в других больницах, в детстве не лежал и о них ни плохого, ни хорошего сказать не могу.

Мы уже дошли до Спиридоновки, свернули на неё, вышли на Ермолаевский и уткнулись в Патриаршие пруды. Оказалось, что никаких прудов нет, а есть один пруд. Отец рассказал, что когда-то было несколько прудов, со временем их засыпали, о чем свидетельствует название ближайшего переулка – Трехпрудный, вот и разгадка, было три пруда, остался один. Что касается названия Патриаршие, то по отцовскому разъяснению выходило, что когда-то здесь был патриарший двор, от которого к тому времени ничего не осталось, кроме этого одного пруда. Кстати говоря, в 1932 -1990 годах этот пруд назывался Пионерским, но мне кажется, что не один истинный москвич этого названия не употреблял, это был официоз. На Патриаршие пруды мы ходили редко. Пруд был чистенький, когда-то в старину там даже было катание на лодках для солидной публики. Вокруг пруда был разбит сквер. Но разве это могло тягаться с Новинским бульваром. Это был сквер и пруд для интеллигентной публики и вообще для жителей окружающих домов, в которых хотя и в коммуналках, проживали люди той старой дореволюционной поры, и которые на своих прогулках, на их любимых Патриарших вели себя чинно, благородно, стараясь поддержать старые традиции. Одна из которых была ходить слушать игру оркестра, а другая смотреть на грациозных белые лебеди. Оркестр играл по выходным и днем. Вот послушать музыку и посмотреть на лебедей в летние месяцы и ранней осенью мы отправлялись с отцом, а иногда и с мамой. Зимой на пруду устраивали каток, говорят, что тогда не ставили ёлок, не знаю, в мое время ставили и разукрашивали гирляндами иллюминации.

Сейчас на Патриарших прудах установлен памятник великому русскому баснописцу И.А. Крылову, басни которого Н, В. Гоголь назвал «…книгой мудрости самого народа». Вы вспомните слова его басен, вглядитесь в лица сегодняшней элиты в их дела и вы увидите, что многие из них это персонажи басен И.А. Крылова.

А ещё на Патриарших прудах несколько лет тому назад разгорелся большой скандал. Там захотели поставить памятник М.Ф. Булгакову и

выбрали для этого персонажей из «Мастера и Маргариты» и «примус», который захотели установить в центре пруда. Конечно «прогрессивная» общественность возмутилась и добилась отмены. У меня вопрос, а как назвать тех, кто все это придумал и затеял и того кто взялся это художество сотворить?

Патриарши пруды, *1930-е годы.*

Патриарши пруды, *2004 год.*

Патриарши пруды, *2007 год.*

На Малой Никитской улице, в Гранатном переулке и на Спиридоновке было несколько примечательных домов, бывших городских усадеб, особняков, которые оставили след в моей памяти.

В начале Малой Никитской улицы стоял и стоит чудненький особняк т. н. «Дом Рябушинского» построенный архитектором Ф. О. Шехтелем в стиле «Модерн» (здание МХАТ и здание Ярославского вокзала, тоже его творения). Дом получил это название так, так как он принадлежал одному из видных лидеров русской буржуазии, владельцу банка и газеты «Утро России» Рябушинскому, который после революции эмигрировал из России. Когда Алексей Максимович

Горький вернулся из–за границы в Советский Союз, правительство страны передало этот особняк ему. Тут он жил до самой своей смерти. Теперь здесь музей Горького

Бывший «Дом Рябушинского», теперь музей А.М. Горького, 2007 год.

На этой улице, в самом её конце есть еще один особняк с садом. Забор сада одной стороной выходит на Садово–Кудринскую, а другой на Малую Никитскую заканчивается большими воротами и самим особняком. Все это выполнено в темно серых тонах. Тогда, когда я жил на площади, этот дом был как дом и о нем ничего в округе не говорили. Но вот в 1937–1938 годах там поселился, человек сменивший Ежова на посту Наркома внутренних дел. Человек, оставившей в истории нашей страны не менее кровавый след, чем Ежов, фамилия его была Берия. И округа и вся интеллигентная Москва стала шептаться и, если это было возможно, обходить этот участок улицы стороной. Лично я с этим столкнулся после войны, когда провожал на Спиридоновку свою знакомую. Она буквально умоляла меня, не поворачивать на Малую Никитскую улицу и не идти по Вспольному переулку, и шептала мне «там страшно, там страшно». И еще была одна женщина, которую я знал по нашей компании, которая побывала в этом доме совсем в юном возрасте лет семнадцати. Да, большой мразью был этот человек в пенсне. Сейчас в этом особняке посольство Туниса. Интересно, что им снится там, по ночам?

Гранатный переулок, который идет параллельно Малой Никитской, получил свое название от Гранатной слободы. Там, наверное, делали какие-то взрывные устройства гранаты, ядра. В этом переулке располагалась бывшая усадьба Леонтьевых, так говорил отец. Дом был одноэтажный с шестью колоннами и ротондой в центре. Но самым впечатляющим зданием было так называемый «Дом архитектора», построенное в готическом стиле. Как всегда отец пояснил, что до революции здание принадлежало какой-то купеческой фамилии, не помню какой, а потом там было посольство Франции. Теперь здесь собираются архитекторы обсуждают свои проблемы, отдыхают и т. д. и т. п. Там были приличные биллиардные столы, и как я узнал позже, отец иногда хаживал туда поиграть. Мне довелось в этом доме побывать несколько раз в конце 80-х годов. Я тогда занимался созданием совместных предприятий с иностранными фирмами, судьба меня свела со строителями и архитекторами. Один из архитекторов Юрий Равкин и

пригласил меня в этот дом и показал мне внутренние апартаменты. Отделка и убранство впечатляли, сводчатые потолки, отделанные дубом стены, громадные люстры, картины в богатых рамках и конечно в подвальном помещении биллиардные столы, один из которых я опробовал, выиграв у Равкина. Там прекрасный ресторан с отличной кухней, которую я тоже опробовал и не раз. Когда по нашим с ним делам в Москву приезжал Заместитель Министра сельского хозяйства Польши пан Бжежевский, мы устроили ему прием в ресторане «Дома архитектора». От увиденного он обалдел, потом набрался, а нам было нельзя, на дворе был горбачевский сухой закон.

Дом архитектора в Гранатном переулке, 2006 год.

Название улиц Малой и Большой Бронной связано с Бронной слободой, в которой изготавливали изделия связанные с броней.

На Спиридоновке застройка была разная и маленькие домики и особняки, и высокие дома, типа бывших доходных. Особое внимание привлекал бывший особняк Морозова, который тоже строил архитектор Ф. О. Шехтель. Это не «Дом Рябушинского» на Малой Никитской и ни «модерн». Это почти дворец с большим порталом, огромными окнами, напоминает готику. Особняк стоит немного в глубине двора. Вообще он какой-то торжественный и в то же время подчеркнуто строгий, впрочем, все дома Морозова в этом стиле. Мне пришлось столкнуться с одним из его домов, который он построил для своей любимой актрисы. Нам передали этот дом, под нашу ассоциацию и его пришлось полностью восстанавливать. Тоже колонны, тоже лепнина, балкон с литой решеткой, внутри камин с богатейшими изразцами. Но вернемся на Спиридоновку к особняку. После революции этот особняк передали Наркомату иностранных дел под прием иностранных послов.

В дни приемов здесь можно было увидеть весь цвет тогдашнего мирового автомобилестроения: «Рено», «Линкольн», «Мерседес», «Опель», «Фиат», «Шкода», «Студебекер», «Шевроле» и другие марки и модели, одни шикарнее

других, подвозили к Дворцу Приемов Послов и Атташе, аккредитованных в Москве. У нас на Воровского–Поварской тоже было много иностранных машин около расположенных там посольств, но такое множество и разномарочность можно было увидеть только здесь.

О том что, что сегодня будет прием, жители округи, узнавала каким-то способом и собиралась толпа зевак. Конечно, мы мальчишки то же туда проникали и вели споры о достоинствах и недостатках видимых машин. Черт его знает, откуда мы все это знали, наверно перефразировали разговоры взрослых и что-то сами смыслили, а по большей части фантазировали. В этой толпе зевак было много и знатоков и фантазеров, можно только удивляться, откуда, судя по тем временам, они все знали.

Интересно было наблюдать, как из подъезжающих машин выходили роскошно одетые люди, мужчины во фраках и цилиндрах, дамы в мехах. Встречающие лица с подобострастием распахивали дверцы машин, поддерживали вылезающую из машины даму, мужчины вылезали сами, брали дам под руку и в сопровождении встречающего поднимались по ступенькам, устланным ковром к подъезду, там их встречал рослый вышколенный швейцар, он открывал дверь, и господа входили во дворец.

Все это, нам мальчишкам и прочим зевакам, казалось какой-то сказочной фантастикой. Перед нами был совершенно другой мир, причем мир враждебный. И об этом мире мы слышали и читали. Не надо забывать, что это была середина 30-х годов. В Германии к власти пришел фашизм, в Китае, Испании и Абиссинии шли войны, был антикоминтерновский пакт. Нашу страну окружали враждебно настроенные государства. Нас воспитывали в духе того времени, мы знали, что все, кто подъезжают к Дворцу Приемов, это капиталисты, строящие нам всяческие козни, а мы несмотря ни на что строим новую жизнь. Поэтому наблюдать все происходящее было интересно, но смотрели кто снисходительно, кто полупрезрительно, кто иронически. Наверное, среди толпы зевак были и те, кто смотрел на это по–другому, вспоминая дореволюционные времена и свою личную причастность к таким событиям.

Интересной была процедура отъезда–разъезда гостей. Открывался подъезд, и из него выходила пара господ, – посол и его супруга, военные атташе часто бывали одни, и швейцар или распорядитель громко, через рупор, объявлял: «Машину Посла Франции (или другого государства) к подъезду!». Немедленно, из скопища машин, выскакивала какая то машина и, въехав во двор Дворца приемов, подкатывала к ступенькам подъезда. Провожающие распахивали дверцы машины, господа садились, и машина отъезжала. За ней следовала другая, только что вызванная и т. д. Порядок был отработан, все действовало синхронно.

Картинки эти мы наблюдали с противоположной стороны улицы на определенном расстоянии, которое нарушить было невозможно. Милиция была на страже, да еще какие-то дяденьки, чем-то похожие друг на друга. Милиция вообще всех зевак гоняла, особенно мальчишек, и нужно было обладать определенной настырностью и сноровкой, чтобы в нужный момент оказаться в той точке, откуда можно увидеть это интересное зрелище.

Дом Приемов Министерства иностранных дел СССР, теперь РФ, *2007 год.*

Дом Приемов Министерства иностранных дел СССР, теперь РФ, *2007 год.*

Дом Приемов Министерства иностранных дел СССР, теперь РФ, 2007 год.

На Спиридоновке, в доме №2 жил до своей смерти русский – советский писатель Алексей Николаевич Толстой (его называли советский граф). В память о нем Спиридоновку в 1945 году переименовали в улицу А.Н. Толстого. Это название просуществовало до 1990 года, когда улице вернули прежнее название. А в доме где жил писатель есть музей и мемориальная доска, а рядом в сквере на Большой Никитской ему воздвигнут памятник.

Подходит к концу описание Кудринской округи. Мы еще пройдемся по Баррикадной улице, Кудринскому переулку, Большому и Малому Конюшковским переулкам. Конюшковской и Дружиниковско улицам. Заглянем в Предтеченские переулки, пересечем улицу Заморенова. Выйдем на Красную Пресню.

Баррикадная улица. Зоопарк

В самом начале своего повествования, я уже говорил о Барикадной улице и Зоопарке, сейчас немного дополню и, возможно, в чем-то повторюсь. Баррикадная улица, т. е. бывшая Кудринская улица, уже при мне после сноса сада у «Вдовьего дома» пошла непосредственно под стенами этого самого дома и явилась как бы продолжением Большой Никитской улицы, хотя раньше, как я уже говорил, она выходила к Воровского–Поварской. Почему её назвали Баррикадной, тоже говорил, это от революции 1905 года, Красной Пресни и баррикад. находившихся здесь. Улица очень короткая и соединяет она площадь Восстания–Кудринскую с улицами Красная Пресня, Большой Грузинской и Конюшковской, спускаясь к ним по довольно крутому спуску. По левой стороне улицы тянутся небольшие дома и церковь Покрова в Кудрине. В конце улицы на этой стороне стоял дом, в котором расположился кинотеатр «Баррикады». Этот кинотеатр детвора и жильцы нашего дома посещали, пока не открыли Первый кинотеатр. Сейчас там тоже показывают кино. Но там же расположена и элитная игротека. На другой стороне улицы, сразу за «Вдовием домом» расположились здание милиции (до революции там была полицейская часть) и здание пожарной части. Здание милиции мне запомнилось. Мы в это здание с отцом ходили несколько раз «выправлять», как он говорил украденный на толкучке паспорт. И еще тем, что к торцу здания была пристроена винтовая железная лестница, по которой туда сюда сновали милиционеры, одетые в темно–синюю форму или летом в белые гимнастерки и белые шлемы. Кстати, милиция и сегодня занимает это здание.

Летняя форма московской милиции в1937 году.

О пожарной части я расскажу особо, за её строениями и площадкой идут непримечательные малоэтажные деревянные и каменные дома, только на самом углу Баррикадной и Большой Грузинской улиц стоит пятиэтажка из серии доходных, как раз напротив входа в Зоопарк, этот дом стоит там и сегодня.

Ранее, рассказывая об увиденном с крыши, я упомянул об этом удивительном месте проживания всякой живности, пришло время добавить несколько строк. Около центрального входа в Зоопарк в те времена стояли скульптурные украшения – высеченные в камне фигуры различных зверей как был оформлен сам вход, помнится смутно, кажется, там были какие-то две башни, а между ними в арке ворота и калитки, а вот забор помню. Со стороны Большой Грузинской сплошной деревянный забор, а со стороны Красной Пресни, была высокая ограда из железных прутьев. Сегодня стена по Большой Грузинской вложена из камней гранита, из них же входная арка и боковые стенки входа, а зверюшки переместились, кто на арку, кто на башенки, кто на стенки.

Вид на центральный вход в Зоопарк, 1937 год.

Вид на центральный вход в Зоопарк, 2007 год.

В те мои времена сразу за входом по правую сторону в два ряда расположились клетки–вольеры с различными зверями и птицами, тут были зайцы, лисы, волки, собака динго и прочие. По левой стороне расположился большой пруд с островком посередине, на котором ряд домиков, обитель белых и черных лебедей, уток, цапли и прочих водоплавающих. Пруд был обнесен маленьким заборчиком.

В центре Зоопарка, около пруда была большая площадка в виде круга, на ней катали детишек на пони, лошадках, верблюдах, а зимой еще и на оленях. Интересно было прокатиться на верблюде, когда он идет или бежит, у него мотается голова. Садились на него так: погонщик опускал верблюда на колени, между его двух горбов была перекинута сума в виде двух больших люлек–сидений, в которые сажали детей по два человека с каждой стороны, чем-то пристегивали, погонщик подымал верблюда, начинался писк, визг, крик, ах, ах, ох и под этот аккомпанемент «иноходец» начинал свое движение по кругу сначала шагом, а потом легкой трусцой. Зимой интересно было прокатиться на оленях: тебя сажали в нарты, три–четыре человека, прикрывали шкурами, каюр гикал, и олени неслись, морозец и ветер пощипывали щеки и нос, комочки снега летели в тебя, а душа твоя то уходила в пятки, то рвалась вперед, ну и, конечно, визг и писк тоже бывали.

Тут же расположился террариум, в котором ползали различные земноводные. А вот слоновник, в нем живет семья – слон, слониха и слоненок, все они такие огромные, что задираешь голову, чтобы рассмотреть их, даже слоненка. Слон размахивает своим хоботом, что-то набирает в него, потом подымает этот

хобот над собой и как мотнет им, и песок или вода развеваются над всей территорией слоновника, а иногда попадают и на зевак, столпившихся у ограды, и опять визг, писк, крик, ох да ах, а взрослые иногда ругаются. Ну, ругаются всякие «зануды», а подавляющее большинство взрослых веселится вместе с детворой. Интересно, как такую махину перевозят из Индии, на пароходе понятно. А по железной дороге как? На мое очередное «Почему?», отец сказал, что строят специальную клетку и кладут слона, я сильно в этом сомневался. До сих пор, возможно, к моему стыду, я не знаю, как эту махину везут по железной дороге. Но везут же, теперь, правда, можно на автотреллере, но все равно ведь мосты, виадуки имеют ограниченные размеры по высоте, очень сложная перевозка. Не для какого-то сравнения, а просто чистое воспоминание по жизни. В 60-ые годы наша страна строила в Египте Асуанскую платину с гидростанцией и многое кое–что еще. Волею судьбы я тогда работал в Управлении внешнеэкономических связей Совнархоза СССР и сидел в том здании, в котором сейчас располагается Государственная Дума. Но ближе к делу. Нужно было поставить на Асуан очень крупную деталь негабаритных транспортных размеров. Был построен специальный автотреллер, с максимально допустимой посадкой, были проверены размеры мостов и виадуков на пути выбранного маршрута движения, где нельзя было проехать, выбраны объездные пути, привлечена специальная техника и ГАИ на всем пути следования. Перевозить нужно было не одну деталь, а несколько в разные сроки, по мере изготовления и сроков монтажа на месте строительства. Да еще и контроль из центра за всем передвижением. Вот так обстоит дело с перевозом негабаритных грузов. Ну а слон, везут же его как-то, не будем вдаваться в эти подробности, оставим это тем, кто уж очень этим будет интересоваться.

Если мне память не изменяет, то сразу за слоновником располагалось здание аквариума, закрытое помещение, в нем десятки ванн–аквариумов, а в них всевозможные рыбки и рыбины из всех рек, морей и океанов.

Несколько левее центрального круга расположены выполненные в виде гротов и гор вольеры. Здесь обитают горные орлы, горные козлы и другие животные, а в нижней части вольера можно встретить косуль, сайгаков, бизонов, антилоп и других.

Были отдельные помещения для бегемота и крокодилов, последние лениво плавали и открывали свои страшные пасти.

Вдоль пруда с другой его стороны, если идти на выход в сторону Красной Пресни, раскинулись клетки и вольеры львов, тигров, рыси, гиены – последняя просто отвратительное явление: - страшная, серо–черная, неприятная.

Львы ведут себя степенно, как и положено царям зверей, спокойно и с достоинством прохаживаются по клетке, останавливаются, поворачивают свою гривастую морду в сторону зрителей, махнут кисточкой хвоста, снова повернут голову и пойдут своей дорогой или лежат, распластав своё туловище и хвост и положив косматую голову на лапы.

Тигры, рыси, леопарды - те не могут стоять на месте. Они все время в движении, так и снуют вдоль изгороди, или взад и вперед, а то начинают прыгать с дерева на дерево, с бревна на бревно, с решетки изгороди на другую ее часть.

Красавцы жирафы склоняют свои гордые головы к ограде, выпрашивают подарок. Но чтобы подарков не было, между оградой и изгородью прохаживается смотритель, грозит публике пальцем и говорит, что будет вынужден штрафовать.

Павлины. Ох, какая это красота! Вот они распустили свои хвосты, и вся гамма красок заиграла перед твоими глазенками.

И, наконец, обезьянник. Снующие мартышки и степенные гориллы. Тот старый обезьянник ни в какое сравнение не может идти с тем, что для обезьяньего рода построили в нынешнем Зоопарке, эта постройка просто обезьяний дворец.

Кроме старого Зоопарка, в конце 20-х-начале 30-х годов появился Новый Зоопарк, расположившаяся на части территории, бывшего внутреннего сада «Вдовьего дома». На эту территорию, можно было попасть со старой, имея её билет, и перейдя через трамвайные пути, идущие по Большой Грузинской улицы или через вход со стороны Садовой-Кудринской улицы. Мы пойдем через переход, сейчас там шикарный каменный мост, по которому народ переходит с одной территории на другую. По правую руку открывается пруд, на нем тоже островок и тоже водоплавающие, домики для них прямо на берегу около ограды и на островке. Сразу за прудом мы поднимаемся по широкой лестнице вверх и перед нами вольеры в виде гротов, гор. Вся эта территория окружена глубоким рвом, своеобразная граница, отделяющая зрителей от зверей. И все свирепое и хищное зверье гуляет здесь довольно свободно. Меня всегда здесь притягивал вольер с белыми медведями, было интересно наблюдать, как они купались: плюхнутся в воду, брызги в разные стороны, поплавают немного, вылезут, полежат и опять бух в воду. Мне это очень нравилось. А еще на этой территории была площадка молодняка, я что-то говорил о ней уже, возможно повторение. На площадке молодняка резвились маленькие бурые медвежата, тигрята, лисята, собаки и другие, пребывающие в детстве животные, которые не могли в этом младенческом возрасте доставить друг другу крупные неприятности. Наблюдать их возню, кувыркания, забеги на перегонки, лазанье по бревнам, борьбу и даже что-то похожие на бокс было очень интересно.

Не знаю как сейчас, а тогда в Зоопарк продавали абонементы на месяц. Заплати и ходи каждый день, что, собственно говоря, многие и делали. И мои родители тоже покупали абонемент и, если я не был на даче, в детском саду или лагере и, особенно в мае и сентябре, мы с мамой или няней Груней часто ходили в Зоопарк. Прямо так погулять да посмотреть на зверье.

В Зоопарке, в довоенные годы я был последний раз году в 1937. Вернулся я в него уже взрослым человеком после войны, в конце 40-х начале 50-х годов, когда возил своих солдат туда на экскурсию (часть, в которой я служил, стояла в Москве, в Серебряном бору). Интересно было смотреть на 18–20 летних парней с Украины, Поволжья, Урала, впервые увидевших живьем все многообразие животного мира – зверья. Ведь до этого они живыми видели только, может быть, зайца, лисы, кабана, лося, оленя, ну волка, уток, цапли и аистов и наших лесных птичек никого не видели. И вдруг: бегемот, крокодил, лев, жираф, слон, всякие там обезьяны и рыбки и т. д. и т. п.. Впечатления у них были огромные и некоторые из них уже потом, получив увольнительную, ездили потом в Зоопарк и любили там фотографироваться и писать о, этих посещениях в письмах домой и отправлять в них эти фотографии.

Посещение Зоопарка было у меня и Николаем, и с Ларисой, и с Андреем. С Андреем я был в Зоопарке уже после реконструкции. Многое там изменилось, стало красивее, ухоженнее, появились новые вольеры, крытые помещения, прекрасный террариум и, конечно же, обезьянник. Но зверье в основном то же, хотя новые виды и появились. Мордочки все знакомые с детства, конечно же, многие особи не те, ведь прошло более лет 60, но повадки и ужимки те же, и от них как-то теплее на душе. Зверье мое, мои меньшие братья, вам конечно тесновато здесь, хотели вас перевести в Битцевский парк, там было бы просторней, но почему-то, не сложилось. А если бы сложилось, то это был бы другой Зоопарк, не моего детства. Так пусть он остается там, на стыке Баррикадной, Красной Пресни и Грузин. Может быть, когда-то правнуки или праправнуки мои придут в этот Зоопарк, со своими родителями и будут радоваться зверью, как радовался я.

А сейчас отправимся на Грузины, а точнее в Курбатовский переулок, к моей бабушке.

Курбатовский переулок, Большая Грузинская улица

К бабушке, папиной маме, мы пешком не ходили. Обычно мы садились на площади Восстания - Кудринской, на трамвай 26 или 47 и ехали три остановки до Курбатовского переулка, с 1965 года это улица Климашкина. Сходили, переходили через трамвайные пути на противоположную сторону и оказывались на углу Большой. Грузинской улицы и Курбатовского переулка. Там стоял большой пятиэтажный дом, раньше, т. е. до революции здесь были «Педагогические курсы общества воспитателей и учителей». Отец говорил, что помимо учебных помещений там было и жилье для слушателей этих курсов. За домом был огромный двор, в котором стояло несколько построек. В тыльной, от переулка части двора стояли три трехэтажных дома из красного кирпича, бывшие доходные дома, в одном из них, крайнем с левой стороны и жила в четырехкомнатной квартире, в последние годы перед революцией, моя бабушка со своим младшим сыном, – моим дядей, Володей. Конечно, как и всех «бывших», их уплотнили, оставив одну комнату. О том, как бабушка там жила, я расскажу немного дальше. Я уже говорил, что двор у этих домов был огромный и, кроме уже перечисленных, там расположилась еще парочка двухэтажных домиков старинной постройки. Но свободное место было, и в первые годы советской власти там построили два двухэтажных бревенчатых дома, здание школы и пятиэтажку для каких-то руководящих работников (только для них дом построили не из кирпича, а так называемый «засыпной», в таком типе дома мы потом будем жить на Донской). Но этот дом в отличие от других на этой территории оградили забором, построили там песочницы, качели. Я тогда не придавал этому значения, мы заходили за эту ограду запросто и всем там пользовались, хотя, возможно, и думали, а почему не в большом дворе. Такая застройка, этого большого двора, создавала для ребятишек базу для всевозможных их игр. Было там, где разгуляться: подъезды, черные лестницы, сараи. Для пряток, казаков-разбойников раздолье. И даже при такой застройке было место, где можно было погонять в футбол, а взрослым поиграть и в волейбол и городки.

Этих построек уже давно нет, а на их месте располагается комплекс зданий Посольства Польши. В 1988 -1991 годах мне неоднократно пришлось бывать в этом Посольстве на переговорах на различных уровнях. Бывал я в кабинетах Посла и его Заместителя, и в гостинице расположенной в жилом комплексе Посольства и даже в личных апартаментах Посла и его Заместителя. Вел с ними беседы и переговоры. Попивал чай и кофе и даже принимал горячительное, хотя это тогда было нам запрещено (горбачевский сухой закон). Закуски и даже горячее нам подавали иногда официанты, а иногда и их супругами. Надо сказать, что у меня с ними установились очень хорошие отношения, которые продолжались и после развала СЭВа и Союза. Бывал я в Посольстве и на официальных приемах и пару раз

вместе с женой. В здании Посольства в 1989 году я от имени Госагропрома СССР подписывал Соглашение с Минсельхозом Польши о сотрудничестве в области материально–технического оснащения сельскохозяйственного производства. Тогда все говорили, что это расцвет советско–польского сотрудничества. Появились первые советско-польские совместные предприятия, в том числе «Агрика», «ИглоЛуцк». Было намечено и началось практическое осуществление плана создания совместного производства малотонажных авторефрижераторв и изотермических кузовов на Луцком заводе. Мы поставляли в Польшу шасси автомобилей, а оттуда они приходили в виде авторефрижераторов, Велись переговоры по организации совместного производства малогабаритной техники для фермерских хозяйств (тогда это было модой). Намечалось строительство первого в нашей стране специализированного склада–магазина в Подмосковье для торговли малогабаритной сельхозтехникой и сельхозинвентарем иностранного производства. Планов было громадьё. Я не только участвовал в этом, но и руководил большей частью этих проектов. Кто тогда мог подумать, что через каких-то, полтора - два года, все рухнет. В кошмарном сне мне это не могло присниться. О теперешних отношениях и говорить не приходится. Поляки нас вообще никогда не любили и особенно не жаловали, и при первой же возможности делали нам маленькие пакости, но до такого антагонизма на межгосударственном уровне, какой существует сегодня, на мой взгляд не было даже в довоенные времена.

Почему я вклинил в свой рассказ поляков? Не знаю, видимо ностальгия сыграла роль. Когда я первый раз попал на прием к Заместителю Посла, он был еще в ранге Торгпреда, поэтому у меня с ним были частые встречи, сидя в его кабинете за чашкой чая, я сказал, - «А знаете, пан Посол, ведь на месте здания посольства стоял дом, в котором я часто бывал в детстве, в нем жила моя бабушка». Его это заинтересовало, и я рассказал, только, наверное, несколько в другом духе, некоторое из выше изложенного, затронув и историю Грузин, т. е. Большой Грузинской улицы.

На Большой Грузинской, если идти по левой стороне от Баррикадной улицы, прямо перед Курбатовским переулком расположился небольшой сквер. Он занимал так называемую, Георгиевскую площадь, на которой расположился замечательный особняк–дворец Грузинского Царя Вахтанга Левоновича, перебравшегося, со всеми своими сыновьями и многочисленной свитой более 3 тысяч человек, из своей горячо любимой и гордой Грузии в Россию под защиту Русского Императора. Ну, так как там, господа грузинские демократы, кто, куда или в кого входил, просил защиты? Россия в Грузию или Грузия в Россию. Россия у Грузии или Грузия у России. Чьи правители призванные защищать свой народ, бросали его на произвол судьбы, спасая свои собственные жизни!?

Когда-то в районе Грузинской улицы и Георгиевской площади находилось село Воскресенское. В 1680 году царь Федор Алексеевич устроил на реке Пресня, именно в этом селе свою летнюю резиденцию, а в 1729 году правившей в то время в России четырнадцатилетний Император Петр11(сын Царевича Алексея) пожаловал это село Грузинскому Царю Вахтангу. Вскоре по обоим берегам реки Пресня до ее впадения в пруд, который расположен в теперешнем Зоопарке, (старая территория), начали селиться грузины (те самые гордые, смелые, никого не

боящиеся и поминутно хватающиеся за кинжал, дабы с оружием в руках защитить свою честь). Так в Москве в центре России появилась Грузинская слобода(не путать с Поварской, Каменной, Броневой, Гранатовой и т. д.), а на Георгиевской площади, (она еще называлась Грузинской) появился прекрасный одноэтажный с мезонином в центре дворец Грузинского Царя. По фронтону здания и карнизу идет лепнина с вазами, фигурами. Окраска дворца голубоватая, а оконные наличники и лепнина выполнены в ослепительно белых тонах, и вся эта красота прекрасно смотрелась на фоне зелени сквера. Удивительно, но этот дворец сохранился в первозданном виде до наших дней. До развала страны и СЭВа в этом здании, кажется, размещалась консульская служба Посольства ФРГ. Во времена моего детства там тоже развевался какой-то иностранный флаг, не помню. Сегодня у дворца новый хозяин, по выражению Лужкова, «Великий Зураб Церетели», у него здесь «Центральная художественная мастерская З. Церетели». Разные слухи ходят по Москве по поводу этого здания. Одни говорят, что Лужков, т. е. правительство Москвы, подарило Церетели это здание (кстати, там не одно здание, а целый комплекс) за его заслуги перед Москвой (наверное за зверюшек в Александровском саду, –срам). Другие утверждают, что Лужков продал этот дворец Церетели. Ну если продал, да за хорошие деньги, с богом. А где деньги, на что и когда их потратили, и кто вообще видел эти деньги? Вопросы есть, ответов как всегда нет. Вряд–ли мы узнаем правду.

Рядом с дворцом сын Вахтанга, – Царевич Георгий Вахтангович, состоявший на службе в русской армии, в чине генерал-майора, построил в 1756 году церковь «Георгия Победоносца, что в Грузинах». Сначала церковь была деревянная, и в 1774 году она сгорела, на ее месте в 1788 году построили каменную, она была выполнена из темно–красного кирпича и в этом внешнем виде сохранилась до сегодняшнего дня. В моем детстве церковь не работала, ее закрыли, и долгие годы в ней располагались какие-то учебные заведения. В частности после войны там располагался электротехнический техникум, в котором учился брат моего товарища по армейской службе Женьки Журавлева, – Аркадий. Сегодня в одном из пределов церкви идет служба и туда стекается как местная публика, так и некоторые представители грузинского бомонда Москвы. Но большая часть церкви так и занята учебным заведением. Теперь там колледж экономики и права.

В этих краях еще до грузин, жило много армян. В начале XVIII века они построили там первую армянскую церковь в Москве. Получилось так, что армянская церковь, получившая название «Успенья», стояла наискосок от грузинской на самом углу образовавшихся уже потом Большой Грузинской улицы и Зоологического переулка, напротив угла Георгиевского сквера. Вот так и соседствовали они до 20-х годов прошлого столетия. Потом Армянскую церковь снесли, а образовавшийся пустырь обнесли деревянным забором. Бабушка часто ходила к своим знакомым в Зоологический и иногда брала меня. Проходя забор, она осеняла себя крестом и говорила, «Супостаты, снесли, разрушили, креста на них нет». Бабушка была нормальной русской верующей женщиной, старой закалки, и ее раздражало наплевательское и неуважительное отношение к церкви. Она считала, что всему свое время, не захочет народ ходить, церкви сами закроются, а ломать, закрывать не надо. Она говорила, «Что творят, Ведь это культура народа. Её беречь надо, а не разрушать». Проходя или проезжая с нею мимо закрытых и

разрушенных церквей от неё можно было услышать, – «Охальники, кино в божьем храме устроили (вместо кино мог быть склад, мастерская, общежитие и т. п.), креста на них нет» и произносила она это не про себя, а довольно внятно и люди ее слышали. А ведь могли и настучать, но ничего не настучали. А бабушка на увещевания отца, - «Мама, пожалуйста, подержите Ваш язычок за зубами, Володя скажи ей.», - ответствовала, - «Это Ваш, аспид–Маяковский, себя под Лениным, чистит. А я, себя под богом чищу, и бог меня милует. А ты старый безбожник, вот и трясись, да ладно уж, я за тебя помолюсь». Вот так бывало в благочестивом семействе.

Вообще грузины, как народ, как люди, ассоциируются у меня с событиями второй половины 30 -х годов, когда на экраны кинотеатров начали выходить фильмы о героическом прошлом русского и других народов, населяющих необъятные просторы нашей родины. Тогда, мы мальчишки 30-х годов, с увлечением воспроизводили битвы из кинофильмов «Александр Невский», «Петр Первый». О «Чапаеве» я вообще не говорю. И вот на экран выходит фильм Тбилисской киностудии «Великий Моурави», о выдающемся грузинском полководце Георгии Саакадзе, который вел борьбу с иранским шахом в начале XVII века. Не знаю, как бы я воспринял этот фильм, будучи в зрелом возрасте и будучи наслышанным, о геройстве грузин, но тогда я был в восторге от этого фильма и не только я, но и мои сверстники. Конечно, мы начали мастерить доспехи грузин и иранцев: шлемы, шапочки, мечи, щиты, латы, знамена, копья и с увлечением разыгрывали очередные баталии. Сегодня у меня совсем другое «кино», идет большая по своим масштабам «грузино–российская тема», и говорить о ней можно бесконечно, света в конце туннеля невидно. Нужно проявить мудрость и не наводить тень на плетень. Историю переписывать и подгонять не надо. Русские никогда не входили в Грузию с мечом, русские спасли Грузию и грузин от поголовного истребления. Вот это - настоящая история, от которой разумным людям - и русским и грузинам - необходимо отталкиваться. А не слушать песни Саакашвили и ему подобных о геноциде, оккупации и прочих русских каверзах.

И еще одну вещь я бы сделал, дабы показать великодушие русского народа. Зачем отдавать Дворец царя Вахтанга в Москве Зурабу Церетели? Ведь подарил Русский Царь Грузинскому Царю землю, а Грузинский Царь построил там этот дворец, чудом или волей Всевышнего он уцелел. И если так случилось, что распался Советский Союз, и Грузия стала «самостоятельным» государством, давайте отдадим этому «самостоятельному», под его Посольство, Дворец их Царя. Это будет символично. И простой народ Грузии это по достоинству оценит, а что касается «элиты», да бог с ней с этой «элитой», она в нужный момент возьмет свои чемоданчики и побежит под крыло, но теперь уже не русское, а американское, туда ей и дорога. Вообще не понятно, как это «старый лис Шеварднадзе» не смог договориться об этом с Ельциным и Лужковым, что последний заломил цену, которой в грузинской казне не было. Или два «государственных мужа» решили уколоть маленькую Грузию, забыв о ее вспыльчивом нраве? Зачем отдали Церетели, и почему этот славный сын грузинского народа на блюдечке с голубой каёмочкой не преподнесет Дворец своей родине? Как тут с любовью и патриотизмом?

Не могу не сказать о житье бытье, моей бабушки в Курбатовском, что на Грузинах. Я уже говорил ранее, что бабушку «уплотнили», и она в своей же бывшей квартире оказалась в коммуналке, в худшем ее варианте. Мало того, что ей досталась не очень удобная комната, ей достались соседи просто сволочи. Особенно семья Лапиных, Какие каверзы они бабушке ни делали, в кастрюльки соль, перец и всякие гадости кидали, в керосинку и примус воду подливали, запирали дверь из кухни в коридор и лишали возможности пользоваться туалетом и ванной комнатой, крали всё, что могли, забирались в комнату. Отец помог, бабушке посадить, старшего сына Лапиных, за кражу. Конечно, милиция и суд посадили, но именно отец довел это дело до конца. После этого семейка просто озверела. Пару раз их приструнивал Сева, ведь он был боксером, ну и как-то он врезал, Лапину отцу, на кухне, когда тот в его присутствии начал орать на бабушку. Да так треснул, что Лапин отходил минут пятнадцать и надолго после этого притих. А потом Сева пришел к бабушке в войну, летом 1942 года в форме капитана с кобурой на боку. Бабушка ему сказала, что опять ее и дядю обижают Лапины и почему-то его в армию не берут. Потом бабушка рассказывала. Что Сева вышел в кухню, пошел в коридор, открыл дверь лапинской комнаты, вынул пистолет, помахал им перед носом хозяина и сказал: - « Что если еще раз услышит, что его бабушку обижает лапинское отродье, он просто пристрелит», и велел отцу–Лапину, идти в военкомат и просится на фронт, - «не пойдешь сам, сделаю так, что приведут». И действительно, вскоре Лапина забрали. Сева ли исполнил угрозу, или время Лапина пришло, но вскоре его забрали в армию. Но вот ведь, как бывает хорошего человека пуля находит, а всякую дрянь обходит. Обошла она и Лапина. Но бабушка уже стала совсем плоха и жила у нас на Донской. Тогда, после «уплотнения» бабушке досталась ее бывшая столовая, примыкавшая к кухне и имевшая дверь на кухню. Комната размером, наверное, в 25- 30 метров, вся была заставлена мебелью бывшей квартиры. Громадный буфет так и остался на своем месте, все остальное было буквально втиснуто. Шкаф для одежды, шкаф дя книг, комод, бюро, секретер, письменный стол, кожаный диван, зеркало, громадный на резных ножках раздвижной дубовый стол, вообще вся мебель из дуба, стулья с плетеными спинками, сундук для одежды. Свободно передвигаться по комнате было весьма затруднительно. Все окружающее буквально нависало над тобою, давило на тебя. Я не очень любил бывать там и редко оставался на день-другой. К бабушке мы обычно приходили по праздникам, и один раз в месяц она устраивала обед и чай. Это был, как говорил отец, «святой день», когда мы все собирались у бабушки, так было и до революции. День этот был где-то в середине месяца и, если мне память не изменяет, приходился на 20 число. Бабушка очень любила готовить, делала очень вкусные блюда, таких заливных и фаршированных судаков и нигде и ни у кого я не кушал, а о ее жареных пирожках и бисквитах просто шла молва.. Меня она любила подчивать «гоголем–моголем» (яйцо, растертое с сахаром и шоколадом).

Бабушка не очень-то любила власть, ведь она ее многого лишила, по тем старым временам ее собственная семья была достаточно состоятельной. Мне трудно об этом говорить и судить, так как я о дореволюционном периоде жизни моих родителей знаю немного, а их родителей практически ничего. Только фотографии, сохранившиеся открытки с заграничными адресами и отрывочные

сведения, полученные от некоторых, близко знавших их людей позволяют составить некоторую картинку. В семье, да еще в моем присутствии не было принято говорить на эти темы. В архивах я тоже мало, что нашел. Три адреса, где бабушка жила с семьей в разные годы: Проточный переулок, Большая Спасская улица и Курбатовский переулок, Нашел еще одну запись - «Зеленная торговля» - Волкова Надежда Ивановна, - вот откуда все торговцы зеленных рядов на Тишинском, Арбатском и Центральном рынках ее знали и кланялись уже в мое время. А папин друг с тех далеких времен, когда они учились в университете, говорил мне уже после смерти отца, –«Мамаша ихня, Надежда свет Ивановна всю зелень на юге–западе держала, а званые обеды – закачаешься, бывало, одних настоек ее собственного изготовления до дюжины стояло. Давай, Славка, помянем бабку, Николя и Анну. » Значит, бабушке было, что терять, ведь в революцию ей было почти 60 лет, и она давным-давно состоялась, сама хозяйничала, имела свое дело и все потеряла. Это, конечно, наложило определенный отпечаток. Но она всегда была приветливой, улыбающейся, ласковой, заботливой, обходительной. Всегда держала себя в порядке, хорошо и со вкусом одевалась даже, я бы сказал для тех времен вычурно. Помню, мы поехали с ней в гости к какой-то ее знакомой, на ней было черное бархатное платье с вышитой розочкой и тончайшего плетения белый ажурный воротник. К этому платью она надела большие черные серьги с брильянтами, такую же брошку и браслет. А ей был далеко за 70, когда я родился, бабушке шел 67 год. Две родинки одна на щеке, другая около губ. Большие голубые глаза, уложенная на голове коса. Люди заглядывались. Помню на даче в Загорянке мы пошли гулять по поселку. Бабушка одела на себя белый, весь отделанный кружевами, костюм. То еще было зрелище. И такая женщина попала в жуткие для нее условия жизни и не сломалась. Ее девизом было, –«Господь терпел и нам велел».

Завершается повествование о Кудринской округе. Осталось упомянуть еще о двух местах и связанных с ними историями–событиями оставивших след в моей памяти, возможно, они не интересны, но для меня это память.

Красная Пресня

С угла улицы Красная Пресня, почти по всему участку Дружинниковской улицы до ее перекрестка с улицей Заморенова протянулись Краснопресненские бани. О банях тоже много написано и в кино показано, и я не буду оригинален. Но кое-что скажу. При жизни на площади Восстания–Кудринкой баню, мы посещали регулярно в любое время года, хотя в квартире была большая ванная комната с большой ванной, но в общей квартире, где было ещё несколько семей, мылись в исключительных случаях. В баню, как и полагается до определенного возраста с мамой, а потом, когда я подрос, с отцом. И вот как это происходило. Мама собирала нам белье, мыло, мочалку, всё складывалось в специально выбранный для этих целей большой портфель, и мы направлялись вниз, по Баррикадной, к баням. Бани встречали нас, как правило, очередью. Причем там было две очереди, одна в мужскую, другая в женскую, и шли они друг другу навстречу. Но отец в очереди не стоял, у него там были свои банщик и диванный, и его пропускали. Правда очередь возмущалась и толкалась. Но вмешивался стоявший на контроле в дверях контролер–швейцар и мы проходили. Шли мы, как правило, к определенному согласованному часу и к совершенно определенному «диванному», так называли служащего бани, у которого все люди раздеваются и вешают свою одежду на определенное место, на крючок, на большом длинном диване. Так вот мы приходили к этому «диванному», если мне память не изменяет, его звали «Палыч», и он нас вел всегда на одно и то же место, в углу под окном: на линии, где стоял столик, и было место «диванного». Палыч приносил нам две простыни, мы раздевались, отец отдавал Палычу часы и бумажник, и мы шли в зал, где стояли длинные мраморные скамейки, на которых люди и мылись. Какие то фигуры стояли, сидели, лежали на этих скамейках. Кто мылил мочалку, кто натирал себя мочалкой, кто плескался из шайки, а кто опрокидывал эту шайку себе на голову. Кто стоял в очереди к краникам с водой, а кто фыркал от удовольствия под душем. А в углах зала были расположены столы банщиков – людей, которые за отдельную плату помоют тебя, хорошенько потрут спинку, похлещут веником, причем, и здесь и в парной, и если есть надобность, помнут и погладят, т. е. сделают массаж.. Тут тоже у папы свой банщик, и он проводит с ним целый ритуал, но сначала дяденька помоет меня и при этом устроит мне маленькое щекотание, и я буду дрыгаться и хохотать. Потом банщик займется папой. А я буду сидеть в ногах, и плескаться из шайки. После окончания папиных процедур с неизменной парилкой мы идем принимать душ, а затем выходим в диванную, и Палыч кутает меня и отца в простыни. Палыч возвращает бумажник и часы. Мы вытираемся. Папа занимается чисто мужским делом: выпивает рюмку водки, закусывает бутербродом и принимается за кружку пенящегося бочкового пива, Мне же полагается стакан вкусного лимонада или чай с бутербродом и конфетой. Все это, услужливый Палыч, приносит из буфета. Правда, водку наливает из бутылки, хранящейся у него в шкафчике. За услуги и проход вне очереди нужно благодарить и папа открывает бумажник и дает Палычу деньги. На том мы и расстаемся. Бывало, что папа давал в глажку свой костюм, и когда мы выходили в диванную, костюм, хорошо отпаренный и отутюженный, висел, на крючке над папиным местом. Так заканчивалась баня, уходило на все часа три, а то и больше. Выходили мы из бани,

как говорил папа, чистенькими и похорошевшими, а очередь людей с узелками или портфелями или сумками, с вениками и своими тазиками (были и такие) продолжала медленно двигаться к заветной цели. Теперь этих бань нет, их снесли, на их месте Венгерское торговое представительство в Москве и здание Киноцентра. Страсти по последнему кипят уже лет пятнадцать, все не поделят имущество бывшего Советского Союза, вернее имущество Союза кинематографистов СССР. А залы киноцентра работают, и цены кроме первого утреннего сеанса, кусаются и для простого пенсионера не доступны.

Еще одно место я должен обязательно упомянуть. Это детский парк, который был расположен в самом конце Дружинниковской улицы. Я там часто бывал с мамой или няней. В парке была игротека и библиотека.

В игротеке, по документу или за чисто символическую плату, можно было взять напрокат какую-то игру и устроиться или за столами или на скамейках, да на любой площадке или просто на травке и играть во взятую игру. Не помню, было ли ограничение по времени или нет, лично я играл, пока мне не надоедало. Надоело, или сдаем игру и берем другую или просто сдаем и уходим..

В библиотеке тебя записывали и заводили на тебя так называемый «формуляр», берешь книжку, запишут в формуляр, вернешь – вычеркнут. Тут то у меня и появился первый документ на Славу Волкова, проживающего там -то и год рождения обязательно, это для того что–бы знать, какие книги ты можешь брать. Каково было мне, когда предлагали книжки с аршинными буквами, а я читал уже нормальный шрифт, приходилось вмешиваться маме или Груне, но потом тетеньки из библиотеки приметили меня и разрешали брать то, что я хотел. Брал и читал я там книжки, наверное, с пяти лет.

В парк были всевозможные развлечения: шведская лестница, канат, столбики, качели, карусели, бревно и т. п. Можно было взять напрокат футбольный или волейбольный мячи, а так же велосипеды, самокаты.

Парк этот в те времена назывался «Детский парк им. Павлика Морозова» т. е. именем пионера, которого кулаки убили в 1932 году. В каком-то году там установили ему памятник. Тогда это был герой–пионер, и ему учили подрожать. В нынешние времена он предатель своего отца и деда и антигерой.

Вдруг в парке зазвучал горн, раздалась трель барабана, У входа в парк появляются небольшие группы ребятишек, – девчонок и мальчишек, по 10, 12, 15, 20 человек, одетых в черные или темно-синие брюки и юбки и белые рубашки, а на шее у них красные галстуки. Это пионерские отряды «форпостов» (были такие, детские организации при домовладениях, которые принадлежали к пионерской организации и охватывали мальчишек и девчонок, проживающих в этих домах. Я имею в виду большие дома с коммунальными квартирами, как бывшие доходные, так и построенные уже в советское время). Задача «форпостов» была объединить ребятишек, привить коллективизм и направить их ребячий порыв в русло деятельности пионерской организации, которая строилась в основном в школах и была тогда не такая огромная, какой она стала к началу Великой Отечественной Войны. Тогда в конце 20-х начале 30-х она только расправляла свои крылья и была даже не во всех школах, а в классах пионеры составляли, где единицы, где часть, где половину класса. В нашем доме и здесь в районе Красной Пресни тоже были «форпосты», и в определенные дни и часы, они собирались на свои сборы в парке,

особенно в период летних каникул. Так вот раздался горн и дробь барабана, и на аллеи парка начали вступать отряды форпостовцев. Впереди идет молодой парнишка или девчушка в пионерском галстуке (обычно это были комсомольцы, их называли вожатыми), за ними горнист, потом барабанщик - это уже ребята. Горнист обязательно мальчишка, барабанщиком могла быть и девочка. За ними обычно шел мальчик, самый высокий из всей группы, такой, знаете представительный, он нес знамя или вымпел. Следом шла обычно девочка, которая на шесте с красной дощечкой несла название или номер «форпоста», а за ней по двое в ряд шагали пионеры, все построенные по росту. В году 35 или 36 на головках всех ребят появились так называемые «испанки», такие пилотки синего или красного цвета с белой кисточкой впереди, (это был головной убор испанских республиканцев, которые в те годы вели войну с генералом Франко и поддерживающими его немецкими и итальянскими фашистами). Все ребята идут подтянутыми четким строевым шагом. Бывало, что в отряде есть несколько малолеток,- «октябрят», а то и просто 6–7-летних ребятишек, страстно желающих приобщиться к более взрослым ребятам и стать «форпостовцами», к их числу относился и я. Мне пришлось долго упрашивать вожатого Леню приписать меня к «форпосту», я буквально донимал его и с помощью Женьки–жлоба он, наконец, приписал меня, и я на пару лет, даже, когда был уже в первом классе, приобщился к форпостовской жизни. Мне разрешили носить значок «октябренка», а потом я одел и «испанку». Вместе со мною и таким же путем оказались в форпостовском отряде мои друзья: Володька, Павка, Юрик, а потом упросили приписать и нашу спутницу по всем детским играм и проказам Ирму.

Но вернемся в парк. Как только пионеры появились на аллеях парка, вся ребятня, а за ними и родители устремились к центральной площадке парка, месту сбора всех отрядов «форпостов». Пока отряды шагали по аллеям парка, их буквально обволакивала детвора, которая старалась шагать в ногу со строем и почувствовать себя его частицей. Но вот отряды достигли площадки, построились по её краям и замерли. Из дверей двухэтажного домика, который выходил в парк, выходит молодая красивая девушка, тоже в пионерской форме. Звучат горны и барабаны отрядов. Девушка направляется к центру площадки, останавливается. Смолкают горны и барабаны. Звучат её слова, –«К сдаче рапорта готовсь», а затем, –«Отряд форпоста Восстание (или форпоста Баррикады, или форпоста Предтеченский один, или...) рапорт сдать». И наш Леша или вожатый другого отряда, отдав нам команд: «Отряд смирно, равнение на середину(или направо или налево)», печатая шаг идет к девушке и отдает ей рапорт, заканчивающейся словами, –«Рапорт сдан», вручает ей рапортичку и, получив в ответ, –«Рапорт принят», поворачивается и направляется к нам. Вот он поровнялся с нашим отрядом и дает команду,- «Вольно», мы расслабляемся и ждем, когда кончится сдача рапортов всеми отрядами.

Детский парк на Красной Пресне. Слева, одна из аллей. Справа, центральная площадка парка, 2007 год.

Заканчиваются рапорта. Девушка, а это инструктор из райкома комсомола, даст команду, - «К подъему флага, смирно. Флаг поднять. Двое вожатых, каких-то отрядов подойдут к флагштоку и подымут пионерский флаг. При команде «Смирно. » будут звучать горны, а при подъеме барабанная дробь. Затем девушка, что-то нам скажет–расскажет и объявит, кто, чем и где будет сегодня заниматься. Отряды направятся по своим местам и, будут заниматься каждый своим делом или мы все рассядемся на лужайке около библиотеки и будем что-то слушать или какой-то отряд будет что-то показывать. А вокруг этих или этого островков пионерии будут шмыгать неорганизованные или малышня, ведь им интересно и они явно нам завидуют, как завидовал совсем недавно я, а мы, конечно, будем в меру важничать.

Заканчивался день сбора форпостовцев, а он бывал, как правило, один раз, в неделю или пятидневку, точно не помню, какое тогда исчисление было, следующим образом. Отряды к определенному времени собирались и выстраивались на площадке. Снова звучали горны, и били барабаны. Снова выходила девушка, подводила итоги сбора. Звучала команда,- «К спуску флага, смирно. Флаг спустить.». И опять звучал горн, и били барабаны. Те же вожатые спускали флаг. Потом команда,- «Вольно, по форпостам разойдись.» и отряды в установленном порядке строевым шагом под барабанную дробь покидали площадку и по аллеям направлялись к выходам из парка. Не знаю, как другие отряды, но мы после выхода до Кудринского переулка шли строем, а в переулке сбивались в стайки и шли так до выхода на площадь Восстания–Кудринскую, что-то оживленно обсуждая и говоря наперебой. Было весело, хорошо, что-то новое мы узнали, что-то показали. Дойдя до выхода на площадь, мы строились, и под барабанный бой переходили трамвайные пути, обходили дом со стороны площади и под аркой входили во двор. Леша давал команду расходиться, и мы направлялись по своим квартирам. Но на этом жизнь «форпоста» не заканчивалась. Мы собирались иногда всем отрядом иногда звеньями или на нашем любимом чердаке, или где-нибудь на террасе или у кого-то в квартире или на бульваре или в комнате домкома (домового комитета, своего рода общественной организации, при домоуправлении). Что-то делали, мастерили, читали, готовили какие-то

выступления, иногда Леша говорил, – « Ребятки в такой-то квартире живет семья... (или в таком-то доме по бульвару), живут трудно, детишек много, им что то из игрушек, книжек, ну может быть обувки–одежонки, которая вам уже не подходит. Поговорите с родителями. Давайте поможем. » Мы, конечно, сказали родителям об этом и сами отобрали, кто что мог. Родители что-то разрешили, а что-то нет. Но мы же ребятишки сметливые и что-то от себя добавили. Ну, потом вместе с родителями искали, куда запропастилось, родители ведь то же сообразительные, они прекрасно понимали куда, но как против благородного порыва своих чад выступить, вот и делали вид, что пропало. А потом была помощь детям Республиканской Испании. Тут вообще никаких разговоров не было, надо так надо. Тогда не было еще «тимуровского движения». Но Леша говорил, – « Ребята там– то семья красноармейца или больные старики. Девочки, надо помочь убраться, мальчишки помогите им, и если надо помогите купить продукты, керосин. Многое делали. Или Леша собирал нас в домкоме, и с нами беседовал кто-то из взрослых жильцов дома, или он приглашал рабочих с фабрик и заводов Красной Пресни, которые рассказывали о своей работе, а старые рабочие о своей жизни до революции и участии в революции, Все это было не только интересно и познавательно. Главное же то, что мы были вместе, сообща, у нас был коллектив, и мы отвлекались от всяких соблазнов. В общем, о нас, подрастающем поколении, заботились.

И еще мне запомнились два-три похода наших форпостовцев, в столовую на обеды. Эти походы организовывал райком комсомола и не только для форпостовцев, но и для всей детворы зоны действия каждого форпоста. Тогда в 33–35 годах народ жил голодно, были карточки на все продукты, и растущим организмам детей еды не хватало. Государство это понимало и дело все возможное, чтобы подкормить будущее страны. В Москве это было поручено комсомолу. Я очень хорошо помню, как нас по всему дому собирали старшие ребята из форпоста, я тогда еще в нем не был. Во дворе всех построили вместе в две шеренги и в сопровождении нескольких родителей, вызвавшихся сопровождать, повели по направлению к Зоопарку. Каждый день было накладно, поэтому каждый форпост имел свои дни, в которые и совершались эти походы. За эти обеды их организаторам нужно сказать «спасибо», что мы дружно и делали, допив компот и выловив все фрукты. Конечно, лично я мог обойтись без этого. Но мой отец считал, что нужно знать как живет народ и пусть походит несколько раз, не надо выпендриваться, ничего зазорного нет в том что его отпрыск, вместо хорошей рубленой котлеты с пылу с жару или куска судака, получит хвост селедки. Здание этой школы сохранилось до наших дней, теперь там «Учебный центр Зоопарка». Иногда я прохожу мимо, вспоминаются чечевица с хвостом селедки, кружка компота, и как-то мне почему-то захотелось

чечевицы. Нашел, чечевицу, купил. Сварили. Положили сливочное масло. Попробовал, вообщем ничего. Но что-то не то. Видимо, время не то, и времена не те.

Да, многое не то. Я уже говорил, что нет в этих местах Краснопресненских бань, в Детском парке нет павильонов с игротекой и библиотекой. Около домика, где выстраивались отряды «форпостов», выстроились богатые иномарки, а домик превратился в новомодный особняк, там офис какой-то фирмы. А дети. Где им взять и почитать книжку, где взять игру и на воздухе поиграть, а как со спортинвентарем? Это теперь исключительно забота родителей, ну и конечно, так называемой «улицы», которая заботится об этом больше всех. Был в этих краях еще стадион «им. 1 Мая». Вырос он на месте засыпанного Краснопресненского пруда. Были там различные спортивные секции, играли в футбол. Стадиона как такового нет. Стоит металлическая ограда, за ней пустырь, поросший травой, стоят футбольные ворота. Сколько раз там бывал, не счесть, а народа внутри этой изгороди не видел. А вот портреты и траурные ленты в память о погибших при штурме Белого Дома в 1993 году, висят на изгороди со стороны Дружинниковской улицы. Стоит там еще маленькая деревянная часовня. Это отзвуки так называемого «Ельцинского расстрела» парламента. И это Красная Пресня. Это там, где в 1905 году на «Горбатом мосту» рабочие-дружинники держали баррикады против царских войск. Это там, где Семеновцы, посланные Николаем П усмирить восставших, по его приказу расстреляли их прямой наводкой. Два расстрела сошлись в одном месте. Царь в 1905 году даровал свободу, парламент и устроил расстрел. Ельцин в 1993 году защищал свободу, демократию и расстрелял парламент. Впрочем, и там и там не было никакой свободы и не было, как и нет сегодня настоящего парламента. Как говорится, «круг замкнулся». Но я ведь говорил, что я не буду ударяться в политику, а вот опять ударился. Закругляюсь.

Вид на изгородь и часовню на Дружинниковской улице, 2007 год.

Закончились мои воспоминания о Кудринской округе, моей «Малой родине», но у меня ведь в детстве была ещё одна - «Малая родина» - Донская улица и её округа. О ней следующий рассказ.

Донская округа

Донская улица

Во второй половине октября 1937 года мы покинули дом на площади Восстания – Кудринской и переехали на Донскую улицу, в трех комнатную квартиру, предоставленную отцу Наркоматом тяжелой промышленности СССР.

Донская улица встретила нас строем деревьев по обеим сторонам проезжей части улицы, небольшими домиками, несколькими особняками, пятью бывшими доходными домами, палисадниками, дворами, в которых стояли березки и клены, акации и сирень и росли различные кустарники, уже почти сбросившие свой зеленый наряд. Подумалось, почти как улица Воровского (бывшая Поварская), но это была совсем другая улица. Об этой улице, ставшей почти на четверть века моей второй «малой родиной», я поведу свой рассказ. В этом рассказе мой отец редко будет выступать, в качестве путеводителя, он мало знал об этом районе, для него это была окраина. Большая часть того, что, будет рассказано далее, я узнал сам и почерпнул из информации, полученной от моих товарищей по школе и двору, а также от своих учителей по пятнадцатой школе.

Донская улица получила свое название по одноименному Донскому монастырю, основанному еще в 1591 году. Свое начало она берет от Калужской (Октябрьской) площади.

Вид на Донскую улицу, 2007 год.

В самом начале улицы, с левой ее стороны стояли несколько трех- и двухэтажных домов с проходным двором на улицу Шаболовка, с выходом прямо к трамвайному депо им. Апакова. Эти дома в 50-60 годах снесли. На их месте соорудили один из корпусов гостиницы Академии Наук СССР. О достоинствах этого строения, как и его брата-близнеца на противоположной стороне улицы, выходящего фасадом на Ленинский проспект, можно сказать одно – неприглядные, как снаружи, так и внутри, это, мягко говоря.

До сегодняшних дней сохранилось надстроенное до пяти этажей здание, в котором до революции находилась женская богадельня. Вы знаете, что такое богадельня? Наверняка нет, или скажете приют. Я приведу Вам в своем изложении

выдержку из энциклопедии Брокгауза и Ефрона. Богадельня—это богоугодное заведение для призрения лиц, почему бы ни было неспособных к труду, как-то престарелых, немощных, увечных, выздоравливающих. Они бывают мужские и женские и находящиеся в них живут там, на полном обеспечении. К этому времени я уже побывал в Малом театре и смотрел «Ревизора», там был попечитель богоугодных заведений Земляника.

В те годы, за этим домом, за оградой, на территории бывшей усадьбы купцов Солодовниковых, стояли два двухэтажных дома и боковые флигели. В этих домах жили мои одноклассники по новой школе Лева Карпов и Виктор Титов. Дома давно стали коммуналками и их семьи ютились там кто на первом, кто на втором этажах, одни в одной комнате, другие в двух маленьких комнатушках. В старые времена усадьба занимала большую площадь, около 2 га, был сад, а в нем цветочная галерея и в ее сохранившихся остатках в советское время были устроены жилые помещения-коммуналки. Сегодня здесь остались только две двухэтажки, они отреставрированы, там служебные помещения Пенсионного Фонда РФ. На месте снесенных строений и большей части сада, – кирпичная многоэтажка.

Рядом с этими домами эти же купцы, построили позднее трехэтажный дом и большой двухэтажный особняк, тоже превратившиеся после революции в коммуналки. В них жило много учеников нашей школы, как старшего, так и младшего поколения. С одним из жильцов двухэтажного дома, Георгием Романовичем Кокашинским, я познакомился в 1944 году. Юра, как его все звали в быту, был одним из первых командиров десантников, в самом начале Великой Отечественной Войны командовал ротой и в первых боях получил тяжелое ранение, остался инвалидом, был награжден орденом «Боевого Красного Знамени». Во времена нашего знакомства он работал начальником технического отдела кондитерской фабрики «Красный Октябрь» и наряду с этим исполнял обязанности Начальника фабричного пункта военной подготовки «Всеобуча». Райвоенкомат направил меня на эту должность, так и произошло наше знакомство, переросшее в настоящую мужскую дружбу, несмотря на большую разницу в возрасте. Впоследствии он долгое время работал в ГДР, а потом был Главным инженером и Директором «Красного Октября» Так сложилось, что мы с ним в один и тот же день, в 1975 году получали в Посольстве ГДР в Москве награды. – «Знак Почета» ГДР он в золоте, а я в серебре. Он за содружество в развитии кондитерской промышленности, я за содружество в развитии редукторостроения. Еще в войну, будучи приглашенным, к нему в гости, я обратил внимание на потолок в комнате. Буквально весь он был в лепнине и над столом, который был приставлен к стенке, как бы парил толи ангелок, толи амур. В комнате находился фрагмент потолка бывшей залы особняка. Другие части приходились на коридор и смежные комнаты. Где-то эти фрагменты вырисовывались полностью, а где-то их безжалостно рвали перегородки комнат. В комнате Юры они оттяпали от фигурки часть крыла и задели руку. В коридоре разрезали фигурку пополам, зато в соседней комнате, которую занимал отец Юры, фигурка сохранилась во всей ее красе. Юра говорил, что и на втором этаже есть лепнина, естественно искореженная перегородками стен. Я часто бывал у него в гостях, если это можно было называть «в гостях». Проходя почти каждый вечер мимо его дома, увидев огонек в окне, я иногда заворачивал во двор и заходил, что называется «на огонек». Меня всегда встречала

приветливая улыбка его жены Лизы, приставания проказницы дочки Инны и радушие самого хозяина дома. Сейчас в этом доме офис, какого-то банка, наверное, они восстановили потолок во всей его красе.

Бывшие дом и особняк купцов Солодовниковых, 2007 год.

За этим домом шел проходной двор, который вел к 585-ой школе, расположенной на улице Шаболовка и через трамвайные пути прямо к фабрике «Ударница» - сладкому месту, где вкусно пахло, а за оградой в цехах делали «пастилу», «зефир» и «лимонные дольки». В проходном дворе в одном из одноэтажных домиков жил ученик нашего класса Дима Синельников, с которым мы были в приятельских отношениях, нас сближало коллекционирование марок, а после войны, до его отъезда на БАМ, просто желание посидеть, поболтать. БАМ разрушил наши посиделки, больше наши пути не пересекались, и встреч не было. Далее по этой же левой стороне улицы, в двухэтажном доме была детская библиотека. Сегодня там находится один из самых молодых музеев Москвы – Музей российских меценатов и благотворителей. Говорят, что там собираются на свои встречи потомки уцелевших купеческих родов. Приносят семейные реликвии. Это здание далеко, по своему архитектурному облику, от типичных для того времени домов русского купечества. Для такого музея могли бы подыскать здание и получше. За библиотекой было несколько небольших домов с дворами, в двух из них помешался до революции дом для немощных дворянок Мариинского приюта. Конечно, там тоже была домовая церковь. После революции там были квартиры и жили люди. Но в 60 –х годах их снесли под нужды Карбюраторного завода, а в начале 2-х тысячных годов снесли и сам завод. Теперь там строят элитное жильё. В глубине одного из дворов, стояли два пятиэтажных из красного кирпича дома, старой постройки из серии доходных домов. В этих домах жили ученики моего класса,- двоюродные братья Шура и Вадим Речменские и Герта (Генриэта) Алтынова. Жил в этих домах и весь рыжий Саша Усов, который уже окончил 15 школу и учился в институте. Он был страстный голубятник и хороший шахматист. Жизнь сведет меня с ним, в 70 – 80ые годы, он будет начальником подотдела внешнеэкономического сотрудничества в Госплане СССР, а я Заместителем Начальника Главзарубежсельхозтехники и мне придется согласовывать с ним и его аппаратом объемы поставок для строящихся за границей при содействии СССР объектов. Мы узнали друг друга, вспомнили Донскую улицу, тех, кого вместе

знали. Он по прежнему играл в шахматы, отводя этому каждую свободную минуту на работе, в его кабинете всегда стояла открытая шахматная доска с неоконченной партией или расставленными для начала игры фигурами. Начинается обед, и Усов уже в игре с кем-то из зашедших сослуживцев. Вообще в этом Александр Усов остался тем Сашей Усовым, которым его знали в школе и в доме на Донской. Там всегда с ним были шахматы, и на любой перемене он играл и даже на уроках, кроме нормальной шахматной доски, которую он таскал с собою, у него были еще маленькие карманные шахматы из картона (я этого сам не видел, но старшие ребята рассказывали). А второй его принадлежностью был шест, с платком, которым он гонял голубей, это я видел в бытность его уже студентом. Усов относился ко мне хорошо, всегда принимал меня по моей просьбе. Внимательно рассматривал поставленные вопросы, и если это входило в его компетенцию, было обосновано, помогал, а иногда брался продвинуть и дальше, что с другими бывало не всегда. Не даром в ГУПе ГКЭС и «Сельхозпромэксорте» говорили, - Волкову можно урезать, не давать, он двери к Усову и Сулинову ногой открывает, ему все равно все, что он запросит, отдадут. Я не хвастаюсь, просто рассказал быль.

А какая в этом дворе была голубятня. Она стояла в самом углу двора, почти на стыке с двором нашей школы, на высоких столбах, Я не знаю её точных размеров, но это было весьма большое сооружение, и голубей там было много. И каких только мастей и пород там не было. Вообще, голубятня славилась на всю округу, если не на всю Москву.

Дальше, за утопающими, а мае – июне, в море пахучей махровой сирени, одно и двух этажными домиками, немного в глубине от улицы стояло здание 15 средней школы ЛОНО (Ленинского отдела народного образования), в которой я учился с осени 1937 года по январь 1943 года. К типовому четырехэтажному зданию школы примыкал приличный двор, деревья – яблони, волейбольная площадка, стоял турник, была гимнастическая стенка, бревно и выставлялся конь.

Теперь в нашей школе располагается лицей при Академии народного хозяйства имени Г.В. Плеханова.

Рядом со школой стоял особнячок с ротондой, в нем располагалось какое то детское медицинское учреждение. Этот особнячок был окружен садом. Особняк снесли, сад пока остался, его превратили в маленький скверик. А дальше шли несколько непримечательных домов и дворов, но все с зелеными насаждениями, цветами и палисадниками, выходящими на улицу. Через один из этих дворов можно было пройти на улицу Шаболовка, чем все жители Донской, в этом её участке и пользовались, так как все продовольственные магазины были расположены на Шаболовке.

Почти перед Выставочным переулком, наше внимание могли привлечь какой-то заводик металлоизделий с небольшой кузницей, на работу которой можно было напроситься посмотреть. Ведь интересно для ребятни увидеть, как крепкого телосложения мужчины, в черных фартуках иногда без рубах, с вспотевшими

плечами, спинами и лбами, орудуют молотками, молотом и горном, выделывают разные изделия на наковальне. Так хочется ударить молотом, но силенок не хватает, а молоточком стукнуть раз- другой разрешают.

И еще там была пара домов, которые заслуживали внимания. Один, бывший доходный, с высоким бельэтажем, был местом жительства моего тезки и соученика Славки Рубцова. Мы были приятелями, но между нами пробежала черная кошка в виде Анечки Медведевой, которую мы никак не могли поделить. Сама Анечка жила в следующем дворе, в одном из двухэтажных домиков с многочисленными пристройками, вот в такой пристройке в двух маленьких комнатках и жила её семья. Несколько раз я провожал ее и иногда меня приглашали зайти, а вообще Славка Рубцов делал все это чаще, да еще и разборки со мною устраивал с привлечением своих дворовых ребят. Приходилось частенько быть поколоченным, именно дворовыми, а Славка был как бы не причем, ведь он в драчке не участвовал, а только наушничал. Мы разобрались с ним после войны, в 1946 году, когда Анечка вышла замуж за кого-то майора, а Славка даже в армии не служил, что-то у него со здоровьем было, а я вернулся в Москву гвардии младшим лейтенантом. Встретились мы два соперника по детской любви, купили водки, хорошо выпили, очень хорошо выпили, закусили молочной лапшой, представляете, что с каждым из нас было потом. Рассказывать не буду. Ну а в начале нашего застолья и потом когда очухались, дали слово не вспоминать старое, а Анечку забыть.

Другой дом, который привлекал мое внимание, стоял сразу за Славкиным, это был двухэтажный особняк, наверное, с высокими потолками, уж очень он был высок для двухэтажного дома. Особняк был обнесен изгородью. Этот особняк, в стиле модерн, был построен в 1903 году для купчихи А.П. Мельниковой. В мое время там находилось какое-то учреждение, вывески не было и что там было это сплошное гадание на кофейной гуще. Сегодня особняк надстроили каким-то уродцем в виде третьего этажа, там офис какой-то организации. За изгородью виднеются богатые автомобили, на крыше множество тарелок, охрана.

Выставочный переулок получил такое название в 1924 году, так как по этому переулку шел проезд на Всероссийскую сельскохозяйственную выставку, открывшуюся в 1923 год на том месте, где теперь находится ЦПКО им. Горького. Раньше переулок назывался – Ризположенский по названию расположенной на его углу и Донской улицы церкви XУ11 века названной в честь «Ризы положения господней на Донской», Сегодня этот переулок называется улица «Академика Петровского». Борис Васильевич Петровский великий советский хирург. Он многое сделал для развития сердечно-сосудистой хирургии, пересадки почек, в других областях хирургии, был министром здравоохранения СССР в течение 15 лет. Он жил на этой улице.

После Выставочного переулка шла череда обнесенных палисадниками двух и трехэтажных домов, во дворе одного из них находился то ли клуб то ли просто зал, в котором работали разные кружки художественной самодеятельности, шли концерты и показывали кинофильмы. Принадлежало это или заводу «Красный пролетарий» или Текстильному институту, точно не помню, да это и значения не имеет.

За этими домами стояло здание, в котором разместились: райком партии, райком комсомола, райсовет и другие районные организации Ленинского района Москвы. Здесь меня принимали в комсомол, здесь я бывал на всяких комсомольских и пионерских совещаниях проводимых райкомом комсомола, когда был Председателем совета пионерских отрядов и Старшим пионервожатым одной из школ района. До революции в этом здании располагалось Арнольдо – Третьяковское училище и приют для глухонемых, при училище была устроена церковь Павла Лотарского. Из истории известно, что название церкви указывает на именины Павла Михайловича Третьякова основателя Третьяковской галереи, а училище было основано в 1860 году Э.О. Арнольдовым – глухонемым художником. В училище принимались лица всех сословий тогдашней России, независимо от вероисповедования. Мне удалось немного узнать о том, как строилось обучение в этом училище. Курс обучения – 9 лет. Плата за полный пансион 300 рублей в год, для бедных, при свободных вакансиях – бесплатно. Метод обучения – звуковой. Теперь в этом здании Дом научно-технического творчества молодежи.

Что еще было примечательного на этой стороне Донской. Кроме Соловьевской психиатрической больницы, корпуса которой были скрыты палисадниками, высоким забором и кронами деревьев – ничего Названием этой больницы, как и Канатчиковой дачей (место расположения другой аналогичной больницы), пугали всех непослушных детишек и слишком разошедшихся взрослых, - «Вот отправлю тебя на Канатчикову дачу», «Что, в Соловьевку захотел?». На многих действовало отрезвляюще. Ну, вот мы и дошли до Первого Донского проезда и перед нами за маленьким приземистыми, домишками, вырастает громадина Донского монастыря. К монастырю мы еще вернемся, нам нужно еще пройтись по правой, четной, стороне улицы. Отправимся в её начало.

В начале улицы шли ничем не примечательные малоэтажные дома с палисадниками, дворами, сараями и сараюшками, деревьями и кустарниками. Через многие из этих дворов смело можно было пройти на Большую Калужскую улицу и выйти напротив Горного института и института стали. Вот идешь мимо этих одно-двухэтажных домиков, некоторые из которых как бы вросли в землю, т.е. имели окна на уровне земли в палисаднике, и в свете освещенных окон буквально видишь всю тамошнюю обстановку, людей и их жизнь. Хочешь, не хочешь, а повернешь голову и увидишь.

Вот так пройдешь сотню другую метров, и возникнет за низкой изгородкой палисадника темно-серая громада бывшей доходной пятиэтажки. Перед самой войной этот дом надстроили и в эту надстройку переехали из одного из флигелей нашего двора Борис и Володька Наумовы. Во флигеле у них были две смежные комнаты на первом этаже, в этой квартире было еще семей десять, общая кухня и общая умывальная комната, с несколькими умывальниками и двумя ванными. В новом доме у них была трехкомнатная квартира, из окон которой просматривалась часть Большой Калужской улицы, Октябрьская (бывшая Калужская) площадь, улица Большая Якиманка. В этом доме был очень низкий первый этаж и опять хочешь, не хочешь, а, проходя мимо, ты хорошо видишь комнаты и их обитателей. Особенно красиво и интересно было смотреть на эти окна в вечерние часы, когда в разноцветии абажуров, за различной прозрачностью занавесок проглядывались очертания предметов и людей. Вот около окна склонилась голова и двигается вправо влево рука, фигурка отчетливо освещена светом настольной лампы, видимо там стол и кто-то сидит и пишет. В другом окне силуэты двух стоящих людей, один из них сильно размахивает руками, там видимо ругаются или что-то доказывают. А в этом окне проглядываются обеденный стол в середине комнаты и сидящие за ним люди, пьющие чай, вот один из них подносит стакан ко рту, а другой протягивает руку к середине стола и что-то там берет. А в этом окне другая картинка: на диване сидит, видимо, мужчина, а вокруг него ползают, прыгают, кувыркаются двое маленьких детишек, вот один из них забрался на плечи, махает ручонками и ножками. В этом окне почти всегда одна и та же картинка: в вечерние часы в комнате нет освещения, одна половинка окна прикрыта занавеской в другой половинке окна четкий силуэт седой женщины в одежде темного цвета. Она сидела, положив, склоненную голову, на руки, лежащие на подоконнике, и смотрела на улицу, над ней в верхнем правом углу комнаты, что-то мерцало, видимо лампадка перед иконой. Наверное, она давным-давно, кого-то ждет, а он или она все не приходят. Интересно что бы это означало. Вдруг в свете абажура возникает женщина, сидящая за швейной машинкой. А тут в окне силуэт человека, сидящего на диване и читающего газету, а на полочке над диваном стоят различные фигурки, видимо слоники, тогда это было модно, хотя говорили что это «мещанство». Да, в каждом из этих окон была своя жизнь, свои радости и невзгоды. И иногда наша четверка: я. Лёвка Карпов, Витька Титов и Димка Синельников проходя мимо этих окон, дорисовывали в своих головках увиденное, выстраивая всевозможные незамысловатые картинки. Вот такое было занятие. Вы скажете, а зачем, для чего, что в этом хорошего? Да просто так, ничего плохого, мы в этом не видели, мы ведь не подсматривали. А создать из увиденного какую-то фантазию, что в этом плохого. Я даже как-то спросил у Анны Николаевны Радченко, нашей учительницы русского языка и литературы, - «Анна Николаевна, а можно написать сочинение на свободную тему «Вид на окна». Учительница посмотрела на меня и сказала - «поговорим после занятий». Что-то в этот день не сложилось с разговором, но однажды, после уроков, она позвала меня и попросила рассказать, что это за «Вид на окна». Я рассказал. Анна Николаевна сказала, что можно написать, если будет свободная тема, но лучше не надо, так как кто знает, что ты там нарисуешь-напишешь, как далеко зайдет твоя фантазия. Очень хочешь написать, напиши в виде рассказа, я почитаю, а там видно будет. Тогда я ничего не

написал. Написал позже. Потом шла война, и было не до этих глупостей. Долго эти странички лежали в столе. Домашние их прочитали, и критики я не услышал. Читал их и Юра Кокашинский, ведь описываемые окна, были напротив его дома, и похвалил. Надо было показать их Анне Николаевне, но все был не досуг. А потом со мной случилась неприятность, и тетя Ада все записи, сделанные моей рукой, уничтожила, как она сказала, во избежание излишних толкований. Записей было достаточно и в них, конечно, было всякое, что при желании можно было истолковать в нужном свете. Тогда я не стал её ругать, она старый человек, оставшийся одна в квартире, обуянная страхом за своего любимого племянника, после обыска, предвидя повторный, наверное, поступила правильно. Хотя мне кое-чего, из мною написанного жаль. Так вот все было. Что было, то было и упомянуть об этом не грех.

За этим домом, в глубине большого палисадника с сиренью и цветниками стоял двухэтажный оштукатуренный дом, покрашенный в серый цвет, в котором было всего четыре квартиры. На первом этаже этого дома жила семья Розенцвейгов,- отец, мать, старший сын Миша и близнецы Ян и Тамара, мой одноклассники. Я бывал в их доме. Ян заходил ко мне, и хотя он был в так называемой Белкинско-Гуманковской группировке, у нас были нормальные приятельские отношения. Старший его брат Миша погиб на войне.

Несколько маленьких домиков обязательно с палисадниками, среди них хлебная палатка, в которую ходит большинство жителей нашего участка улицы. Вот торец двухэтажного флигеля, где на втором этаже живет моя школьная учительница русского языка и литературы и классный руководитель Анна Николаевна Радченко со своими дочерьми, которые учатся в разных классах нашей школы.

А вот и проходной двор с Донской на Большую Калужскую. В глубине двора располагается средняя школа № 16, а на выходе на Б. Калужскую стояла еще одна школа, № 14, которую в 1939-1940 году закрыли, а учеников разбросали по 15 и 16 школам. К нам в класс пришло пять человек, но каких. Об этом позже.

В здании бывшей школы № 14 появилось, какое то «хитрое» заведение, говорили, что оно связано или это какое-то подразделение НКВД. В войну на крыше этого здания располагался зенитно-пулеметный комплекс, который вел в дни налетов немцев на Москву, интенсивный огонь по фашистским стервятникам. В дни первых налетов на Москву, в конце июля 1941 года, я мог несколько раз наблюдать, с крыши нашего дома, за стрельбой этого комплекса. Но к этому я еще вернусь позже, когда буду писать о начале войны. А пока вернемся на Донскую.

За проходным двором, впереди 16 школы стояло несколько добротных домов. В одном из них, перед самым нашим домом жил Женя Барышников, тоже ученик нашего класса, он еще занимался в музыкальной школе, играл на пианино и неплохо рисовал. Теперь в этих домах разместилось, какое-то посольство.

Пропустим наш дом под номером 42, я вернусь к нему позже.

В сорок четвертом доме жил ученик нашего класса Лева Гуманков, в этом доме вообще жило очень много ребят и девчат, учившихся в нашей школе. Пятиэтажка была бывшим «доходным» и естественно в наши дни коммуналкой. Ребята нашего дома звали этот дом «пролетарским», ребята сорок четвертого презрительно называли наш дом «вшивым интеллигентом». По-моему, этими

двумя названиями все сказано, антагонизм между ребятами двух домов был полный и постоянный. Противостояние шло буквально по всем вопросам ребячьей жизни и вовлекало в него не только ребят младшего и среднего возраста, но и более старшие поколения, я имею в виду молодежь лет до 20 с небольшим. Даже проход из двора нашего дома через сопредельный двор на Б. Калужскую улицу являлся яблоком раздора, так как он находился на стыке с двором сорок четвертого. Если в том или другом дворе находилась в достаточном количестве ребятня, а по проходу шли один два паренька того или иного объекта противостояния, то частенько отряжалась команда, что бы наказать нарушителя и иногда это приводило к серьезным потасовкам. Мы еще вернемся к этому противостоянию в рассказе о сорок втором, а пока продолжим наш поход по Донской.

За сорок четвертым домом, вплоть до Выставочного переулка череда непримечательных домов, со многими постройками типа бараков и всевозможными пристройками и сараями и так называемыми отхожими местами с выгребными ямами, Но все это, назовем его «неказистое место» летом утопает в зелени деревьев, кустов и цветов. Преобладают черемуха, акация и сирень разных оттенков. Все это пошло под снос в 50-60 годах и на этом месте возник жилой дом для представителей дипломатического корпуса и внешнеторговых представительств иностранных государств. На первом этаже этого здания размещались представительства иностранных фирм. Здесь мне, в 70-80 годы, часто приходилось бывать и вести переговоры фирмами ГДР по поставкам в Союз различного оборудования.

Я уже говорил, что на углу Выставочного переулка и Донской улицы стояла церковь в честь «Ризы положения господней на Донской». Сколько я помню, она всегда была действующей. Церковь располагалась и располагается сегодня за каменной, с чугунными решётками оградой. Запомнился цвет ограды, – красно-белый, решетки, окрашенные в темно-зеленый цвет. В ограде сирень, клёны, дубы. Интересна история возникновения церкви. В 1625 году в Москву прибыло посольство из Персии, и с ним Шах Аббас прислал в дар царю Михаилу Федоровичу и его отцу Патриарху Филарету «Ризу Господню», взятую незадолго до этого в качестве трофея при покорении Грузии. (Это ещё одно историческое свидетельство к тому, кто и когда покорял и «оккупировал» Грузию). Московские власти встретили послов на окраине Москвы, около Калужской заставы. Отсюда процессия проследовала в Кремль. «Риза» была возложена на особый престол в Успенском соборе.

Вид на церковь «Ризы положения господней на Донской», 2007 год.

«Ризу» приносили к больным, множество из которых исцелились. Были составлены подробные отчеты о чудотворениях от нее и «Ризу» объявили настоящей. В 1690 году, уже при правлении Петра 1, на месте встречи посольства соорудили деревянный храм, о чем напоминает четырехугольный кирпичный столбик в ограде рядом с главным алтарем. В 1705 году начали строить ту церковь, что мы видим сегодня. Сначала возвели небольшую каменную церковь святой Екатерины с колокольней, а новая Ризположенская церковь строилась уже в непосредственной связи с Екатерининской, предназначенной быть при ней приделом. Затем был пристроен левый предел святого апостола Иакова Анфеева. Были и другие пристройки и реконструкции. Я в этой церкви был раза три. Первое посещение запомнилось на всю жизнь. Оно оставило след в моей голове, а вернее, на моей голове, в полном смысле этого слова. Было, это кажется, в 1939 году. Заканчивалось строительство жилого дома Академии наук СССР, на углу Б.Калужской улицы и Выставочного переулка. Шла отделка. Дом еще был в лесах, на строительной площадке было много всяких остатков строительных материалов, обрезков труб, металлических прутков, проволоки и т.п. А вокруг шла жизнь в том числе, и мальчишеская с её дворовыми и прочими разборками, кулачными и другого рода боями. Уж точно не помню, как и почему, но случилась большая разборка, в ходе которой, наш дом объединился с сороковым и тридцать восьмым и погнал ребят сорок четвертого и выступивших вместе с ними ребят домов проходного двора на эту стройку. Дело было вечером. Погода была теплая. Загнали мы противника на стройплощадку, и пошла сеча, бились, кто, чем мог. Кто бросался щебенкой и осколками кирпичей. Кто вываливал на бежавших по лестничным клеткам и лесам цемент или известку. А кто дрался отрезками труб, прутьев и т.п. Сеча была жуткая, Охрана вызвала милицию. У нас брату Бориса Путинцева – Володьке пробили голову. Почти у всех одежда была в цементе или известке. У многих на лице, руках и на теле были ссадины и синяки у кого-то перелом руки. В таком же положении была и противная сторона. Но у них была и серьезная потеря - кто-то из ребят сорвался с лесов и разбился насмерть. Милиция многих поймала, в том числе меня, Нику, Гусара, Витака, Неруда и Альберта и

даже старших ребят Пономарева и Зайцева. Допросили, составили протокол, вызвали родителей, с которыми и начали разбираться, а нас отпустили. Всем нам дома досталось по первое число. Потом начались разборки в школе на совете отряда, в учкоме, на классном собрании и, наконец, на педсовете. Ну и конечно на родительских собраниях и в родительском комитете. А разбирать то надо было человек 20 – 25, если не больше, ведь почти все участники побоища учились в одной школе только в разных классах. Было возбуждено уголовное дело по смертельному случаю. Но виновника не нашли и дело потом закрыли, правда снимать показания приходили несколько раз. Так что к нашему счастью все обошлось. Надо сказать, что после этого случая разборки прекратились. Но вернемся к церкви и случаю в ней, оставившему след в моей жизни. Погибший мальчик был из соседнего класса нашей школы. То ли родители, то ли бабушка и дедушка решили его хоронить через церковь и поставили гроб в нашей церкви «Ризположения». Нас, нескольких ребят из нашего класса и из соседней «букашки», это не только заинтересовало, но мы хотели, и попрощаться, ведь на кладбище повезут прямо из церкви. Мы отпросились, учителя отпустили, у их воспитанников благородный порыв, как не отпустить, и мы отправились в церковь. Нам бы подумать немного, ведь мы все при пионерских галстуках. Но не подумали, галстуки не сняли. Бывшие в церкви старушенции,не только не дали нам подойти к гробу, но и устроили нам обструкцию и с причитаниями «охальники», «безбожники», «аспиды» начали нас выгонять из церкви. Мы, естественно, начали ретироваться, ну а я угодил под горячую руку какого-то дьякона, а может священника и он, не мешкая, дал мне кадилом по моей вихрастой макушке. Было больно и смешно. А дома оказалось, что у меня кровь, порез и шишка. На этот раз отец сказал, - «Поделом, не суйся, куда не надо». А моя бабушка, узнав, приехала и пошла, разбираться к священнику. Таково было мое знакомство с «Ризположенским» храмом. Второй раз я побывал в храме после войны, когда мать Олега Трушина, с которым я начинал службу в армии, просила меня пойти с ней и поставить свечку по «убиенному на войне». Третий раз я зашел в эту церковь года четыре назад, когда начал писать эти воспоминания, снова поставил свечку и рассмотрел внутреннее убранство. Я уже прочитал кое-что об этой церкви и знал, что там есть роспись икон Богоматери «Взыскание погибших», Донской образ «Божьей матери», «Архистранг Михаил». Сохранились образа: «положения Ризы Господней» в особом киоте, «Иакова Алфеева» с частицами мощей святых, образ «святого Николая» и другие святыни. Я уже не говорю о богатейшей и искусно выполненной лепнине с головками ангелов, позолоченной короной и прочие. Богатейшее убранство.

Как и почему не разорили, не закрыли, сумели сохранить все это, не знаю, ведь это рабочий, пролетарский район, носивший имя Ленина и в ста шагах находились Райком ВКП/б и Райком комсомола. Странно для тех времен. Но факт остается фактом. Церковь была открыта, служба шла, все сохранено, а в войну в 1944 году был и колокольный звон, я слышал его собственными ушами.

Но было и другое, и это другое было в подавляющем большинстве. Излишне говорить о Храме Христа Спасителя, о многих тысячах церквей, в деревнях, селах и городках необъятной Руси. Все это было. Все последствия этого я видел своими глазами. Возмущаться я не возмущался, а вот зачем не понимал и думал, что опять

по русскому обычаю перегнули палку. Ну, вот скажут мне некоторые, «коммуняка оправдывается». Да нет, не оправдываюсь. Я действительно не понимал и не понимаю, зачем нужно было разрушать и закрывать церкви. Ведь все это многовековая культура народа, его достояние, его история. Зачем всё подряд крушить?! Где-то, когда-то, я прочитал о том, как в Москве в одной из церквей, происходило т.н. «изъятие», так это тогда называлось на языке власти, долго вспоминал, где я это прочитал. Еще был жив Паша Серебряков и в разговоре со мной он подсказал мне, что это описано в книге жены О. Мендельштама «Воспоминание». У него была эта книжка, и он прочитал мне. Я записал и привожу это высказывание жены О. Мендельштама, которая оказалась свидетельницей такого «изъятия» в церкви Иоанна Богослова, что на Бронной улице в Москве, - «Мы вошли в церковь, нас никто не остановил. Священник, пожилой, встрепанный, весь дрожал, и по его лицу катились крупные слезы, когда сдирали ризы и грохали иконы прямо на пол. Проводившие «изъятие» вели шумную антирелигиозную пропаганду под плач старух и улюлюканье толпы развлекающейся невиданным зрелищем». Вы обратите внимание «улюлюканье толпы», вспомните Пушкинское «народ безмолвствует», и еще съезды и заседания «громкие и продолжительные аплодисменты, овация, все встают…». Вам все понятно или нужно разъяснять? Народ то ведь один, несмотря на разные времена.

Тогда была революция, хотите называть это переворотом, называйте это ваше право, но от этого ничего не изменится. Был уничтожен старый общественный строй, являющийся, как известно, «базисом», а церковь относилась к «надстройке». Раз уничтожили «базис», значит нужно уничтожить и «надстройку». Вот и уничтожали, в силу своего умения и разумения. Но зачем, уничтожать произведения искусства - ведь роспись церквей, икон, скульптура, лепка, оклады - это многовековое творение иконописцев, художников, скульпторов, зодчих? Какое несчетное количество икон было уничтожено, буквально разрублено в щепки, сколько в Москве, да и по всей стране было снесено, буквально до фундамента церквей! И опять те же самые вопросы, зачем и почему. Наверное, если у меня будет время, я к этому вернусь.

«Изъятие» ценностей. Что же, они бывали и в прошлые времена. Бывало, церковное золото отдавали на спасение страны, как говорил Минин, - «заложим жен и детей». Петр Первый снимал колокола и отливал из них пушки. Есть еще один пример, но я не буду его приводить, чтобы не выпячиваться. А вот примеров того, как наш народ и даже церковь добровольно отдавали свои ценности и сбережения на строительство танков и самолетов во время Великой Отечественной войны, превеликое множество.

Видимо, та толпа, да и вообще большинство народа думало, что это на спасение страны от голода, на строительство индустрии. Многое из «изъятого» на это и пошло, но многое было действительно разграблено и ушло на обогащение нарождавшейся номенклатуры, а многое просто уничтожено.

Вообще всё нужно делать с умом, думать о прошлом и заботиться о будущем, тогда и результаты будут другие.

Далее за храмом расположился Текстильный институт, какие-то домики, пожарная часть, фабрика-кухня завода «Красный Пролетарий», проходная и сам

станкостроительный завод «Красный Пролетарий» И снова мы перед Донским монастырем.

Донской монастырь.

Донской монастырь основан в 1951-1593 годах в память о чудесном избавлении Москвы (в 1591 году), от нашествия крымского хана Казы–Гирея. Наверное, следует упомянуть, что это было время правления царя Федора, и что русской армией в этой битве командовал шурин царя и будущий царь Борис Годунов. После победы над ханом Борис Годунов повелел основать на том месте, где стояли русские полки, монастырь с церковью во имя иконы Донской Богоматери. Предание гласит, что в обозе русских ожидавших врагов стояла походная церковь преподобного Сергия, в который после обнесения городских стен была поставлена икона Донской божьей матери. После сражения, длившегося весь день, Хан, получив отпор русских, бежал, бросив всю свою добычу и оставив весь свой обоз. Поэтому монастырь и назвали монастырем Пресвятой Богородицы Донской, «что в обозе». В монастыре находилась икона Донской Богоматери, написанная Феофаном Греком в 1393 году, потом икона была перемещена в Благовещенский собор в Москве, затем её передали в Третьяковскую галерею. Сегодня в иконостасе Большого собора монастыря находится не оригинал Донской иконы, а её точная копия.

Донской монастырь. Слева, начало 1900-е года. Справа, 2007 год.

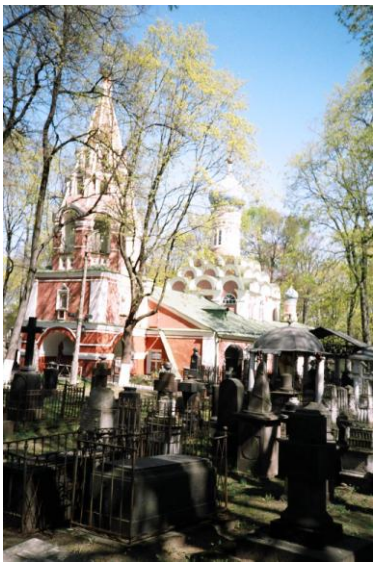
Монастырь был мужским. В состав монастыря входило два собора и семь храмов. Малый собор - в честь Донской иконы Божьей Матери, был построен в 1591-1593 годах, Большой собор - в честь Донской иконы Божьей Матери, построен в 1684-1693 годах. В числе семи храмов были: храм Михаила Архангела, храм в честь Тихвинской иконы Божьей Матери, храм Преподобного Серафима Саровского и другие, Что касается храма Серафима Саровского, то этот храм в 1927 году был перестроен, в первый в Москве крематорий.

В 1686-1711 годах, были возведены каменные стены и башни, стоящие и по сей день. Башни очень красивые по своей архитектуре. В Смутное время и во время войны 1812 года монастырь подвергался разграблению чужеземцами. Удалось

спасти немного, но говорят, что и сегодня там находятся большие церковные сокровища.

Вид на стену и башню, 2007 год.

Вид на Большой собор, 2007 год.



Вид на Малый собор, 2007 год.

Донской Монастырь

Монастырь сегодня как бы пантеон русской славы прошлого. Еще в XVIII веке здесь начали хоронить русскую знать, духовенство, писателей, художников. Здесь погребены: архиепископ Амвросий, генерал-фельдмаршал Н.В.Репнин, князь В.В. Голицын, грузинские царевич и князья Ладиани и Багратионы; писатели: В.Л. Пушкин (1830 г.), П.Я. Чаадаев (1859 г.), А.Н. Аксаков (1903 г.), С.Н. Трубецкой (1905 г.), В.Ф. Одоевский (1869 г.), В.И. Майков (1778 г.) и многие другие, архитекторы О.Н. Бове, Н.И. Козловский, историк В.О. Ключевский (именно его «Курс русской истории» из библиотеки отца я штудировал перед войной, жаль, что эта книга пропала в войну). Здесь могилы московского дворянства и купечеств: Вяземские, Горчаковы, Голицыны, Долгорукие, Оболенские, Салтыковы, Трубецкие, Щербатовы, Хованские, Тешины, Строгановы и другие. Здесь есть могила Салтычихи, которая замучила 195 крестьян - вспомните картину Репина. Похоронен здесь и отец русской авиации Н.Е. Жуковский. В 1925 году нашел здесь свой вечный приют патриарх Московский и всея Руси Тихон. Он погребен в Малом соборе. Что ни фамилия, то страница истории России.

Когда я печатаю эти страницы, список фамилии пантеона пополнился, на мой взгляд, далеко не однозначной фамилией бывшего генерал-лейтенанта царской армии и бывшего командующего Добровольческой армии и Вооруженными силами юга России в Гражданскую войну А.Н. Деникина. Если, по мнению нынешней демократии, это акт примирения и этим можно соизмерить чаши крови с той и с другой стороны в ходе гражданской войны, что же, пусть это будет примирение. Но история упрямая вещь и как ты её в любую угоду не переписывай, она все равно останется историей и с точностью зафиксирует, всё как было. Пройдут

десятилетия, появятся новые Ключевские и Толстые, которые и напишут правдивый курс русской истории и правдивую историю войны и мира.

В 1929 году монастырь был закрыт. Большую часть помещений отвели под квартиры. В 1934 году здесь разместился музей Архитектуры Академии Архитектуры СССР. В середине 80-х годов Советское правительство передало церкви часть помещений. На сегодняшний день, кажется, передали всё и кое-где идут восстановительные работы.

Я уже упомянул выше, что в монастыре был открыт музей Архитектуры. Там была развернута экспозиция русской архитектуры XVIII и XIX веков. Можно было увидеть творчество таких архитекторов как Растрелли, Ринальди, Деламотта, Ухтомского, Воронихина, Захарова, Стасова, Росси, Жилярди, Тона, Каверенги, Казакова, Баженова, Бове и др. Были выставлены проекты Смольного института в Ленинграде, модель Кремлевского дворца Баженова и рисунки М.Казакова, модель Казанского собора - Воронихина, проект Шереметьевской больницы ныне института имени Склифосовского - Каверенги, проект Большого театра, Триумфальных ворот и дома Гагариных на Новинском бульваре – Бове и т.д. Там же можно было увидеть мебель и ткани тех времен.

Кроме этого, в храме Михаила Архангела была устроена выставка надгробных памятников. Время стерло из моей памяти многое из увиденного, но нужно отметить, что там были замечательные по своему исполнению памятники, выполненные такими выдающимися скульпторами XVIII и XIX веков, как Гудона, Мартоса, Гордеева и др.

В 20-30 годы на территорию монастыря свозились фрагменты сносимых московских храмов, среди них были и некоторые фрагменты с храма Христа Спасителя и часть убранства Триумфальной арки и т.д. Все это с большими усилиями было сохранено и впоследствии нашло свое место при восстановлении соответствующих храмов и Триумфальной арки.

До войны мы с ребятами из школы и со двора частенько бывали в Донском монастыре. Там можно было посмотреть скульптурные изображения, полазить по надгробиям и почитать, кто там похоронен; попытаться, если удача будет сопутствовать, забраться на башню или на крепостную стену; шиком считалось забраться на зубец стены, я не пробовал, но говорят, были умельцы. Можно было потрогать руками фрагменты снесенных храмов и Триумфальной арки. Как жаль, что мы не догадались тогда сфотографировать эти моменты. «Пончик», так мы про себя звали нашего учителя рисования и черчения, водил нас туда на выставки и рассказывал о разных архитектурных стилях, известных ваятелях и т п. Вообще приобщал нас, как мог к великому, вечному, одухотворенному Не помню, кто из моих товарищей тех времен был наделен даром рисовальщика, пожалуй, только Юрка Грачев и Женя Барышников. Юрка Грачев был у нас «деревенским» т.е. приехавшим из деревни и он хорошо рисовал природу и избушки они у него были прямо «взаправдошные», а Барышников рисовал тоже, но очень и очень стеснялся своих художеств, особенно рисунков головок и скрывал их. О его художествах я узнал случайно, побывав у него дома. На пианино стоял Гомер, и он упражнялся, срисовывая с него.

Близлежащая округа.

Пора познакомится и с близь лежащей округой. Я имею в виду прилегающие к Донской улице переулки, улицы и Октябрьскую (бывшую Калужскую) площадь. Конечно это не «Кудринская округа», ни по масштабу, ни по архитектуре, ни по истории, ни по культурному наследию. Но, все-таки, это моя вторая «малая родина» связанная с моим становлением и надо ей уделить внимание.

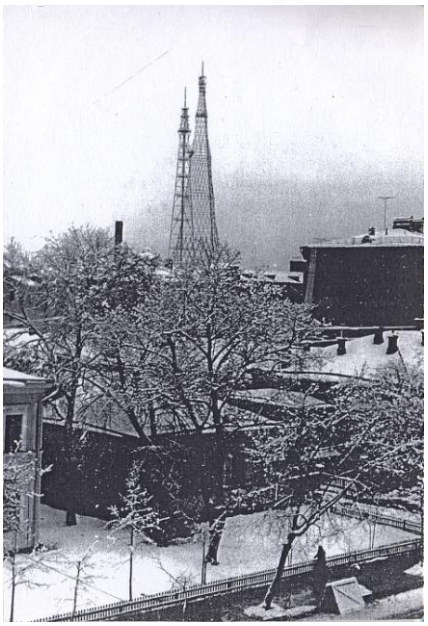
Расскажу об этой близь лежащей округе увиденной мною с крыши нашего пятиэтажного дома. Вообще в 1937-1938 годах, на Донской улице, было 5-6 домов высотой в пять этажей, но это были дома дореволюционной постройки, доходные дома, и они по своей высоте были несколько выше нашего, так как высота потолков в их квартирах была выше, чем в нашем. Все эти дома стояли так, что они практически не закрывали панораму ни в глубину, ни в ширину.

С крыши нашего дома спокойно можно было рассмотреть Большую Калужскую улицу на участке приблизительно от Октябрьской (бывшей Калужской) площади до корпусов Первой Градской больницы и чертова колеса в Центральном парке культуры и отдыха им. Горького, раньше сектор осмотра был больше, можно было увидеть и Нескучный сад. Но строительство жилого дома Академии Наук СССР и комплекса домов по Большой Калужской улице закрыло этот сектор. В другую сторону проглядывались: лента Москва- реки, фабрика «Красный Октябрь» и громадина Дома Правительства на Берсеневской набережной, а за ними в сумерках вечера можно было разглядеть и отблеск Кремлевских звезд. Конечно, вся Октябрьская (Калужская) площадь как на ладони и растекаются от неё в разные стороны улицы: Житная, Мытная со своим стадионом, Коровий вал, Шаболовка и переулки: Конный, Андреевский с «Гознаком» и т.д. Какие названия, что не название то историческая справка о прошлом, Но об этом по порядку.

Свой осмотр, а это было, наверное, в мае 1938 года, я вел из вентиляционной будки, расположенной на чердаке нашего дома и несколько возвышавшейся над крышей, в ней находился ребячий штаб нашего двора. Вооружившись отцовским биноклем (тем самым, что был и на площади Восстания (бывшей Кудринской), я рассмотрел всю округу. И ту её часть, в которой успел побывать, и ту, куда моя нога еще не ступала. Что бы не разрывать последовательность своего повествования, я поведу рассказ, исходя из, увиденного, услышанного, прочитанного и исхоженного своими собственными ножками.

Первое, что мне бросилось в глаза, это находящаяся справа от меня на улице Шаболовка, ажурная стальная башня радиостанции им. Моссовета. Эту башню я видел и раньше, когда ходил на Шаболовку. Её верхнюю часть так же хорошо было видно из окон нашей квартиры, которая находилась на пятом этаже. Башня была возведена по проекту инженера Владимира Шухова после революции и имела высоту 148,3 метра, тогда это было самое высокое строение в Москве. Позже я узнал, что по проекту высота башни должна была быть 350 метров. Но шла гражданская война, в стране был дефицит металла, и пришлось строить по укороченному варианту. Башня Шухова, её еще называют просто «Шуховской башней» была не только уникально своей гиперболоидной конструкцией, но и строили её уникальным способом, без лесов и подъемных кранов. Верхние секции

по очереди собирали внутри нижней и при помощи блоков и лебедок поднимали друг на друга. Сейчас высота башни доведена до 160 метров. Первая радиопередача с башни пошла в эфир в марте 1922 года. С 1938 года башня используется для трансляции телепередач (рядом с этой башней, после войны возвели ещё и малую башню, потом её снесут). В те годы башня считалась важным объектом и её охранял воинский караул. Я это видел это из окон школы на Шаболовке, в которой мы несколько недель учились осенью 1939 года, а недавно на одной из фотовыставок, которые люблю посещать, увидел фотографию, подтверждающую этот факт,- красноармеец в буденовке с винтовкой и примкнутым штыком.



«Шуховская башня», *1950 год.*

«Шуховская башня», *2007 год.*

Местом для возведения башни был выбран огромный сад упраздненного после революции Варваринского сиротского дома. При доме была построена церковь Варвары Великомученицы. Приют и церковь были построены в 1848-1855 годах архитектором М.Быковским, (по его проекту выполнен ансамбль усадьбы Марфино под Москвой) на средства почетного гражданина Алексея Ивановича Лобкова, жертвовавшего значительные капиталы на благотворительность. В момент основания приют был рассчитан на 40 девочек- сирот, где опекаемые помимо полного довольствия, получали начальное образование и навыки домохозяек. Чем не пример для теперешних почетных граждан Москвы, кстати, в те времена «почетный гражданин» был представителем особого класса городских обывателей образованного в 1785 году Екатериной П. и в 1832 году дополненного Манифестом Николая I. Рассказывать об этом долго, поэтому отсылаю интересующихся к 18

тому энциклопедии Брокгауза и Ефрона. В мои времена мало, что сохранилось от сиротского дома и церкви, но то, что осталось, было использовано под помещения радиостанции.

Сама улица Шаболовка (свое название она получила от известного еще с XУП века села Шаблово, расположенного в этих местах), являлось в мое время крупной трамвайной магистралью. Здесь в самом начале улицы расположено трамвайное депо им. Апакова. Отсюда рано утром уходят и сюда возвращаются поздней ночью трамваи разных маршрутов

Трамвайное депо им. Апакова, 2007 год.

Богадельня и приют по сути одно и то же. На Шаболовке, оказывается, таких заведений было три. Одно прямо против трамвайного депо. Называлось оно «Богадельня для престарелых лиц имени С.А. и А П. Тарасовых». Здание богадельни и церковь при ней, получившая название «Воскресение Словущего», были построены в начале XX века, архитектором А. Роопом, а внутри расписано художником Егоровым. Все это делалось на средства бывшего городского головы, - С.А. Тарасова. Интересно, (конечно, я этого не увижу и не услышу!), нынешний городской голова - господин Лужков, даст средства, что бы что-то построить для страждущих или для детей? Боюсь ошибиться, но думаю, что не даст. При богадельне были большой сад, фруктовые деревья, оранжерея, много цветов. В глубине сада была сооружена звонница с 6 колоколами. В мое время в здании приюта размещался Наркомат социального обеспечения РСФСР. Звонницу снесли, крест с купола здания сняли. Люди, бывавшие в здании, говорили, что орнамент на стенах бывшего храма и его куполе сохранился. Сейчас там находится Пенсионный фонд РФ. Говорят, что храм отреставрирован. Но креста на куполе пока нет.

Бывшая богадельня Тарасовых. Ныне, Пенсионный фонд РФ, 2007 год.

На той же Шаболовке, напротив Выставочного переулка, теперь улицы Академика Петровского, стоит здание, отделанное разноцветной глазированной плиткой, с очень красивым крыльцом. Там располагается Наркомат просвещения РСФСР. До революции в этом здании была дворянская богадельня имени С.Д. Нечаева, построенная в 1906 году. Богадельня без церкви не может быть, и там была церковь Архидиакона Стефана с очень богатой внутренней отделкой. Не знаю, что было при Наркомпросе с отделкой внутри здания, а снаружи главку храма сняли. Теперь там то же располагается ведомство, связанное с образованием, что касается прежнего облика то снаружи все по-прежнему, что внутри не знаю.

Что-то у меня с Шаболовкой все перетасовано, идет не по порядку. Пропустил кондитерскую фабрику «Ударница», которая была создана в советское время в 1929 году по приказу того самого «Моссельпрома», о котором упоминал в своем стихотворении В. Маяковский. Не упомянул школу № 584, в которой учился мой сосед по подъезду Леонард Дудкин, Карбюраторный завод, выпускавший карбюраторы для автомобилей марки «ЗИС».

Обязательно надо упомянуть клуб Шпульнокатушечной фабрики им. Дзержинского, который расположился в здании бывшей церкви Живоначальной Троицы. Это одна из стариннейших церквей в Москве. Упоминание о ней в деревянном виде относится к 1691 году, а в каменном к 1747 году, четырехъярусную колокольню построили в 1842 году. В 1930 году церковь начали разбирать, сломали колокольню, снесли шатер храма и иконостас. Сделали в оставшемся строении клуб Шпульнокатушечной фабрики. Показывали кино, устраивали концерты. Проводили собрания и танцевальные вечера. Я там не был ни разу. Вообще в этот клуб ходили только жители Шаболовки и прилежащих к ней переулков. Знаю, что сейчас ведутся восстановительные работы и с 1993 года идет служба.

Церковь Живоначальной Троицы, бывший клуб Шпульнокатушечной фабрики, 2007 год.

Бывшая богадельня имени С.Д. Нечаева. В советские времена, здание занимал Наркомпрос РСФСР. Сегодня, одно из зданий Минобразнауки, 2007 год.

Участок Шаболовки от Калужской площади до Выставочного переулка прямо таки изобилует промышленными предприятиями. Кроме уже перечисленных там находятся Шпульнокатушечная фабрика и Второй подшипниковый завод история которого начиналась в 1916 года с Русского акционерного общества «Шарикоподшипник-СКИФ», За переулком по правой стороне, вплоть до стен Донского монастыря тянутся одно, двух и трех этажные жилые дома и новая школа интересной постройки, в которой в первой четверти 1939 года все ученики нашей школы № 15 будут учиться во вторую смену, а некоторые классы даже в третью, так как в нашей школе будет развернут райвоенкомат. По левой стороне пойдут Хавско-Шаболовские переулки, застроенные новыми кирпичными домами, в которые вселились трудящиеся Москвы, кто в отдельные квартиры, а кто и с подселением.

Оторвал я глаза от Шаболовки и увидел Мытную улицу, расположенную между Октябрьской (Калужской) площадью и Добрынинской площадью (бывшей Серпуховской площадью). Она получила свое название по существовавшему здесь с ХУШ века Мытному животинному (скотопрогонному) двору, на котором взимался «мыт» - пошлина с пригонявшегося в город для продажи крупного рогатого скота и свиней. На Мытной улице за изгибом Конного переулка виднеется зеленовато-коричневое поле стадиона «Труд» и его трибуны. Дело было под вечер, и по полю бегали люди в майках и трусах, гоняя мяч, видимо, шла какая-то встреча футбольных команд или тренировка, на трибунах был народ, но не так чтобы много. В те довоенные годы, мы не раз будем приходить на этот стадион посмотреть, как взрослые играют в футбол, и даже несколько раз в дневные часы погоняем по футбольному полю мяч, это ведь не во дворе, где площадка для игры в футбол раза в два с лишним меньше.

За стадионом, на той стороне Мытной улицы и Андреевского переулка стоят выкрашенные в желтый цвет пятиэтажные корпуса, в одном из которых жил Валька Белкин или в обиходе нашего круга школьных приятелей «сын Эсфири», нашего школьного «завуча». Я уже это знал, так как зимой был у него в гостях, кажется, был его день рождения, и он пригласил нескольких ребят из класса. Такой чести я был удостоен один единственный раз. Мы были слишком разные, и уже в

следующем учебном году мы перестали ладить и постепенно превратились во врагов в буквальном смысле этого слова, Мой отец тоже не ладил с Эсфирь Филипповной, хотя и был при ней Председателем родительского комитета, когда она в 1940 году стала Директрисой.

На другом углу Мытной и Андреевского переулка стоят корпуса фабрики «Гознак». Говорят, что там печатают деньги, чеканят монеты, печатают особо важные «гербовые бумаги», делают ордена и медали. Интересно бы поглядеть на все это вблизи, но это невозможно. Там строгая пропускная система, и вокруг здания по всему периметру выставлена охрана, круглосуточно ходят часовые. Я видел их зимой, они в черных тулупах до пят, в валенках и с винтовкой, ну а летом иногда в шинели, иногда в гимнастерке. Охрана там большая. Мы ходили с ребятами со двора смотреть так называемый «развод караула». Охрану привозят на трех автомобилях, выстраивают напротив центральной проходной, начальник караула и комендант фабрики обходят строй, осматривают каждого «вохровца», что-то говорят, командуют. Они заходят за ворота, и дальше мы ничего не видим. Наверное, они зашли в караульное помещение и вскоре их начнут разводить по постам. Действительно, проходит минут пятнадцать, и на улицу выходит небольшой строй и направляется в сторону постов, чтобы сменить часовых, и так будет повторяться через каждые два-три часа.

За корпусами «Гознака» ближе к Люсиновской улице стоит парфюмерная фабрика «Новая Заря». История этой фабрики начинается с 1864 года, когда французский подданный Г.Брокар создал на этом месте фабрику и стал выпускать дешевое мыло, а затем перешел на духи и одеколоны. Фабрика быстро становится известной не только в России, но и за рубежом. В 1889 году духи «Персидская сирень» получат Первую премию на выставке в Париже. В те времена фабрика носила название «Брокар иКо». До революции фабрика обладала 8 золотыми медалями Всемирных выставок, и была Поставщиком Двора Его Императорского Величества. После революции фабрику национализировали и присвоили ей безликое название «Замоскворецкий парфюмерно-мыловаренный комбинат №5». В 1922 году по инициативе рабочих фабрики ей дают название «Новая Заря», В те довоенные годы фабрика выпускала дешевое и дорогое мыло, одеколоны и духи. На фабрике делали такие знаменитые духи как «Злато Скифов», «Черный ларец», «Голубой ларец». «Каменный цветок» и легендарную «Красную Москву» Подарить духи «Красная Москва», тем более набор «Красная Москва», считалось высшим шиком, и не всякий мужчина мог себе это позволить по деньгам, так как эти духи и набор стоили очень дорого. На углу Люсиновской улицы и Андреевского переулка всегда витал парфюмерный запах.

Если хорошенько присмотреться, то на углу Большой Серпуховской улицы можно увидеть очертания электрозавода им. В.И.Ленина, бывший завод Михельсона, во дворе которого эсерка Каплан стреляла в Ленина. История есть история, и даже сегодня уместно о ней упомянуть. Тогда, в майские дни 1938 года я не мог себе представить, что почти пять лет я проживу во 2-м Щипковском переулке, буквально в 300 метрах от места этих событий, где как сказал поэт,- «Здесь каждый камень, Ленина помнит». И не только Ленина, здесь оказывается, каждый камень помнит Андрея Тарковского. И это я узнал, случайно слушая как-то программу телевидения. Во 2-м Щипковском переулке метрах в 70, от дома в

котором я жил стоял двухэтажный дом, в котором жила семья великого кинорежиссера. Этот дом до революции полностью принадлежал семье, а потом их, как и всех, уплотнили, и у них там была квартира. В этом доме хотели сделать музей Тарковского, но тут появилось упрямое русское «но», и дом вдруг пришел в аварийное состояние. Организаторы музея начали собирать деньги на ремонт и открытие, однако пришло время 90-х годов, развернулся новый «русский капитализм», дом сдали в аренду, а арендатор его снес и начал рыть котлован под новый дом-особняк. Как всегда бывает, вдруг всколыхнулась общественность. Начались споры –разговоры, выяснения отношений, что-то запретили, что-то приостановили, Котлован вырыли, обшили стенки доской, охрана забивает козла а дома так и нет. Вот Вам и музей великого, как его у нас величают Тарковского. Вот Вам отношение и власти и капитала, а они у нас, как известно, срослись, к русской культуре.

Повернул я бинокль немного левее и на Мытной улице через кроны деревьев увидел проглядывающиеся крыши корпусов детской Морозовской больницы, одной из лучших детских больниц в Москве. Как говорится, «Господь меня миловал», в моем детстве меня лечили дома, в больницу я не попадал. Нужно сказать, что я в этом самом детстве переболел почти всеми возможными детскими болезнями, главными из которых были скарлатина и дифтерит, а уж все эти коклюши, свинки, краснухи, бесчисленные ангины и простуды и прочие там зубки и ушки, всё не перечесть. Но всегда меня вытаскивали из всех заболеваний хорошие врачи и добрая милая Мария Исидоровна Токарева, мой тезка дядя Слава- я его по-другому никогда и не называл, и так и не удосужился уже в зрелом возрасте спросить у родителей его фамилию. А еще был у меня постоянный доктор уха, горла и носа, очень миловидная тетенька по фамилии Журавская, не помню точно её имени, но дело не в этом, я звал её Журавушка. И когда у меня появлялись проблемы с этими частями моего организма, я обычно вопрошал, «А когда придет Журавушка?» и когда она появлялась, я говорил: «Здравствуйте, Журавушка». Она погибла на войне. Большое спасибо моим докторам и вечная им память. Ну, и конечно, меня выхаживали и высиживали мама, папа, тетя Ада, бабушка, дядя Володя и няня Груня. Это, благодаря их заботам обо мне в моем детстве, я дожил почти до 80 лет.

Плохо помню, просматривался ли с крыши Коровий вал, улица между (бывшей Серпуховской) Добрынинской площадью и (бывшей Калужской) Октябрьской площадью. С конца XVIII века на рынке в районе улицы велась торговля крупным рогатым скотом (отсюда название). В основном улица была застроена двух-трех этажными домами, большинство из которых были деревянные. Если память мне не изменяет, каменными зданиями там были только почта, музыкальная школа, в которой учился мой товарищ по дому Элька (Леонард) Дудкин, хлебозавод, кинотеатр «Спорт», бывший «Великан» построенный еще перед Первой мировой войной и бывший тогда самым большим в Москве. Этот кинотеатр знаменит еще тем, что в летнее время у него из фойе был выход во внутренний дворик, где находился летний буфет. В этот кинотеатр мы иногда ходили смотреть фильмы. Кинотеатр разбомбили немцы в 1941 году, пострадал и расположенный рядом хлебозавод. На месте «Спорта».был построен новый кинотеатр, но его назвали «Буревестник». За ним на Коровьем валу стояло

огромное здание Универмага, которое торцом выходило на Добрынинскую (бывшую Серпуховскую) площадь.

Повернулся я через левое плечо, и как на ладони увидел Октябрьскую (бывшую Калужскую) площадь. Октябрьской площадью она называлась с 1922 года по 1993 год, потом ей вернули первоначальное название – Калужская площадь. Эта площадь возникла в 1592 году за Калужскими воротами Земляного города. От площади шла дорога на Калугу, отсюда и название ворот, площади и улицы. С конца XУП века на площади шла торговля овсом, сеном, хлебом, скотом. Там же находился Калужский острог. В начале XIX века площадь расширили, она приняла форму круга. Я застал её застроенную двух-трех этажными зданиями с множеством различных магазинов, рестораном и отделением Сбербанка. С крыши хорошо видно как на площади в разные стороны разбегаются трамваи и другой транспорт. Где-то там стоят милиционеры – регулировщики. Они регулируют движение потоков транспорта в семи направлениях. Это очень сложная задача. Вот через площадь начинает движение, транспорт, идущий со стороны улицы Большая Якиманка

Октябрьская (Калужская) площадь в 1930-е годы.

Октябрьская (Калужская) площадь, 2007 год.

К моменту начала моего знакомства с округой с Большой Якиманки сняли трамвай и пустили троллейбус. Так что по Якиманке до Малого Каменного моста, в кинотеатр «Ударник» мы ездили на этом виде транспорта и предпочитая экономить деньги, устраивались на заднем бампере троллейбуса. Улица вела от Калужской площади к Якиманской набережной, и далее к Малому и Большому Каменным мостам и к Кремлю. Кроме уже названного кинотеатра «Ударник» на улице Серафимовича, там будет Первый Детский кинотеатр в так называемом. «Доме Правительства» на Берсеневской набережной. В народе, после выхода в свет, в 1976 году, повести Юрия Трифонова,-«Дом на Набережной»,- этот дом тоже окрестили «Дом на Набережной», Маршрут в кинотеатр «Ударник» вся ребятня Донской округи знала наизусть. Куда идет улица Большая Якиманка мы знаем, а откуда это название? Вообще первоначально эта улица называлась Калужской, она разделяла Кадашевскую и Голутвину слободы. С XVIII века получила название Якиманка по построенной там церкви Иоакима и Анны.

Вид на Большую Якиманскую улицу со стороны Большой Калужской площади, 2007 год.

На этой улице моё внимание привлекает так называемый «Дом Игумнова» и расположенная напротив него церковь Иоанна Воина. «Дом Игумнова» построен для купца Н.В. Игумнова в 1889—1893 годах. Это очень интересное здание, похожее на терем-дворец кирпичной постройки. Дом этот меня поражал своей

керамической декорацией, кирпичной фигурной кладкой, металлической ковкой и литьем ворот и верхней части ограды, за которой просматривались еще два флигеля и теннисный корт. Говорят, что внутри здания была роскошная отделка, резьба по камню, дереву, живопись и лепнина. После революции там размещались то клуб фабрики «Госзнак», то Институт переливания крови, то Институт мозга. И, наконец, здание отдали под посольство Франции. Мне последнее решение нравится, как впрочем, и флаг Франции, развевающийся над зданием. Всё таки это вселяет надежду на сохранность памятника русского зодчества, да и напоминание о Республике и Демократии, Наполеоне и Робеспьере, Людовиках и де Голе и, конечно же о «Маках» и об эскадрилье «Нормандия- Неман».

Церковь Иоанна Воина тоже поражает. Во-первых, её построили по личному указанию Петра I в ознаменование победы над шведами под Полтавой. Во-вторых, её не закрыли, не разграбили. В ней все годы Советской власти шла служба. В - третьих, это один из шедевров московского зодчества с фасадом типа барокко и изразцами. Кроме того, церковь обнесена оградой с ажурными коваными решетками. В мое время там вокруг были всякие строения, заслонявшие церковь. Сейчас после реконструкции Большой Якиманки и прилегающих к ней кварталов красота церкви открылась по-новому, и хорошо смотрится и с Калужской площади и с Крымского моста. Подумал, а можно ли сегодня увидеть церковь с крыши нашего дома? Думаю, что нет, так как все горизонты закрыты высотками в начале Большой Калужской и Донской улиц. Остается сказать только то, что в церкви хранятся большие святыни Русской Православной церкви, в частности икона Владимирской Божьей Матери, великомученицы Варвары, образ преподобного Серафима Саровского и многое другое. Но говорить об этом дело специалистов и верующих.

Вид на церковь Иоанна Воина, 2007 год.

На Большой Якиманке тогда было несколько доходных домов, построенных в начале века, и несколько домов-особняков, в одном из которых находился Военкомат Ленинского района, а в другом институт, которым руководил отец Николая Прокофьева, моего товарища по подъезду в доме на Донской улице.

Больша Якиманскиая улица начиналась с Якиманской набережной, а на Калужскую площадь выходили её последние дома. В последнем доме, с левой стороны от площади, в двухэтажном доме, помещалась аптека, в которую вся округа ходила за лекарствами. С правой стороны, стояло несколько домов, выстроенных как бы в каре, и разделявших Якиманку с Житной улицей. За этими домами, выходя лицевой частью фасада на Житную улицу, а торцом на Большую Якиманку стоял собор Казанской богоматери у Калужских ворот. Церковь эта была построена в 1694 году. Закрыли её в 1927 году, В 1929 году отдали Горной Академии под музей. Разобрали колокольню и ограду. В1933 году открыли там кинотеатр «Авангард». А в апреле 1972 года это «культурно-просветительное заведение» снесли в связи с приездом в Москву Президента США Ричарда Никсона, дабы не портить впечатления неказистым видом на проезжей магистрали. В этом кинотеатре я провел не один сеанс, многие десятки картин будут просмотрены там, в 1937-1960 годах. И хотя зал там был не очень удобным, это скрашивалось двумя большими фойе, в одном из которых посетители ждали начала сеанса, а в другом они могли послушать оркестр или джаз, а также певцов. Конечно не ахти, но все же. Послушают и похлопают, но мне всегда казалось, что это из вежливости, так как исполнение явно страдало. Но так было не во всех кинотеатрах. В «Ударнике», «Художественном», «Первом», «ЦПКиО», «Метрополе» все было на высоте.

Перешел я на другую сторону будки, и мне открылась Большая Калужская улица. В начале Большой Калужской улицы, за небольшими, ничем не примечательными домами, в первых этажах которых размещались различные торговые и бытовые заведения, расположились здания, в которых размещались два

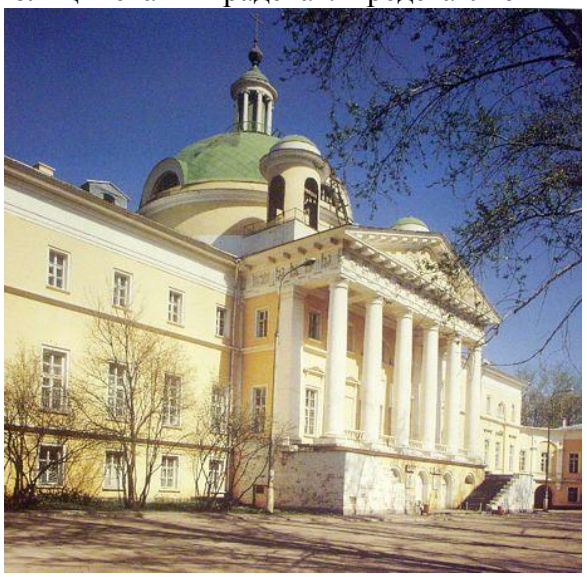
престижных московских высших учебных заведения – Горный институт и Институт стали им. И.В.Сталина.

Вид на здания Института стали и Горного института, 2007 год.

Немного из истории владений, на которых разместились эти институты.В XVIII веке в этих местах находилось мусульманское кладбище, пришедшее в запустение. В 1799 году этой территорией завладел граф А.Г. Орлов-Чесменский передавшей её затем своему шурину Д.Н. Лопухину. Лопухин в начале XIX века построил на этих землях большой дом, по проекту архитектора А.Н.Бакарева, ученика великого А.Ф. Казакова. Тогда недвижимость тоже продавали, и в1809 году дом и землю купила богатая дворянка А.П. Полоторацкая. Известно, что в 1812 году после изгнания Наполеона, здесь был первый бал в городе, а в 1814 году дворяне устроили там грандиозный торжественный вечер по случаю взятия Парижа русскими войсками. В 1832 году владение купило Московское Купеческое общество для устройства дома призрения за инвалидами и воспитания отпрысков несостоятельных родителей. В 1834 году здесь открылось отделение Андреевской Богадельни на 100 человек, а в 1835 году, мужское мещанское училище, а затем и женское мещанское училище. Строение тогда выглядело так: главный корпус двухэтажный с трехэтажной центральной частью и боковыми двухэтажными, в центре здания величественный портик из восьми приставных колон. При училищах была домовая церковь. Александра Невского, говорят, она славилась, своим иконостасом, Был там и еще один храм Петра и Павла, его построили в 1872 году, и служил он только для отпевания. После революции корпуса училищ были переданы Горной Академии, церкви просуществовали до 1925 года, когда были ликвидированы. В 1931 и в 1935 годах здания надстраивали, а в 80-е годы была грандиозная реконструкция. Я никогда не бывал в этих зданиях, хотя тысячи раз проходил и проезжал мимо них. Один раз, это было в декабре 1937 года, я смотрел и слушал, проходивши у входа в Горный институт митинг, посвященный встрече с кандидатом в депутаты Верховного Совета СССР Иваном Ивановичем Гудовым. Это были первые всеобщие выборы в Советском Союзе, когда народ выбирал своих депутатов в высшей орган власти страны. Тогда народ именно так это понимал, ведь по нашему избирательному округу он выбирал простого рабочего, фрезеровщика станкостроительного завода им. С. Орджоникидзе, который в 1935 году применив новую технологию, выполнил норму на 410% и положил начало движению скоростного резания металла. На митинг собралось большое количество

народа, шли делегациями от заводов, фабрик и других организаций. Присутствовали студенты не только этих двух институтов, но и других институтов. Двор институтов не мог вместить такую массу людей, и народ плотно стоял на улице, милиция перекрыла движение по Большой Калужской улице. Перед центральным подъездом Горного института была сооружена высокая трибуна, над которой были портреты Ленина и Сталина, а на трибуне стояли Гудов и с десяток людей. Все они выступали и говорили о стране, о великих стройках, достижениях в народном хозяйстве, рассказывали о кандидате в депутаты, какой он замечательный рабочий человек и что он не подведет и оправдает доверие народа. Славили страну, партию большевиков и Сталина. Потом выступал Гудов, рассказывал о себе, о своей работе, благодарил за доверие и обещал его оправдать. Все это транслировалось через мощные усилители на весь двор и улицу. А я с ребятами из моего класса в школе Юрой Титовым и Левой Карповым, стоял на крыше какого-то сарая, на противоположной стороне и смотрел на все происходящее, нам было интересно. Как бы к месту было поговорить о выборах, демократии, «управляемой демократии», но это может меня далеко занести, возможно, я к этому ещё вернусь, хотя я обещал в политику не ввязываться.

Почти сразу за корпусами институтов начинается каменная с чугунными решетками ограда, за которой расположились корпуса Первой Градской больницы, это тогда и теперь она так называется, а раньше там было две больницы. Голицинская и Градская. Представляет интерес история их возникновения.



Первой появилась Голицинская больница. В 1795 году территорию площадью в 18.7 га с садом и прудами князь А.М. Голицын купил у графаА.Г.Строганова. Если стать на углу Выставочного переулка теперь улица Академика Петровского,то на противоположной стороне перед нами прямо будет вход в Парк им. Горького, а правее его как раз и будет территория бывшей Голицинской больницы. Вот на этой территории на капитал, который завещал известный русский дипломат Д.М. Голицын, бывший долгое время послом России в Вене, Париже и Нидерландах, и построили больницу. Она построена по проекту М.Ф. Казакова в стиле городской усадьбы, заложена в 1796 году и открыта 1802 году. Знатоки утверждают, что это одно из лучших творений Казакова. Позади здания Казаков разбил великолепный парк, который простирался до Москвы-реки и оканчивался каменной набережной с двумя беседками-ротондами по сторонам. В парке была также построена картинная галерея, в ней хранилась собранная князем коллекция живописи, завещанная князем потомкам, заметьте не наследникам, а потомкам. Вот бы в теперешние времена богатейшим из богатейших оставлять такие завещания и строить больницы, так нет же капиталы в иностранные банки и кукиш с маслом России. Что

поделать, не те времена и не та знать. Это была первая в Москве общедоступная художественная галерея, но просуществовала она не долго, позже её перестроили в больничный корпус. В то моё время и сегодня этот парк входит в состав Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, беседки сохранились, до сегодняшнего дня, а тогда мы с отцом и мамой любили в них заходить и смотреть на Москва-реку.

В те далекие времена больница имела 96 бесплатных коек, 2 платных номера стоимостью от 100 рублей до 150 рублей в месяц, амбулаторию для приходящих больных с оплатой 20 копеек за совет, 10 копеек за лекарство, прием был по специальностям. Имелись родильный приют на 28 кроватей из них 3 платные по 50 рублей за две недели, аптека с правом вольной продажи лекарств, богадельня для неизлечимых больных на 108 человек. В уставе больницы, было записано: «все бедные и неимущие обоего пола люди принимаемы и лечены будут безденежно, кроме достаток имеющих». Не мешало бы и сегодня в устав всех лечебных заведений записать аналогичное правило, а государству потрясти свою мошну, да урезать непомерные потребности элиты и за счет высвободившихся средств финансово закрепить это правило. При больнице была церковь Святого Благоверного царевича Дмитрия, построенная в то же время. Она размещалась в центре главного корпуса. Отделка и иконостас церкви были выполнены М.Ф. Казаковым, а живопись Скотти. В 1836 году в обновлении церкви участвовал Жилярди. В церкви находилась и усыпальница князя Д.М. Голицына, которого похоронили здесь по его завещанию. После революции Церковь закрыли, а кресты с куполов сняли. Сегодня кресты на месте, церковь работает, служба идет.

Второй появилась Первая Градская больница сооруженная в 1828-1832 годах архитектором О.И.Бове, это была первая общедоступная больница Москвы, созданная на средства городского самоуправления. Раньше на этих землях были владения А. Иванова – сподвижника Петра I. В 18 веке они перешли к известной помещице Салтычихе, потом были куплены вельможей Екатерининских времен графом А.С. Орловым-Чесменским, и, наконец, в 1828 году эти земли приобретает город для устройства больницы. При начале строительства больницы была заложена табличка, на ней надпись: «Заложено сие здание для одной больницы на 450 кроватей по соображению лейб-медика Лодера и по планам архитектора Иосифа Бове». Кто такой этот Христиан Лодер? Оказывается, он был главным хирургом русской армии в Отечественной войне 1812 года и профессором Московского университета (читал я об Отечественной войне 1812 года многое, а такой фамилии не встречал, теперь буду знать). Бове - тоже интересно: в закладной табличке он Иосиф, а во всех советских изданиях Осип Иванович. Но Бове - это целое созвездие замечательных творений в Москве: реконструкция Красной площади в 1815 году, создание Театральной площади с Большим театром 1821-1824 годы, Александровский сад 182о-1822 годы, Триумфальные ворота 1827-1834 годы (те которые теперь стоят на Кутузовском проспекте), и, наконец, Первая Градская больница. Ансамбль очень впечатляющий, сходите, посмотрите, а в

сочетании с Голицынской больницей Казакова, это грандиозный памятник русского зодчества. В мое время и теперь это все называется Первая городская клиническая больница им. Н.И.Пирогова, хотя народ зовет её просто « Первая Градская», При этой больнице, так же, как и при Голицынской в центре главного здания была церковь носившая название Марии Магдалины. Название связывают с именинами императрицы Марии Федоровны, жены императора Павла I. На фронтоне главного корпуса, как раз под куполом церкви, красуется надпись «Первая Градская». В 50-е годы в больнице шла реставрация, которая затронула и помещение церкви, там сделали конференц-зал, тогда многие скульптурные изображения, колонны сохранили, а стены одели в белый мрамор. Я бывал в этом здании, но уже в 60-е годы. Там в травматологии лежала моя мама, очень большие палаты, было чисто и хороший уход, и что самое главное, хорошие внимательные врачи сестры и нянечки. Люди говорят, что теперь иные времена. В конференц-зале, бывшей церкви, я был дважды. Один раз меня туда завел посмотреть Игорь Кучинский, мой хороший друг, работавшей в этой больнице в отделении «гемодиализа», а другой раз меня привела туда печальная обязанность присутствовать на его похоронах. Вообще об Игоре нужно сказать пару слов.

С Игорем мы познакомились летом 60-го года в Крыму, в Мисхоре, в пансионате. Сошлись мы сразу и вскоре наши отношения переросли в дружбу. Нас многое сближало и почти ничего не разъединяло. Оказалось, что у родителей Игоря была дача в Загорянке, а мои родители года три или четыре, снимали там дачу, и нас разъединяло буквально три-четыре просеки, возможно, даже мы виделись на какой-либо спортплощадке. Мы бережно относились друг к другу и не пытались навязывать свое мнение. Вообще мы много говорили об истории нашей родины, оба достаточно хорошо знали прошлое, по старым книгам. Я дал ему прочитать Историю России в XIX веке, а у него взял прочитать сочинения графа Витте. Покопаться в истории была наша излюбленная тема. Когда мы познакомились, его родители уже умерли, а у меня была жива мама, они друг другу очень понравились. Его отец был русским инженером, он никуда не уехал, никого не бросил, он не был в партии, но был директором электрозавода в Москве, его дважды арестовывали, в 1930 по делу «Промпартия» и в 1938 и дважды выпускали и восстанавливали в должности, он умер еще до войны, сказались аресты. Мать была врачом и до самой смерти работала в поликлинике им. Дзержинского в Китайском проезде, она умерла в конце 50-х годов. Игорь перед войной окончил школу и поступил в медицинский институт, в 1942 году его призвали в армию, он был на фронте, получил тяжелое ранение, был комиссован. Он поступил в институт международных отношений, женился, на какой-то вечеринке или где-то еще, он, что-то сказал. Нашелся «стукач», который «стукнул», Игоря арестовали и дали 10 лет. Жена от него отказалась, хотя потом требовала деньги на содержание дочери. Ему повезло в лагере, начальство учло, что он был в медицинском, и определило его в медпункт, а это более-менее привилегированное место в лагерях, так в фельдшерах Игорь и пробыл до освобождения в 1954 году, вычеркнув из плодотворной жизни почти шесть лет. Он рассказывал разные истории из той жизни, чертыхал «усатого», но дальше этого не заходил. Он для себя четко определил грань возможной критики, которую переступать нельзя. Как это ни странно, но мы говорили о будущем, о том, что мы будем делать, когда уйдем на

пенсию, хотя нам далеко еще не светило. Ну, а почему не помечтать? Мечтали мы еще о том, что вот прейдет время, Игорь станет академиком и откроет свою клинику, а я буду у него замом по организационным и хозяйственным вопросам и мы построим нашу больницу за городом на берегу реки или озера. Да, мечты как они сладки и как далеки и несбыточны. Кто мог подумать, что он умрет в расцвете своих творческих сил? Кроме язвы желудка, он ни на что не жаловался. Регулярно играл в теннис, он был кандидат в мастера и в молодости встречался с Николаем Озеровым, неоднократным чемпионом СССР по теннису начиная с 1939 года и по-моему чуть ли не в течение 20 лет. А играли они еще с Загорянки, где была дача у Озеровых и у родителей Игоря. Кстати отец Николая Озерова - известный певец Большого театра, Народный артист РСФСР. У Николая был брат Юрий Озеров известный советский кинорежиссер, у него много кинолент, но я назову только одну «Освобождение» - киноповесть о Великой Отечественной войне. Николай Озеров был спортивным комментатором Всесоюзного радио и его знаменитое «Гооол» наверное, лет тридцать звучало в его репортажах с футбольных арен, а еще он играл в футбол за городскую команду «Спартак», и был артистом МХАТа. Дача Озеровых славилась на всю Загорянку тем, что при ней был теннисный корт и ещё тем, что летом дача буквально утопала в разноцветии цветов, сходили одни, расцветали другие, одни краше других. Я это знаю не понаслышке, мы года три снимали там дачу, и ходили, как и многие другие смотреть на это чудо. У родителей Игоря дача была скромненькая и маленькая, две небольшие комнатки, кухонька, терраса и соток 8-10 земли с кустами сирени, было немножко цветов. Когда я начал бывать на этой даче, я соорудил там две клумбы, и мы засадили их различными цветами. Ну, вот опять меня занесло, вернемся к Игорю. Он отдыхал в Сочи, вернулся в Москву, на другой день поднялась высокая температура, его госпитализировали в ЦКБ, диагноз – воспаление легких. Недели через три он пошел на поправку. В один из дней после так называемого «тихого часа», сестра принесла ему градусник померить температуру, а он читал сборник, чьих то стихов, поставил градусник, сестра присела, он продолжил чтение теперь вслух, и вдруг на полуслове замер, рука рухнула на грудь, а книжка на кровать. Смерть наступила мгновенно. Сестра закричала, кинулась за врачами. Те сбежались. Но доктора медицинских наук, профессора Игоря Николаевича Кучинского не стало. Не стало человека со сложной судьбой, перенесшего аресты отца, войну, тяжелое ранение, исключение из престижного ВУЗа, свой арест, повторное поступление после освобождения в медицинский институт. Он работал и учился, его заметил профессор Пытыль, взял к себе, в 1960 году он получил диплом, остался у Пытыля на «искусственной почке» и защитил в 1962 году кандидатскую диссертацию, стал кандидатом медицинских наук, а через три года защитил и докторскую диссертацию. Он в полном смысле этого слова был врачом от бога, был добрым, внимательным, отзывчив. На его похороны пришло множество народу тех, кто прошел у него «гемодиализ», тех, кого он буквально вытаскивал с того света, и они завалили его гроб цветами и омыли слезами. И я тоже, отдал дань памяти, еще одному своему другу, сожалею, что он не был моим другом с детства.

После корпусов Первой Градской больницы, прямо напротив Выставочного переулка находился вход в Парк Культуры и Отдыха им. Горького, со стороны Большой Калужской улицы. Там были, какие то ворота, калитки через которые

посетители проходили в парк, предварительно купив билеты в расположенных рядом кассах. Сразу у входа была детская площадка, зимой каток для детей, а в стоявшем там здании были какие-то кружки. Когда началась трансляция телевидения, в 1938 году, на втором этаже этого здания поставили телевизор и показывали передачи из телестудии на Шаболовке. Именно там я впервые познакомился с телевидением. Но вспомнить, о чем были передачи, я при всем моем желании не могу.

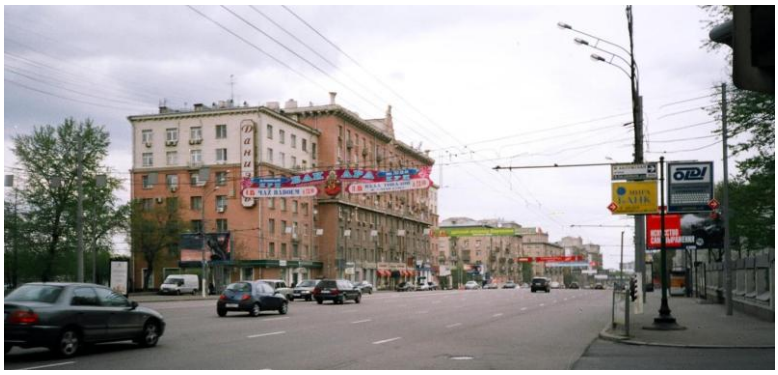
Далее по четной стороне улицы располагались корпуса Второй Градской больницы(теперь Первая и Вторая Градские больницы составляют единый комплекс-Первая Градская больница. Н,И. Пирогова). Представляет интерес история местности, на которой находилась Вторая Градская больница. В начале XIX века там была суконная фабрика М.И Титова. После пожара 1812 года, Титов на этом месте построит несколько каменных и деревянных зданий, а для себя дом. За домом будет большой сад, спускавшийся к Москве-реке. При создании Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького, большая часть территории этого сада, который тогда будет называться Шербатоским, отойдет к парку. В 1840 году Титов всё свое владение продал городу. Город устроил в одном из корпусов арестный дом «Титы», который был не менее знаменит чем «Яма». Вспыхнувшая в 1866 году эпидемия тифов вынудила городские власти открыть в помещениях бывшей фабрики временную больницу, которая потом и превратилась во Вторую Градскую больницу носившую с начала XX века имя Городского головы князя А.П.Щербатова. Одно из зданий уже объединенной больницы, на этой территории, занимала клиника «Урология», отделением «Гемодиализа» которым руководил Игорь Николаевич Кучинский.

Вид на главное здание бывшей Второй Градской больницы. Ныне, один из корпусов Первой градской больницы, 2007 год.

Клиника «Урологии» Первой Градской больницы, 2007 год.

В те годы на Большой Калужской улице происходили разительные перемены. По обеим сторонам сносились деревянные дома, строилось сразу нескольких многоэтажных домов, Строительство велось поточно-скоростным (конвейерным) и в рекордно короткие сроки там вырос ряд новых жилых домов, это было 1936- 1940 годах. Ну, а я виду свой рассказ из 1938 года и тогда, заборы

этих строек стояли еще по улице и стороны Нескучного сада. В некоторых из них, тогда уже жили люди.



Ленинский проспект, бывшая Большая Калужская улица, дома постройки 1936 -1940 годов. Фотография 2007 года.

Пройдем еще сотню, шагов и между этих заборов возникнут белокаменные ворота. От них идет парадная подъездная аллея, ведущая к так называемому Александрийскому дворцу, который является центрообразующим по отношению к Нескучному саду. Этот сад еще назывался и Александрийским. Без рассказа об истории возникновения этого сада не обойдешься. Нескучный сад - старейший парк Москвы. Он протянулся от Зеленого театра в Парке им. Горького до моста Московской окружной железной дороги. Здесь до сих пор сохранился ряд архитектурных памятников XVIII-XIX веков: дом П.Г. Демидова, одного из продолжателей металлургической династии, построенный в 1756 году, домик графа А.Г. Орлова (командовал русской эскадрой в Средиземном море, за победу у Наварина и Чесмы получил от Екатерины II титул Чесменского, читайте «Княгиня Тараканова» Г.П.Данилевского) построен в 1796 году, домик с ротондой, трехпролетный арочный мост, грот. Нескучный сад, в границах моего детства, да и в сегодняшних (хотя на него идут покушения, и мне кажется, что какую-то часть сада уже «новые русские» оттяпали под свои дела), состоит из: Александрийского дворца, названного так в честь жены Николая I Александры Федоровны, (это владение Николай I купил в 1830 году для своей жены), имения «Нескучное», которое было куплено у князя Шаховского и имения князей Голициных, Кроме этого графиня Орлова преподнесла в дар императрице свое имение со зданием дворца. Все это вместе взятое, получило название Александрийского или Нескучного сад. Здесь Дворцовое ведомство возвело ансамбль императорской резиденции, который включил в себя и уже существовавшие постройки. Центром ансамбля является особняк П.А. Демидова. Парадный двор с чугунным фонтаном в центре и насаждениями обрамляют: восточный флигель и западный флигель. Несколько поодаль расположились, - манеж и конюшня, кавалерийский корпус, фрейлинский корпус, кухонный корпус, гауптвахта. Все это обнесено оградой в стиле XVIII века. Конечно, во дворце была церковь, как же без неё, названная – Александра Царица. В 1934 году в сад дворца перенесли и установили, фонтан со скульптурой, работы И. Витали, который раньше стоял на площади Дзержинского (Лубянка). В саду расположены: чайный домик, летний домик, ванный домик у

пруда, охотничий домик, грот, большой арочный мост через овраг, средний и малый мостики. Был еще огромный ботанический сад с пятью тысячами видов растений. Все, что я перечислил, за исключением ботанического сада, сохранилось до наших дней. После революции во дворце был музей мебели XVIII-XIX веков. С 1935 года во дворце находился Президиум Академии Наук СССР, а с 1991 года Президиум Российской Академии Наук.

Бывший Александрийский дворец. Парадный въезд.

Бывший Александрийский дворец. Фонтан перед дворцом.

Бывший Александрийский дворец.

Бывший Александрийский дворец. Кавалерийский и Фрейлинские корпуса.

Особо хочется отметить еще одно строение в ансамбле Александрийского дворца, это манеж. Его архитектурное оформление говорит об изысканных вкусах его создателей и владельцев. Еще бы, ведь это манеж царской семьи! В 1936 году в этом здании была произведена внутренняя перепланировка и там открыли Музей минералогии Академии Наук СССР им. Карпинского, который перевели в Москву из Ленинграда. Там он находился в составе Музея «Кунсткамера» и был создан по приказу Петра I. Не знаю, почему, но в последующие годы музею присвоили имя академика Александра Ферсмана, именно так именуется этот музей уже много десятилетий. А.Ферсман величайший минералог. Он знаток драгоценных и поделочных камней. У него есть книга «Занимательная минералогия» изданная в 1930 году, эта книга имелась в нашей домашней библиотеке и сохранилась до сих пор. В ней замечательные рассказы о различных породах камней. А в самом музее в шкафах за стеклом многочисленные экспонаты: метеориты, минералы самых разных цветов и видов, кварцы, кристаллы топаза, аквамарины, сталактиты и т.д. и т.п. Все это надо видеть своими глазами и насладиться этой несказанной прелестью. Если читающие не были в этом музее, советую сходить, ну а детям обязательно надо это показать. Ведь есть люди, которые собирают различные камни, порой находят очень редкие и ценные. Может быть и Ваши дети, внуки, правнуки заболеют этим хобби. Кроме пользы и развития это ничего другого не принесет.

Все постройки входящие в комплекс Александрийского дворца я видел вблизи и не один десяток раз. Все они кроме дворца и манежа с конюшней, т.е. флигели, фрейлинский, кавалерийский и кухонный корпуса, гауптвахта при советской власти были перепланированы под жилые помещения и в образовавшихся квартирах проживали жильцы. Не знаю как теперь, но в мои детские времена было так, и в одной из таких квартир жила учительница нашей школы № 15, Анна Ивановна Курочкина и её племянница Ирка Чуркина, которая училась в одном классе со мной и у своей тетки. Анна Ивановна была учительницей начальной школы, вела наш класс и естественно была и классным руководителем. Она была молоденькой, слегка кокетливой и с хорошей фигуркой, поверьте, в последнем мальчишки в любом возрасте разбираются. Вот бывает же в жизни так, что фамилия полностью соответствует человеческой сущности. Анна Ивановна Курочкина, как хорошая наседка, кудахтала над нами до 5 класса, оберегала, опекала, учила, проводила с нами многие часы после занятий. Она очень следила за своим внешним видом. В школе была строго одета, черный костюм и белая шелковая кофточка. А когда шла с нами в театр, была одета в нарядные платья, хорошо запомнил, что они не повторялись. Была Курочкина-«курочкой», как мы её про себя звали. О ней я еще буду упоминать. А вот её племянница, Ирка Чуркина, была в полном смысле этого слова-«чуркой». Кроме того, что она всеми

силами пыталась походить на свою тетку она ничего не умела, уметь не хотела, а в знаниях была не чуркой, а просто пень или не бум-бум. Так случилось, что в какой то день Анна Ивановна не пришла в школу, заболела. Нам дали замену, пару уроков мы проучились, и нас отпустили. На следующий день все повторилось. И вот когда мы уже уходили из школы, девчонки решили идти проведать Анну Ивановну. Мальчишки узнав об этом почти все присоединились. Теперь представьте себе: толпа мальчишек и девчонок, человек так тридцать с лишним с портфелями шествует по Донской улице, Выставочному переулку и Большой Калужской к зданию Академии Наук СССР, т.е. к Александрийскому дворцу в Нескучном саду. По пути мы все скинулись, сколько, кто мог, и купили своей «училке-курочке» пирожных. Сами то мы не знали, где она точно живет, вела нас туда Ирка Чуркина. Могу себе представить, что чувствовала тогда наша «чурка», во главе всей этой толпы. Девчонок, сбившихся в несколько стаек. Нас мальчишек, то обгонявших их, то отставших, чего-то обсуждавших или рассказывавших, размахивающих своими портфелями и вдруг ни с того ни с чего обрушивающих эти самые портфели на спины, а то и на головы друг друга. Наверное, думала, что она, чуть ли ни «Орлеанская дева», ведь на меньшее она, не смотря на свою тупость и никчемность, согласиться, не могла, ведь что там не говори, а была она девчонкой красивой и для своего женского пола довольно смелой. Входит, наконец, вся эта толпа на парадную аллею, около фонтана поворачивает к левому флигелю и останавливается около входного крыльца. Чуркина скрывается за дверью и вот на крыльце, в накинутой на плечи белой шали появляется домашнее создание в образе Анны Ивановны, взмахивающей, руками с концами шали, как наседка взмахивает своими крыльями над своими птенцами. Ну, чем не «Курочка»? «Курочка», что-то кудахчит, благодарит. Все прекрасно понимают, что такую ораву в доме она принять не может. Мы дружно желаем ей поправляться, девчонки передают пирожные. «Курочка» кого-то целует и говорит, что всех целует, подзывает кого-то еще для этого дела. Звучит громкое- «Вы..здо..рав..ли.. вай.. те!», «До.. сви.. да.. ния!», и наша толпа поворачивает к выходу. Я ничего не выдумал, ничего не приукрасил. Скажите мне, в сегодняшние времена может такое быть, в третьем четвертом классе?

Я, конечно, мог бы свой рассказ приукрасить и сказать, что после этого посещения я с кем-то отправился в Нескучный сад. Но я этого делать не буду. О Нескучном саде будет отдельный разговор, так как он входит в состав Центрального парка культуры и отдыха им. М. Горького.

По нечетной стороне Большой Калужской улицы в основном была малоэтажная застройка. Среди всех этих зданий можно выделить разве, что здание бывшей 14 школы, я об этом здании уже упоминал. Так вот, оказывается в этом здании, до революции был детский приют княжны Марии Максимилиановны, как и полагается с домовой церковью, имевшей название «Взыскания погибших». Приют был создан на средства совета детских приютов и частично на пожертвования А.Маркова. Что там было после школы, я упоминал, ну а потом там вырос небоскреб из бетона и стекла под названием Госстандарт СССР. В те годы, на углу Выставочного переулка и Большой Калужской улицы строился большой и комфортабельный дом для работников Академии Наук СССР и еще строилась тройка домов перед корпусами Пятой Советской больницы. Судьбе было угодно

свести меня с одним из жителей этих домов после войны. Он был замполитом части, в которой мы вместе с ним служили. Был он в годах, а пришел к нам подполковником. Молва о командирах частей и их замах, шла вслед за ними. Перемещались они по службе, и какое бы расстояние не было, кто он и что он узнавали на новом месте службы, не только из его слов при представлении. Но и из молвы пришедшей вслед за ним. Так и мы узнали, что Ширяев, до войны был в звании дивизионного или бригадного комиссара (точно не помню) и по роду своей службы отвечал за противовоздушную оборону Москвы. Конечно, ее крепили, конечно, там учили стрелять по целям и поражать их, конечно, вся страна от мала до велика, готовилась к войне, но воевать мы думали на территории врага, а не на своей. И конечно все военные начальники заверяли, что врагу мы спуска не дадим. Ведь пелось же в песне, «…чужой земли, мы не хотим, но и своей не отдадим ни пяди…». Известно, что все получилось не так. Руководители ПВО Москвы тоже заверяли, что в небе над Москвой не будет фашистских самолетов, что ни один немецкий самолет не прорвется к Москве. Однако, немцы прорвались и начали бомбить Москву. Сталин метал гнев и молнии. Кого-то сняли, кого-то посадили, не могу сказать расстреляли или нет кого-то, не знаю, а кого-то разжаловали или понизили в звании. Так вот Ширяева понизили в звании до майора и за всю войну он так и не получил повышения, и только перед назначением к нам ему дали подполковника. Молва говорила, что мужик он хороший, что ему про все есть дело, своих подчиненных зря в обиду не дает, и про все, что делается в части, знает раньше, чем порою непосредственные командиры. Вот такой нам достался замполит с Большой Калужской улицы, можно сказать, почти генерал-лейтенант или генерал-майор, которому мы помогли получить звание полковника.

История создания Пятой Советской больницы такова. В 1903 году город купил на Большой Калужской улице, напротив Нескучного сада, часть находившихся там владений. Все, что было на их месте, снесли, и на пожертвования вдовы, коммерции советника Александры Ксенофонтовны Медведниковой построили большое здание городской больницы, «для неизлечимых лиц христианского вероисповедования и устройства приюта для идиотов и эпилептиков». Первоначально там отдельно существовали в северной части здания - богадельня, а в южной части больница. По воле вдовы при каждой из них должна была быть своя церковь. Так и сделали, при богадельни была церковь Тихвинской иконы Божьёй Матери, а при больнице церковь Козельщинской иконы Божьёй Матери. Строили всё это по проекту архитектора С.У. Соловьевёва. Здания имеют много декоративных элементов, заимствованных из псково-новогородского зодчества XII-XVI веков. Весь комплекс зданий, включая прекрасный небольшой сад, получил название – «Медведниковская городская больница». При советской власти стала называться «Пятая Советская городская клиническая больница». Некоторое время после революции церкви при больнице продолжали работать, шла служба, но в 1923 году их закрыли. За годы советской власти здания неоднократно ремонтировались, и состояние их поддерживалось. В конце 80-х годов Патриарх Московский Алексий II обратился с просьбой передать больницу в ведение Московского патриархата. Просьбу удовлетворили. Теперь больница носит название – «Центральная клиническая больница Московского патриархата Святителя Алексия митрополита

Московского». Обе церкви работают с 1992 года. В последние годы в зданиях прошли реставрационные работы, и все выглядит очень красиво.

Бывшая Пятая Советская больница, ныне «Центральная клиническая больница Московского патриархата Святителя Алексия Московского», 2007 год.

Далее идет 5-ый Донской проезд. В домах этого проезда, построенных в 20-30 годы, живут: ученик нашего класса Левы Гуревич, башковитый на математику и физику мальчик и Зина Фридман, она была пионервожатой в нашем классе, а потом в годы войны инструктором Райкома комсомола по пионерской работе. Одна интересная деталь, связанная с Зиной, всю зиму, осень и весну она ходила в гольфах до коленок, причем, при любой температуре, таких, девушек я не встречал больше нигде

За Донским проездом, вдоль Большой Калужской улицы тогда, да и теперь стоят корпуса научно-исследовательских институтов Академии наук СССР, которые были построены в 1926-1928 годах. Это Институт нефтехимического синтеза, Институт физической химии, Институт биохимии.

Здание Института биохимии, 2007 год.

Вы только подумайте. Страна только приступала к созданию современной промышленности, впереди была первая пятилетка. Денег ни на что не хватало, а руководство страны дает деньги на развитие науки, строит новые институты, ратует за развитие фундаментальных наук. А в 90-ые годы руководители страны разваливают науку, разрешают закрывать институты, приватизировать их, не дают в бюджете денег на науку или дают крохи. И это делалось лет 10-12, возникал законный вопрос. Куда же мы идем и куда придем! Только в конце первого срока президентства Путина удалось переломить эту тенденцию.

За Большой Калужской улицей начнется Калужская застава и влево пойдет деревня Семеновская, а вправо пойдут Ленинские (бывшие Воробьевы) горы. Но эти местности не входят в очерченную мною Донскую округу, и я о них мало что знаю, да и бывал я там только с родителями или с ребятами из дома на прогулках, или ездил с ребятами из класса на станцию «Юннатов», которая была в Ботаническом саду на Воробьевке.

На мой взгляд, на Ленинских (Воробьевых) горах были еще три достопримечательности:

Первая – площадка, где стоял телескоп и желающие, за небольшую плату, могли посмотреть на небосвод. Наверное, пару-тройку раз и я приложился к трубке телескопа.

Вторая – в самой середине Воробьевых гор был расположен храм Троицы Живоначальной в Воробьеве. Храм этот не закрывали, и даже звонница работала, хотя колокольный звон был запрещен в 1930 году. Но в Пасхальную ночь звон с колокольни этого храма всегда раздавался. Храм расположен над самым обрывом гор и очень живописно смотрится.

Третья – в начале Воробьевых гор была расположена так называемая Мамонова дача, она стоит в березовой роще, над крутым обрывом. В те времена там располагались однодневный дом отдыха для стахановцев и Музей народов СССР. В музее была развернута экспозиция, рассказывающая о жизни национальных меньшинств в бывшей царской России. О, их колонизации и угнетении в царские времена, ну и, конечно, их жизни в Советском Союзе. В музее

я был на экскурсии с учениками нашего класса. Мне там понравились национальные костюмы – красочное зрелище.

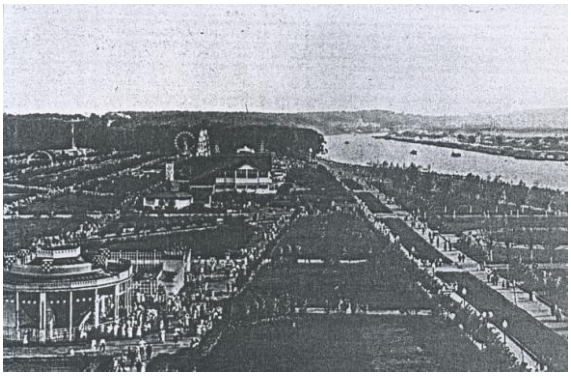
Да, а почему, собственно говоря, эту местность назвали «Воробьевы горы»? Предания гласят, что там, в старые времена, были фруктовые сады и их населяли тысячные стаи воробьев. Вот откуда название гор и расположенной там в те годы деревни «Воробьево», и еще одно замечание к этой местности – это один из «семи холмов» Москвы.

Вот рассказал я об улицах Большой Калужской, Донской, Шаболовке, и как много раз я упоминал о приютах и богадельнях, этих свидетельствах попечительства, милосердия и доброхотства. В те далекие времена нашим предкам не был свойственен дух прагматизма, тогда большая часть русского дворянства и купечества исповедовала дух бескорыстия и благотворительности. Как видим, этот дух густо витал над улицами и переулками, прилегающими к Октябрьской (бывшей Калужской) площади.

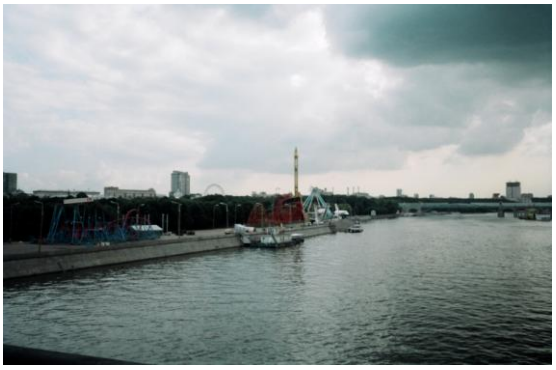
Центральный парк культуры и отдыха им М. Горького

В Центральный парк культуры и отдыха я впервые попал лет четырех, и этот мой поход помню смутно. В детской памяти осталась вышка, с которой прыгали на парашюте какие-то дяди и тети, колесо обозрения, на котором я прокатился вместе с мамой, и цирк «Шапито». Собственно говоря, попали мы в парк именно ради представления в этом цирке. Потом, в 1932 – 1937 годах, я еще несколько раз ездил туда с родителями погулять, покататься на карусели и на том же самом колесе обозрения, которое почему-то все называли «чертово колесо», и конечно, в цирк. Летом я бывал на даче или в саду или пионерлагере, да и потом Новинский бульвар и Зоопарк под носом, так что в этот парк выбирались редко. Ну, а когда мы переехали на Донскую улицу, то парк стал практически родным домом и посещал его я, конечно, не ежедневно, но очень и очень часто и ка зимой, та и особенно летом.

Парк раскинулся на большой территории вдоль Москвы-реки от Крымского Моста до Нескучного сада, который тогда входил в его состав, так что парк простирался до насыпи Московской окружной железной дороги, что у Калужской заставы. Говорят, что раньше, на территории приблизительно от Крымского моста до места, где находился Голицинский пруд, в мое время он назывался Пионерский пруд, теперь ему вернули старое название, была свалка для отбросов, вывозимых из города. В1925 году там все расчистили, прибрали и устроили Первую Всероссийскую сельскохозяйственную и кустарно-промышленую выставку. В 1928 года на базе этой выставки, используя её территорию, павильоны и другие постройки, а также, присоединив к ним часть бывшего сада Щербатовской больницы и Нескучный сад, создали Центральный Парк Культуры и Отдыха – «ЦПКиО». Позднее, в 1932 году парку было присвоено имя великого русского писателя Максима Горького.



Вид на Парк с крыши кинотеатра «ЦПКиО» 1936 год.



Вид на Парк с Крымского моста, 2007 год.

В парке были созданы все условия для отдыха и развлечений людей разного возраста. Для этого там было все необходимое: несколько библиотек-читален, литературный клуб, шахматно-шашечный клуб, изостудия, множество всяческих аттракционов, среди которых первое место занимала парашютная вышка, Спортивные площадки, на которых можно было поиграть в волейбол, теннис,

городки, было и футбольное поле. Можно было поупражняться в стрельбе, был самый настоящий тир, где из боевых винтовок стреляли взрослые и много тиров для стрельбы из пневматических винтовок. Любители легкой атлетики, тяжелой атлетики, борьбы, бокса и других видов спорта могли записаться в секции и заниматься там под руководством опытных тренеров. К услугам детворы был целый детский городок с игротекой, читальней, всевозможными кружками детского творчества, своими спортивными секциями и тому подобное.

Была сеть лекторий и консультационных пунктов, в которых можно было узнать что-то новое и получить соответствующие консультации.

В парке было два кинотеатра, один кинотеатр «ЦПКиО» на набережной функционировал круглый год, а другой, «Гигант» - только летом, был театр на воде, на Пионерском пруду и Зеленый театр. Были две пристани для прогулки на речных трамваях, большая лодочная станция на Москве-реке и две лодочные станции на прудах.

Что мне больше всего запомнилось в парке, ну и некоторые истории связанные с времяпровождения в нем.

Цветы. Их в парке великое множество, перечесть их невозможно, наверное, их миллионы. Сотни сортов с многообразием цветовой гаммы, которую невозможно описать. Это маргаритки, бархотки, анютины глазки, тюльпаны, крокусы, незабудки, пионы, гладиолусы, калы, герань, гортензии, бегония, хризантемы, розы и так далее. Цветы встречают тебя у Главного входа в парк огромными портретами Ленина и Сталина скомпонованными из одних цветов и декорированными другими цветами. Естественно, уже многие годы, там просто цветник.

Цветник на площади у Главного входа, 2007 год.

Тогда, да и потом, до 90-х годов они сопровождают тебя по площадям, аллеям, газонам бесчисленным количеством клумб, панно выполненных, в виде орнаментов, различных изображений и так называемых «солнечных часов». Венцом всего этого великолепия является розарий. В розарии, который разместился, на набережной, между Пионерским прудом и Зеленым театром, было высажено несколько тысяч роз, различных расцветок: красные, розовые, пурпуровые, желтые, кремовые, белые. В центре розария располагался фонтан украшенный скульптурой в виде большой фарфоровой вазы. Все прогуливающиеся

по набережной любовались этой красотой и с удовольствием вздыхали аромат цветов. Розария давно нет, как нет в парке сегодняшнего дня, того обилия цветов, который был в описываемое мною, время. Сейчас фонтан перенесли несколько левее ближе к пруду и вокруг фонтана кафе, а не розы.

Фонтан «Фарфоровая ваза». Слева, в розарии, 1939 год. Справа, в кафе, 2007 год.

Фонтаны. Посмотришь в любую сторону, и взгляд обязательно обнаружит бьющие вверх, влево, вправо, кругом струи фонтанов, обычно окруженные цветниками. В парке была даже площадь Фонтанов, она есть и сегодня. Она расположена несколько ниже площади у Главного входа, и спуск к ней идет по боковым, гранитным, лестницам. Перепад между площадями тогда был оформлен ярким цветочным панно, сегодня я панно не увидел.

В центре площади Фонтанов, в окаймлении черного мрамора располагался центральный фонтан с огромной скульптурой «Девушка с веслом», скульптор И.Д. Шадр, установленной там, в 1937 году. В 1941 году, во время бомбежек немцами Москвы, скульптура была разрушена. После войны её восстановили, а потом не знаю в каком году, она исчезла. Тогда, в 10-14 лет, я не мог знать, сколько копий будет сломано вокруг этой «Девушки…», Ну. стоит скульптура обнаженной девушки, ну и что? Разве мало обнаженных женских фигур в залах Музея изобразительных искусств им. А.С.Пушкина в Москве? Что тут особенного? И вообще для меня скульптура была каким-то украшением, а главное, это фонтаны. Фонтаны струи, которых то опускались вниз, то постепенно поднимались, и вдруг взметнувшись на всю высоту, разлетались в разные стороны, мириадами брызг, сверкая в лучах солнца или в подсветках в вечернее время. А копья ломались, как я потом узнал, вокруг обнаженности пропорций фигуры, эротичности сосков, весла – зачем оно и куда его вставлять…, и наконец струи фонтанов, которые в умах некоторых критиков превратились в извержение спермы. Вообщем, вульгарно эротическая образность. Вот такие

разговоры велись вокруг скульптуры «Девушка с веслом», в то время, ещё за долго до войны. кстати говоря, она была растиражирована и стояла почти во всех парках отдыха нашей страны. О, этих разговорах я тогда ничего не знал, и представить себе этого не мог. Все это я услышал и прочитал уже после войны. Лично я, к этому фонтану и «девушке с веслом» и в своем зрелом возрасте относился совершенно спокойно, и ни каких «эротических чувств» не испытывал. Была, эта скульптура символом тогдашней культуры, и не надо её было «изымать» (старые грабли не дают нам покоя, мы обязательно должны на них наступить) А теперь голое место, архитектурно композиция фонтана не завершена. Ну, разве, что пограничники и десантники в свои ежегодные дни, создают там свои архитектурные композиции. Кстати говоря, скульптур И.Д Шадр автор скульптуры «Булыжник – оружие пролетариата», он же автор надгробия Н.С. Аллилуевой – жене И.В. Сталина на Новодевичьем кладбище, знаменитая «мраморная рука.

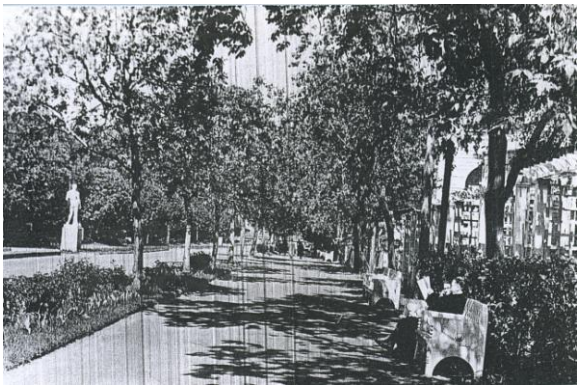
Центральный фонтан в наши дни. 2007 год.

Аллеи. От площади фонтанов и двух боковых входов в парк со стороны Крымского вала парк пронизывали несколько прямых аллей, вокруг которых, были разбиты газоны и высажены цветы, росли различные породы деревьев и кустарников. Кустарники цвели по очереди: черемуха, сирень, жасмин, акация, барбарис и другие, это было беспрерывное цветение и радовало глаз. На этих аллеях, а они все имели названия, правда, в моей памяти остались только пять названий,- это Центральная, Автомобильная, Восточная, Ландышевая и Пионерская, очень хорош был их зеленый и цветовой наряд. В сочетании со скульптурами, фонтанами, ручейками, водопадами. Особенно хорошо было там, в вечерние часы, когда зелень, цветы, вода, скульптуры искусно подсвеченные казались совсем иными, чем днем,- таинственными и волшебными. Во всяком случае, так казалось мне, когда иногда родители отправлялись прогуляться по парку вечером и брали меня с собой. По этим аллеям и днем и вечером прохаживались и сидели на удобных лавочках, защищенных днем от солнца кронами деревьев десятки тысяч москвичей и гостей столицы. Я не собираюсь

рассказывать о, всех аллеях и всех зеленых и прочих насаждениях и скульптурах. Три аллей будут предметом моих воспоминаний.

Центральная аллея. Она была вся украшена копиями античных скульптур, которые располагались в центре аллей в цветниках и струях фонтанчиков с подсветками в вечернее время, а цветы там цвели непрерывно, одни виды сменяли другие и так с мая до октября. Сегодня Центральной аллеи, как таковой нет, вся территория от Ландышевой аллеи до Автомобильной и Массового поля отдана под развлекательный комплекс «Чудо Град», газоны и частично аллей отданы под аттракционы, о цветах, говорить не приходится их в помине нет и все это пространство огорожено трехметровой железной решеткой. Вот так сегодня выглядит эта часть парка, целиком отданная развлекательному бизнесу для извлечения максимальных доходов. Полная противоположность задачам и услугам, которые решал и предоставлял парк в мое время и вообще в советский период.

Центральная аллея парка, *1936 год.*



Центральная аллея парка, *1938 год.*

Центральная аллея парка, *2007 год.*

Ландышевая аллея давно, еще при советской власти потеряла свой прежний вид. Там давно нет фонарей исполненных в виде этого любимого миллионами людей цветка, про который даже песня есть:

«Ты сегодня мне принес
Не букет из алых роз,
Не тюльпаны и не лилии,
Протянул мне робко ты
Очень скромные цветы,
Но какие они милые!

Ландыши, ландыши!
Светлого мая привет.
Ландыши, ландыши!
Белый букет».

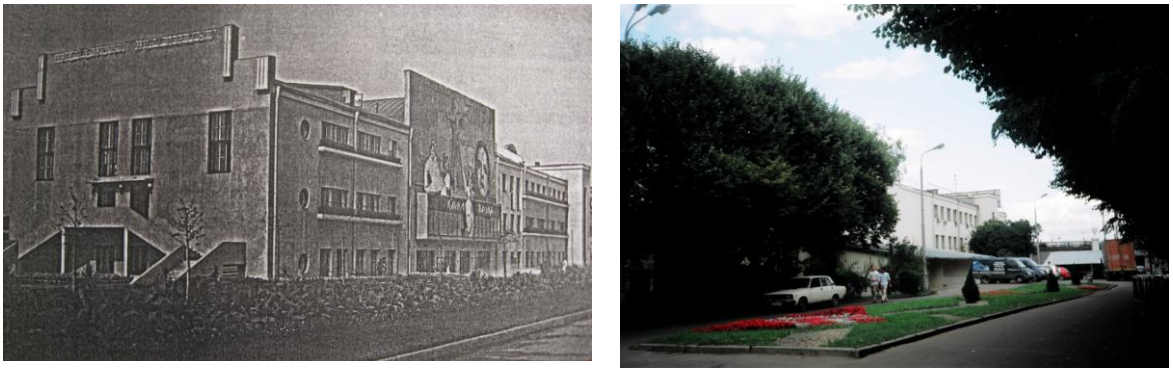
Заменили «ландыши» на обычные уличные светильники. Спрашивается, зачем? Ну, лавочек на этой аллеи, кажется, не было, их и нет, и вот уже многие годы, по обеим сторонам аллеи тянутся какие-то заборы.

Ландышевая аллея слева 1937 год. Справа 2007 год.

Пионерская аллея, вот только это название, да и то только в памяти у настоящих, москвичей и осталось от этой аллеи. Нет детского городка, нет изостудии, нет спортивных площадок, нет клуба изобретателей, нет станции юннатов, нет читальни, я не говорю уже о клубе юных друзей армии и флота это вообще сейчас не в моде, да что там перечислять, ничего из того, что было в то мое время, да и после войны вплоть до 80-ых годов нет. Я не хочу сказать, что там пустырь или разруха, нет там бизнес и в том числе извлекаемый из детских аттракционов, там они есть. Вообщем развлекайтесь милые детки, а вот что бы что-то узнать, что-то своими руками смастерить, что-то нужное для развития интеллекта получить, или там, в детской художественной самодеятельности

поучаствовать, в шахматы-шашки сыграть,- этого нет. А ведь было время, это вторая половина тридцатых годов, когда на шахматно-шашечной площадке сам Михаил Ботвинник ежегодно давал сеансы одновременной игры, на которые собирались сотни любителей шахмат. И после войны он это делал и Смыслов и котов и другие наши гроссмейстеры в таких мероприятиях участвовали. А, что сегодня вы видите наших шахматных лидеров в сеансах, одновременной игры? Что-то я давно о таком не слышал? Где вы Каспаров, Крамник и другие шахматные короли? Согласитесь ли вы дать сеанс одновременной игры и бесплатно? Думаю, что нет, это люди совсем другого склада, любители «золотого тельца», им нужно заплатить, и хорошо заплатить. Разве, что Карпов, согласится, ведь он как никак воспитан был в другом духе, в том, комсомольском, в лучшем его понимание и кажется, чувства меры, и достоинства не потерял.

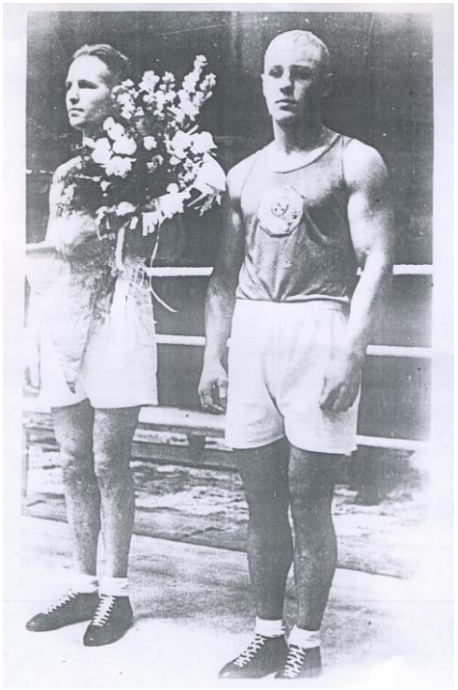
Кинотеатр «ЦПКиО», располагался в самом начале парка, на набережной. Он занимал половину здания, в котором вместе с ним размещалась дирекция парка. Кинотеатр имел хороший просторный зал, очень уютное фойе и буфет. Была небольшая эстрада для выступления оркестра и певцов. Оркестры там всегда были отменные, и певцы хорошие, халтура здесь не процветала, чем в Москве могли похвастаться далеко не все кинотеатры. Отличительной чертой этого кинотеатра был танцевальный зал, с хорошей отделкой в синих тонах и с большими зеркалами по стенам. Я только видел этот зал, а когда и что там танцевали, не знаю. Ещё одной особенностью этого кинотеатра было то, что зрители, при входе, могли сдать в гардероб свою, верхнюю одежду, а при выходе получить её обратно, при этом зрительские потоки не мешали друг другу, они были разведены в пространстве. Этой услугой пользовалось большинство зрителей. Этот кинотеатр после переезда на Донскую улицу стал для нашей семьи как бы семейным, мы ходили туда всей семьей, на фильмы, которые родители считали нужным посмотреть, ну и конечно с ребятами из дома и школы я бывал в нем неоднократно. В 1941 году одна из немецких бомб попала именно в зрительный зал кинотеатра, все было разрушено, выгорело. Эту часть здания так и не восстановили до сих пор, там, на крыше даже березка выросла. Почему не восстановили? Это вопрос не к сегодняшним властям, а к властям советского периода.



Вид на здание кинотеатра «ЦПКиО». Слева, 1937 год. Справа, 2007 год.

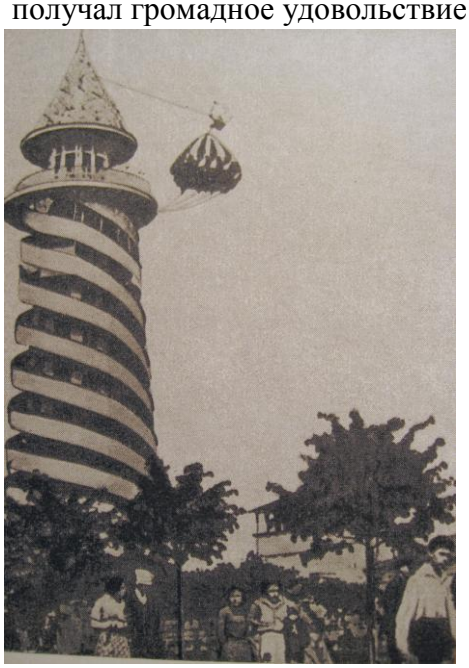
Цирк «Шапито». Вообще это, как правило, передвижной цирк, собираемый из легких конструкции и огромного брезентового тента. В парке, эта конструкция, представляла из себя, громадный шатер, который на зиму разбирался. Цирк не имел постоянной труппы и в нем, как правило, гастролировали цирковые труппы из других городов страны. Интересно было посмотреть там, на заезжих клоунов с их репризами, дрессировщиков с их питомцам ну, и на гимнастов, акробатов и т.д. Вот туда то я ездил с родителями, до переезда на Донскую улицу, и с ними же ходил потом. Этот цирк вошел в историю тем, что кинорежиссер Григорий Александров снял там, один из эпизодов фильма «Цирк», помните, в фильме есть кадры бегства Марион (Любовь Орлова) с черным ребенком преследуемой толпой расистов.

В этом цирке, если я не ошибаюсь, это было в 1938 году, состоялся матч реванш за звание абсолютного чемпиона страны по боксу между действующим абсолютным чемпионом спартаковцем Николаем Королевым и ранее проигравшем ему динамовцем Виктором Михайловым. На этот матч, мой брат Сева взял меня с собою. У противников были разные весовые категории, Королев - тяжелый вес, Михайлов – полутяжелый. Конечно, болели мы за Королева, ведь он спартаковец, а я был ярым болельщиком «Спартака» не только футбольного, но во всех видах спорта, да и брат выступал под флагом этого спортивного общества. Казалось, все ясно должен победить тяжеловес. Но техничный Михайлов переиграл Королева, и ему присудили победу по очкам. Нужно сказать, что зал встретил это решение оглушительным свистом. Не мне судить, но казалось, что зрелищно Королев провел бой лучше, и удары его были чаще и чаще достигали цели, но судьи сделали свой выбор, а большая часть зрителей его не приняла. Известная картина почти во всех видах спорта.



После матча, около цирка собирались группы людей и обсуждали матч. В одной из таких групп был и мой брат, ну и я крутился около и задирая голову слушал, что говорили взрослые. В группе Севы были в свое большинстве бывшие и действующие боксеры, и мнение их было почти единодушное, победил Королев, а Михайлову присудили победу, так как он больше выступать не будет. Интересно отметить, что в этой группе был и известный в боксерских кругах Константин Градополов, чемпион Советского Союза еще в далеком 1926 году, когда меня и на

свете не было. Тогда. В 1938 году, Градополов преподавал в Институте физкультуры и спорта. Он написал книгу «Бокс», которая была настольной книгой всех боксеров и любителей бокса, а у Севы она была с его дарственной надписью, ведь брат был боксером известным в этих круга, он был чемпионом западных областей в полусреднем весе в 1936 году. Было время, когда первенство страны по боксу разыгрывалось по регионам. Потом брат занялся «Регби» играл, за московский «Спартак», Кроме этого он очень хорошо играл в теннис, не плохо бросал копьё. Вообще был разносторонний спортсмен. Он был судьей по боксу, участвовал в судействе ряда ответственных матчей, в качестве бокового судьи или секундометриста. Иногда на эти матчи он брал меня. Ну, а Николай Королев вернул себе это звание в !944 и 1945 годах, девять раз становился чемпионом страны в тяжелом весе, а в 1941 году ушел добровольцем на фронт, воевал в спецотряде, был ранен. После войны я раза три ходил на его матчи и всегда получал громадное удовольствие от его манеры ведения боя.



Парашютная вышка. Парашютная вышка была эмблемой парка. Она располагалась не далеко от центрального входа в парк почти напротив кинотеатра и была предметом зависти всех мальчишек. Конечно, и с родителями и с ребятами из нашего двора и из класса я не раз наблюдал, как прыгают с вышки. Очереди желающих приобрести билеты, обычно выстраивались за оградой, по выходным дням и вечерами очереди были довольно длинными. Запускали на вышку по несколько человек. Подъем на вершину вышки осуществлялся по спиралеобразному жёлобу, находившемуся внутри вышки. На вершине вышки была площадка, на которой люди ждали своей очереди. Над вышкой был конусообразны купол и какое-то устройство в виде кран-балки, по которому ходил канат, к концу которого и был приделан парашют со своими стропами и устройством для пристегивания ремней. Инструктор надевал на тебя устройство, проверял застежку, делал короткий инструктаж как себя вести, давал команду «Пошел» и человек прыгал. Причем или ты сам делал этот шаг в «бездну» или тебя слегка подталкивал инструктор. Бывали при этом и казусы. Как-то пришлось наблюдать, что на площадке произошла какая-то заминка. Женщина с уже надетым парашютом вместо того, чтобы прыгнуть, вдруг упала на колени, и в воздухе повис истошный крик «Бо..юсь!», потом она уже не прыгала, а спустилась вниз по жёлобу. Наверное, у многих из желающих прыгнуть немножко тряслись коленки и существовали опасения, как и что, не оторвется ли трос, не зависнешь ли в воздухе. Ходила байка, что был случай, когда один мужчина завис, когда что-то там заело в тросе или лебедке, и бедолага болтался в воздухе некоторое время. Если это правда, то можно себе представить состояние этого человека. Но очереди не редели и люди шли прыгать. Все пересиливало желание хоть немного попарить в воздухе. Ведь это было время,

когда массы молодых парней и девушек буквально ломились в аэроклубы летать на самолетах и прыгать с парашютом. Мужская часть прыгала с достоинством. Кричит «Здорово!», «Ух!». «Ура!». Женская часть вместо «Ух!», кричит «Ах! и Ох!» или «Ой и Ой мамочка!». Приземляются, как правило, на ноги, Но есть и такие, кто хлопается «на мягкое место». Есть и желающие повторить прыжок, и они сразу же бегут к жёлобу. Но пускают наверх только тех, кто заранее купил билетик, а иначе просим на выход.

Я и мои товарищи тоже очень хотели прыгнуть. Но на вышке действовало правило «возраст и вес». Мы подпадали под это правило, и реальной возможности прыгнуть в ближайшем будущем у нас не было. Мне повезло. Летом 1938 года мой старший брат Сева работал в парке тренером по теннису. Я долго приставал к нему с просьбой посодействовать, чтобы мне разрешили прыгнуть. Наверняка я ему порядком надоел, и однажды он сказал, « Завтра, пойдем в парк пораньше. Я договорился, тебя спустят с вышки». Я и обрадовался и оскорбился. Спустят. Они, видите ли, прыгают, а меня, видите ли, спустят. Но оскорблялся я не долго, ведь завтра я буду парить в воздухе, все ребята мне будут завидовать, когда я им расскажу, да они просто не поверят. Настало завтра, мы позавтракали и отправились в парк. Вышка начинала работать в рабочие дни с 12 часов, мы пришли гораздо раньше. Инструктор посмотрел на меня и сказал, « Сев, ну куда я его, в нем же и тридцати нет». Тут я врезался в разговор двух взрослых, « У меня 35», приврав килограмма 2-3. Инструктор возразил, коротко, «Врешь, иди на весы». Ну конечно, соврал, на весах 33 с хвостиком. «Ну ладно», говорит инструктор, «Пойдем, Сев, поможешь мне его догрузить». Прицепили они мне две болванки, одну спереди, другую за спину, мне стало тяжеловато, но я креплюсь, надели устройство, а оно провисает: обмотав дополнительным ремнем, оба соизволили дать мне подзатыльник. И я шагнул к краю, страха не было. Но ноги, ноги дрожали. Наверное, если бы я еще промедлил, я бы уже не прыгнул. Но, услышав Севины слова, « Слава, смелее, пошел» я ринулся вперед. Меня здорово тряхнуло, я повис, вцепившись в ремни устройства, и начался мой спуск. Прошло несколько мгновений, я приземлился. Приземлился хорошо, на ноги. Потом упал на колени. Почему упал, не знаю? Возможно, устройство потянуло меня. Ко мне подбежал человек, который встречал всех прыгающих внизу, и начал снимать с меня устройство. Он похлопал меня по плечу и сказал «Молодец». Подошли Сева и инструктор, критически на меня посмотрели, но, не увидев ничего такого…, спросили, «Ну, как?». А чего было спрашивать, на лице все было написано. Я был в восторге, сказал «Спасибо, а можно еще?». Инструктор сказал что-то вроде, «Черт с тобой, давай». Я побежал по жёлобу наверх. Сева понес болванки. Снова меня обрядили. Последовала команда «Пошел» и я действительно в тот же момент ринулся в бездну, и все повторилось, чтобы больше уже никогда не повторяться. Больше я с парашютной вышки прыжков не совершал.

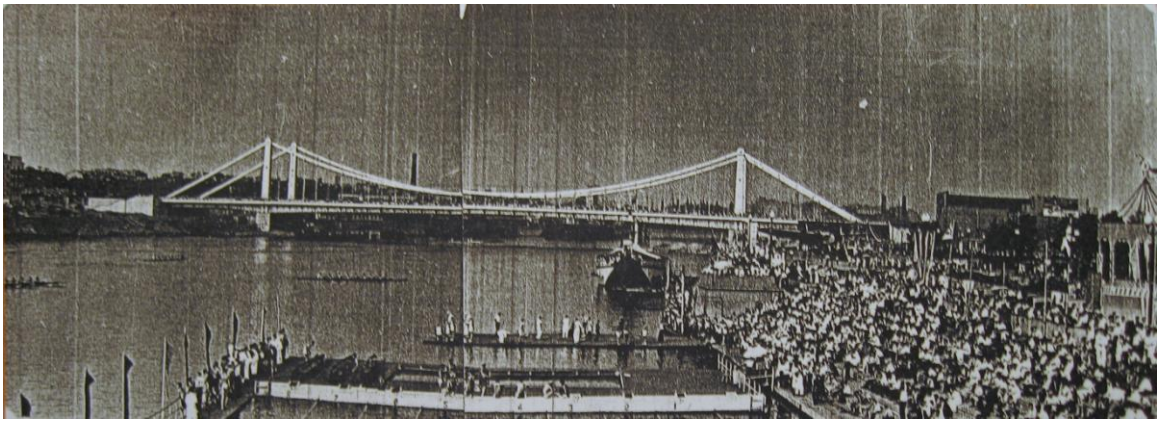
Набережная Москва-реки в парке и Пушкинская набережная в Нескучном саде хорошо просматриваются со стороны Крымского моста. Тогда с моста можно было отчетливо увидеть, как набережную с её гранитными трибунами и водной станцией, так и большую часть парка с его еще молодыми посадками деревьев и большинством аттракционов, площадок и строений. За прошедшие семьдесят лет деревья выросли, их кроны разрослись, и теперь с того же моста они служат как бы

фоном для набережной, на которой сегодня располагаются зарубежные аттракционы. Эта часть парка, огороженная высоким, сделанным из металлических прутков, забором называется теперь «Луна парк» и там к вашим услугам гигантские качели на 160 человек, американские горки, «Серебряный рудник», «Тарзан» и прочие.

Есть там и наш космический челнок «Буран», который тоже превратили в аттракцион. Можете зайти посмотреть, что-то о космосе. Говорят, что там хотели сделать аттракцион с полным ощущением космического полета. Наверное, это было бы интересно. Но кажется, пока, это очередной разговор. А дела, дела таковы, что сделали все таки в первую очередь в угоду американцам, что затопили наш «Мир»и наши перестраховщики загубили нашу космическую программу, а ведь сами космонавты и ведущие специалисты в этой области до сих пор утверждают, что «Мир» мог летать еще да летать. Ну да ладно сетовать, Делайте «цепекиошники» в «Буране, свой виртуальный космический аттракцион, пусть хоть этим он послужит нашим людям.

Конечно, трибуна сохранилась, но нет там никакой водной станции, да и праздников, не берусь утверждать, но в том виде как они проводились в те годы, да и потом, вплоть до 1990 года, кажется, не проводится. Что касается остальной части парка то, за исключением колеса обозрения, практически в летнее время, с моста ничего не видно. Но и там, смею вас уверить, произошли, разительные перемены.

Гранитные трибуны набережной вытянулись вдоль реки метров на 200, они вмещали 6000 зрителей. На воде, около трибун, располагалась водная станция в неё входили: вышка для прыжков, дорожки для спортивного плавания и лодочная пристань с прокатом лодок. Здесь интересно было бывать, когда шли соревнования пловцов и прыгунов. Отсюда же можно было наблюдать соревнования на академических спортивных лодках: одиночках, двойках, четверках, шестерках и восьмерках. Эти соревнования представляли захватывающие зрелище. На финише, который проходил в створе трибун, стоял невообразимый шум, Все поддерживали, подбадривали, скандировали, аплодировали, благодарили спортсменов. Я тоже болел за кого-то, кажется за команду «Крылья Советов», а возможно я и путаю, ведь вообще я болельщик «Спартака» во всех видах спорта. Но, в академической гребле у спартаковцев не было хорошей команды и они в этих соревнованиях обычно не участвовали. Но я любил смотреть такие соревнования, и особенно заезды одиночек, двоек и восьмерок. Почему, именно этих лодок, не знаю. Но я и сегодня, всегда смотрю по телевизору за соревнованиями по академической гребле и очень огорчен, что в последние годы мы не являемся фаворитами в этом виде спорта.



Гранитные трибуны, 1938 год.

Интересно было бывать на трибунах или на набережной во Всесоюзный День физкультурника и в День Военно-Морского флота, помнится, эти праздники были в середине июля и середине августа. В эти дни на реке, в районе гранитных трибун устраивались грандиозные спортивные праздники на воде, а вечером над рекой вспыхивали огни фейерверка.

Вспоминается празднование Дня физкультурника, в каком то из предвоенных годов, наверное, это будет собирательный образ праздника, оставшейся у меня в памяти. Обычно праздник открывался парадом различных спортивных судов, которые шли от моста окружной железной дороги. Вот глиссеры со знаменем СССР и знаменами Союзных республик, красными стягами с портретами руководителей страны, проносятся по глади Москва-реки. За ними следуют скутера, над которыми развиваются флаги спортивных обществ, «Осовиахима», «Освода». Проходят катера, академические спортивные лодки, все типы от одиночки до восьмерки. А вот показались лодки с юными осовиахимовцами, ребята салютуют трибунам поднятием весел. («Осовиахим» - это – добровольное «Общество содействия обороне, авиации и химическому строительству»). Парад проходит под аплодисменты трибун и собравшихся на набережной, слышаться крики «Ура!» и «Браво!». Не помню, в каком это было году, но на празднике был разыгран такой трюк с перевернувшейся лодкой и спасением утопающих. Дело было так: перевернулась прогулочная лодка, раздался. Крик,-«Спасите!Тонем!» «Освод»,- было такое добровольное «Общество спасения на водах»,- показывает технику спасения утопающих. Тонущих спасают, но одна женщина утеряла сумочку. Появляются водолазы, обыскивают дно, находят сумочку и возвращают её потерпевшей. Трибуны рукоплещут. Однажды было очень зрелищное выступление пловцов,- кажется, от самого моста окружной дороги до Крымского моста одновременно, как бы в строю плыли несколько сотен пловцов. Ну и конечно же, соревнования пловцов и прыгунов в бассейне водной станции. В самом конце праздника на воде показывали всякие комические прыжки, с вышки, смеха и аплодисментов было много, а кто-то надрывался и кричал «Браво!» А к вечеру на середину реки выдвигались баржи, готовились к праздничному фейерверку.

В День Военно-Морского флота, напротив трибун и набережной, на якорь становились военные катера и малые сторожевые корабли. В определенный час,

наверное, в 12 часов, на их бортах выстраивались команды моряков в парадной форме. Кто-то из морского начальства, на белоснежном катере, принимал парад, приветствовал моряков, а те отвечали «Ура!». И неслось это «Ура…!» над гладью реки от одного судна к другому. Затем, как правило, был массовый заплыв моряков и различные соревнования с участием моряков и спортсменов. Обычно дневная часть праздника заканчивалась заездами академических спортивных лодок, ну, а вечером естественно был фейерверк.

На набережной была ещё одна историческая достопримечательность,-это две беседки с ротондой, они стояли здесь с начала Х1Х века и были сооружены по проекту М,Ф. Казакова, это беседки бывшего сада Голицинской больницы. Беседки, стоят до сих пор, и будем, надеется, будут стоять вечно. Мой отец, гуляя в парке, любил\ отсюда полюбоваться открывающимся видом на Москва-реку и снующие туда – сюда прогулочные лодки, речные трамвайчики, наполненные отдыхающими, академические спортивные лодки, на которых спортсмены ежедневно оттачивали своё мастерство, готовясь к различным соревнованиям.

Одна из беседок с ротондой на набережной. Справа, 1927 год. Слева, 2007 год.

Тогда, да и потом, вплоть до 80-десятых годов, за Крымским мостом, на развилке реки и обводного канала, в торце зданий фабрики» Красный октябрь», на так называемой «Стрелке» была расположена главная база академической гребли в Москве, и лодки спортсменов постоянно бороздили речные просторы, то набирая скорость, то сбрасывая её, то устраивая гонки, то гребя мерным тренировочным темпом. На этих слившихся с веслами спортсменов, единым взмахом поднимавших на нужную высоту весла и опускавших их так, что даже всплеска не было заметно, всегда было интересно смотреть. В эти края по обе стороны набережной реки, в дни соревнований и в обычные дни стекался московский и приезжий люд, чтобы посмотреть на это увлекательное зрелище. Сегодня базу на «Стрелке закрыли, она теперь в Крылатском. «Академички», как их ласкательно называют, больше не скользят вдоль набережных парка и центральных набережных Москва-реки. А жаль, что их нет в этих краях. Здесь за ними наблюдали, здесь ими любовались

многие тысячи москвичей и гостей столицы, а теперь ведь не поедешь в Крылатское наблюдать и любоваться далековато. А в прошлые времена это было доступно и особенно детворе, некоторые представители которой смотрели, смотрели, да и сами начинали заниматься эти видом спорта, только для них база была, кажется не там, а на Ленинских (Воробьевых) горах, на берегу недалеко от трамплина.

Где-то в районе Ландышевой и Пионерской аллей были расположены два аттракциона, о которых хотелось бы сказать пару слов. Это были аттракционы «Комната смеха» и «Мотогонки по вертикальной стене».

«Комната смеха». Удивительно смешное заведение. Хохот там стоял невообразимый, похлеще «петросяновского». В этом заведении по стенам были развешаны разные кривые зеркала, - вогнутые, выпуклые, смешанные, вообще изуродованные во всех направлениях. Фигуры людей там искажались до неузнаваемости. Худые и стройные становились толстыми и неуклюжими. Толстяки становились худенькими и высоченными. Животы становились огромными арбузами. Изображение низа человека превращал его, в какого то коротышку и кривоногого. Голова вдруг вытягивалась и превращалась в подобие огурца. В комнате стоял непрерывный хохот, хохотали, до упаду, до слез. Особенно было интересно наблюдать за своим товарищами, которые то превращались в худющих, как палка, то толстых, как барабан, то представлялись какими- то уродливыми и изогнутыми. Ну, а на себя самого, смотреть сначала смешно, а потом, как увидишь какое-то чудище-уродище, весьма и весьма не приятно. Но, несмотря не на что, мы все равно в «Комнату смеха» захаживали частенько. Интересно все-таки, да и нахохочешься до слез

«Мотогонки по вертикальной стене» Прогуливаешься по аллеям и слышишь из громкоговорителей объявление,- «Поторопитесь, сегодня последний день – рекордный номер,- «Мотогонки по вертикальной стене», спешите увидеть!» Ну, как тут устоять, да еще последний день, правда, последний день, был каждый день. То же своеобразный рекламный трюк. И вот купил билет и подымаешься наверх, если успеешь, то будешь в первом ряду у бортика, а значит, увидишь все действо в подробностях. И вот начинается представление. К двум мотоциклам, стоящим внизу на арене подходит мужчина в красном шлеме и девушка, одетая в костюм серебряного цвета, и такой же шлем, садятся на свои машины, проходит несколько мгновений и мотоциклы с натуженным гудением и как бы кашляющие из последних сил взбираются наверх. Вот они уже у кромки бортика, за которым стоят зрители, некоторые даже от испуга невольно отшатываются от бортика, а мотоциклисты уже летят по кругу стены и спиралями или отвесно уходят вниз, и всё это в какой то миг. И снова все повторяется, то мотоциклисты сходятся, то расходятся, то идут параллельно, то друг за другом. Рев моторов, рывок вверх, рывок вниз и снова по кругу, снова верх, вниз. И вдруг тишина, выступление закончено, гремят аплодисменты, Зрители спускаются по лестнице на аллею. Кто-то придет сюда ещё раз, Ведь посмотреть на смелых людей и выделываемые, ими трюки всегда хочется. Лично для меня и моих приятелей-друзей по дому и школе и улице в те довоенные годы это представляло интерес, и мы там несколько раз бывали. Побываю я там, и после войны. Когда сняли, этот аттракцион с показа не знаю. Но думаю, что он и сегодня пользовался бы спросом. На мой взгляд он был

зрелищным, никогда не пустовал, а значит давал доход. и, главное приобщал людей к мужеству, смелости и оправданному риску.

В парке было много других аттракционов. Конечно, колесо обозрения ил как его называли «чертово колесо», тогда еще не было большого, а на том, который потом будут называть «малое колесо» я уже до переезда успел покататься и оно у меня интереса не вызывало, после того обозрения, которое открывалось с крыши нашего дома на Донской. Карусель тоже уже переставала интересовать. Вот простой совершенно аттракцион «качели-лодочки», так они меня всегда притягивали, правда, нужно сказать, что на взрослых удалось покачаться почти перед самой войной и то мы раскачивали их вчетвером, с моими друзьями по дому на Донской. Еще был аттракцион под названием «мертвая петля», а возможно его называли «вниз головой», точно не помню. Привяжут тебя к стулу, отпустят какие-то тормоза, ручки и ты летишь по дуге вверх, а из пика дуги головой вниз и назад. Ощущение, мне удовольствия не оставило, все внутри как бы подпирало и хотело вырваться наружу. Но все обошлось, только голова была тяжелая. Я еще, пару раз попробовал, и больше к этому аттракциону не подходил. Было ещё колесо обозрения или как его называли «чертово колесо», но к моменту моего переезда на Донскую, я уже из любителей этого аттракциона вырос, да и к тому же Большого колеса, ещё не было, а с маленького обозревать было нечего, с нашей крыши было видно больше. Ну а больше, что-то ничего не вспоминается, кроме тира.

Тир, это конечно, не только развлечение и искусство меткой стрельбы, это еще и что-то прикладное к военной подготовке, а тогда это было модно и престижно. Нужно сказать, что стрельбой в тире из пневматической винтовки я очень увлекся. Копил деньги. Клянчил у брата, так как прямо на тир мама деньги не давала. Но стрелять ходил, как только появлялась лишняя копейка. Купишь пистоны. Отогнешь ствол у винтовки, вставишь пистон, прицелишься и нажмешь на курок. Сначала курок я дергал, рука дрожала, прицел сваливался и я мазал. Но со временем я научился плавно спускать курок, и появились первые результаты, но рука еще дрожала. Я много времени посвятил тренировки рук, что бы не было дрожи в руках. В доме было старинное ружьё и я наверное, месяца два, а то и более ежедневно тренировался. Пристраивался то на столе, то, как брат учил с колена, а то и стоя. Ружьё было тяжеловатое, но я терпел, и постепенно руки перестали дрожать и появились положительные результаты в стрельбе. Это было уже осенью 1938 года, я практически перестал мазать при стрельбе в тире и выбивал большинство фигур, зарабатывая, то какой пустяшный приз, а то, и это самое главное, пистоны. Я не знаю, работали ли тиры в парке зимой, я во всяком случае зимой там не стрелял, зато всю зиму не прекращал тренировок рук на дрожь и плавное спускание курка. Все это способствовало тому, что летом 1939 года, я там же в парке, отлично выполнил норму и получил значок «Юный Ворошиловский стрелок». А умение хорошо стрелять, мне потом, очень помогло в моей армейской службе, ведь не каждый из пяти выстрелов может выбить 45-47 очков, а с этим начальству приходится считаться.

Пионерский пруд, ранее этот пруд был в составе Голицинской больницы, и по имени этой больницы и назывался. Поэтому старожилы Москвы упорно продолжали его называть Голицинским, и придет время, пруду вернут его прежнее название. Вообще то, как мне казалось, что там, раньше было два пруда, которых

разделял узенький перешеек, в котором со временем, наверное, прорыли маленький канал и перекинули через него мостик, возможно, мое предположение не верно, я его не проверял и в картах не копался, но вот такая гипотеза у меня есть.

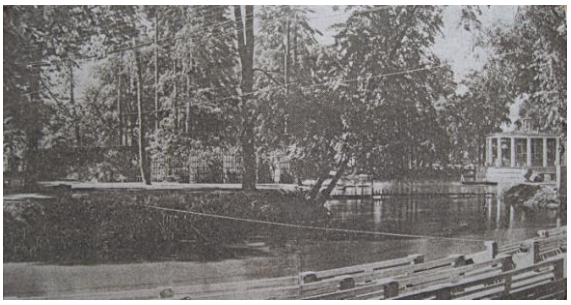
Вид на пруд и мостик, 1970 год.

Так вот я поделил в своем рассказе этот пруд на два Большой и Малый, так мне удобнее для моего рассказа, прошу меня за эту вольность извинить. Большой пруд весь в окружении столетних лип и в те годы со стороны набережной Москва-реки и Малого пруда был окружен балюстрадой со скульптурами, выполненными в виде смешных пузатых лягушек – фонтанчиков.

На Большом пруду два интересующих нас объекта, - это лодочная станция, которой могли пользоваться дети среднего и старшего возраста без сопровождения взрослых, ну и конечно же малышня с родителями, а в вечерние часы там катались взрослые. Кроме лодок там были и так называемые «Водные велосипеды». На велосипедах я покатался там с братом, мне было тяжеловато, я никак не мог постоянно крутить педали, росток подводил, а вот на лодках я там покатался вдоволь и с братом и потом он так устроил, что мне начали давать легкую лодку самому. И та как персонал станции практически не менялся, то я по совету брата, когда он ушел в 1939 году в армию, передавал им привет и при нем красенькую и катался во все время так называемой «навигации » сколько хотел и когда хотел, была бы только легкая лодка свободна.

Вид на Голицинский (Пионерский) пруд, 2007 год.

Второй объект на Большом пруду и пожалуй главной достопримечательностью парка был единственный в своем роде театр на воде под названием «Остров Танца». Зрительный зал этого театра, выполненный в виде амфитеатра, был на берегу пруда отделенного от острова протокой, а от парковой зоны густым массивом зелени. Сцена располагалась на зеленом острове с вековыми деревьями и густым кустарником, они служили естественными декорациями. Сцена освещалась с вышек цветными прожекторами, была подсветка, и были сооружены светящиеся фонтанчики. Сотни мелких струй бивших из фонтанчиков причудливо играли в лучах заходящего солнца, а когда становилось темно, включались, цветные прожектора, подсветка, то в их лучах создавались сказочные пейзажи.



Вид на остров и зрительный зал Театра на воде, 1939 год.

Вот так это выглядит в 2007 году.

В этом театре, в предвоенные годы я с родителями бывал несколько раз. Там выступали цыгане со своими танцами песнями, Были программы «Танцы народов СССР» и «Физкультурная сюита». В моей памяти осталось представление следующего содержания. Бьют фонтанчики, постепенно они затихают, звучит музыка. Между вековыми деревьями, под настоящей луной, танцуют девушки и юноши, слышится песня. Из-за мыса, по протоке, выплывают лодки, вёслы расплескивают воду, играющую изумрудом в лучах прожекторов и подсветок. В лодках артисты в старинных (средневековых) костюмах (итальянских или испанских). Вот лодки причаливают к островку и из них на островок выскакивают люди в черных плащах и широкополых шляпах. Музыка звучит громче, играют несколько гитар, раздаются звуки кастаньет, на фоне проглядывающегося силуэта древнего замка, разворачивается красочное, феерическое действо, один зажигательный танец сменяется другим. Очень впечатляющее зрелище, наверное, поэтому оно и запало в память..

Описывать танцы народов СССР или выступления цыган я не буду, это всё мало-мальски культурный человек видел много раз, да и потом это не ансамбль Моисеева от которого столько лет, вернее десятилетий весь Советский Союз, а потом и Россия, да что там говорить, весь мир без ума. Но в репертуаре этого Театра «Остров танца» была одна вещь, которая не сходила с афиш вплоть до самой войны, и ни кем и никогда не была повторена, - это балет «Красавица Рада» по рассказу Максима Горького «Макар Чудра».

Программка балета «Красавица Рада», 1939 год.

Я не «балетоман», и плохо разбираюсь в рисунке танца, и в том, что он выражает, тем более в те годы. Но прочитав, по совету отца, перед походом в театр, на это представление, рассказ М.Горького я имел представление о том, что на сцене должно было происходить, т.е., что будут выражать актеры в своих танцах. Когда в те же годы я смотрел в Большом Театре «Лебединое озеро» и «Конек горбунок», то о содержании этих балетов мне рассказывали родители, и я, в какой то мере представлял происходящие на сцене. Но вернемся к «Красавице Раде» и рассказу «Макар Чудра». Кто не читал этот рассказ в свои школьные годы, наверное, таких мало, ведь он кажется вместе со «Старухой Изергиль», «Песней о Соколе», «Песней о Буревестнике», романом «Мать», пьесой «На дне» и другими произведениями М.Горького, в разных классах средней школы входил в обязательную программу обучения, чего кажется, сейчас нет.

Так вот «Макар Чудра»,- это рассказ о жизни цыган, о, их обычаях, о цыганской любви. Как там, у Горького,- «…безграничная степь, безграничное море…» только здесь на сценк не возможно было создать степь и море, но все остальное присутствовало. Так что там по рассказу, вот сейчас перескажу-изложу и пусть Анна Николаевна Радченко, моя учительница русского языка и литературы, выставит мне оценку. И так, старый цыган Макар Чудра, сторожащий коней своего табора, лежит на боку, подперев рукою голову, тянет из своей громадной трубки и выпускает из носа густые клубы дыма. Уставился он в молчавшую темноту степи, и ведет свой рассказ о цыганской Красавице Раде и молодом цыгене Лойко. Шла молва о Лойке, как удачливом конокраде. Говорили,-«…хоть полк солдат поставь сторожить того коня, что Лойке нравится, а он всё равно на нем горцевать будет.» А Рада такая красавица была, так она пела и танцевала и на скрипке играла, что немало сердец молодцов засушила. И даже чистокровные бароны и пановье к ней всерьез сватались, но она всех отвергала.

И вот встретились Лойко и Рада. Влюбился Лойко в Раду и она в него. Но сильные у них были характеры, больше всего они любили свою собственную волю, свою свободу. У Горького в рассказе Лойко говорит,- «Я свободный человек и буду жить, так как я хочу!». А Рада ему отвечает,- «Я тебя люблю. А еще я люблю волю! Волю-то я люблю больше чем тебя. А без тебя мне не жить, как и тебе без меня. И хочу я что бы ты был моим душой и телом». Вообщем эти слов двух героев, как бы предопределили финал их любви. А дальше там, в рассказе Рада говорит Лойке,- «…Завтра ты поклонишься мне в ноги перед всем табором и поцелуешь правую руку и тогда я твоя жена». Ушел Лойко, потемнел в лице.

На следующий день вечером пришел Лойко в табор и говорит, что решил поклониться Раде, как она этого хочет, чтобы все видели, что её красота покорила его. Замер табор, все ждут, что будет дальше. А дальше чуть ли, не Пушкинская трагедия из «Цыган», только там нож вонзает Алеко в молодого цыгана, а потом и в Земфиру, а тут Лойко вонзает нож в Раду. И вот Рада лежит на земле с ножом в груди, она вырывает нож из груди, зажимает рану прядью волос и говорит,- «Прощай Лойко, я знала, что ты так сделаешь. А Лойко, он бросается к ее ногам, прильнул к ним устами и замер. Данило, отец Рады поднимает нож, подходит к Лойке и вонзает нож ему в спину. Лежала Рада прижав, прядь своих прекрасных черных волос к груди, а, у её, ног раскинулся удалой Лойко, И все это было исполнено в танце, в движениях в пластике. У зрителей, у некоторых были слезы, но все были в восторге.

А Горький заканчивает свой рассказ, тем, что ему казалось, что перед его глазами, во теме степи, в воздухе «…царственно плавала красивая и гордая фигура Рады. Она прижимала руку с прядью черных волос к ране на груди и сквозь её смуглые тонкие пальцы сочилась капле по капле кровь, падая на землю огненно-красными звездочками. А за ней по пятам, плыл удалой Лойко, его лицо завесили пряди густых черных кудрей, и из-под них капали частые холодные крупные слезы…». И дальше Горький пишет,- «…кружились во тьме плавно и безмолвно, и никак не мог красавец Лойко поравняться с гордой Радой». Вот такой сюжет рассказа в моем изложении, ну прямо как изложение в школе, а я назову его в моем понимании «Либретто». Наверное, оно отличается от той театральной книжечки или программки, в которой дается или литературный сценарий балета или содержание балета. Всё, что я изложил выше, артисты исполнили языком танца. Сцена объяснения и смерти обоих героев как бы стоит перед моими глазами. Что поделать, в том возрасте мы очень впечатлительны, а память очень цепкая.

Хороший, популярный был театр, много эстетической радости дарил он людям. В 1941 году одна из фашистских бомб попала в зрительный зал театра и разрушила его. После войны театр так и не восстановили. А жаль

Зеленый театр, без него невозможно представить себе парк. Он был построен в 1935 году, на месте бывшего Ботанического сада Демидова в Нескучном саду. Наверное, следует сказать несколько слов об этом Ботаническом саде, который был по тем временам уникальным сооружением для Москвы, и которое не без основания тогда называли «Чудом света». Сад расположился на склонах Москва-реки большими уступами. Склон разбили на пять широких терас, каждая из которых имела 200 метров длины. Террасы между собою соединялись зигзагообразными подъёмами со скамейками и беседками, увитыми зеленью.

Известно, что работы по созданию сада велись два года, и наконец сад в форме величественного амфитеатра был создан. В просторных оранжереях и многочисленных открытых цветниках росли и благоухали невиданные ранее в России растения. Посмотреть на это «Чудо света» ежедневно приходило множество народу. После смерти Демидова Ботанический сад, сменив нескольких владельцев, постепенно пришел в запустение: оранжереи и цветники разрушили, а террасы засыпали. А в конце Х1Х века и весь Нескучный сад закрыли для широкой публики, так как там была резиденция Великого князя и Московского генерал – губернатора Сергея Александровича, сына Александра 11, того самого, которого убил в 1905 году эсер И. Каляев. Такова краткая история места, на котором построен Зеленый театр. Зеленый театр представлял собою огромную сцену со зрительным залом, исполненным в виде амфитеатра и вмещавшим 20 тысяч зрителей. Он был окружен густым массивом вековых деревьев Нескучного сада, которые были как бы стенами театра, а потолком в вечерние часы служило темное звездное небо. Конечно, всё это было обнесено изгородью. В театре проводились различные мероприятия: митинги, собрания, встречи со знатными людьми страны. Московские театры и театры других городов давали здесь свои спектакли, выступали эстрадные коллективы, артисты цирка, устраивались концерты, там выступал со своим джаз-оркестром Леонид Утесов. На очень большом экране (18 метров в высоту, 16 метров в ширину) показывали кино. С родителями я ходил в «Зеленый» на выступления Хора имени Пятницкого и Ансамбля песни и пляски Красной Армии под управлением Александрова и на какую-то цирковую программу. Может быть, раз или два смотрел какой-то фильм. С ребятами из дома мы нередко прорывались мимо билетеров, на какие то концерты. Иногда нас ловили и выпроваживали, иногда удавалось посмотреть ну если не до конца то большую часть, ведь сумерки сгущались, и нужно было бежать домой. Ну, а если попасть нельзя, или мы знали заранее о чем то очень интересном, то мы пристраивались или на изгороди или на деревьях, так например, сидя на деревьях мы слушали Утесова.

Спорт и физкультура. Я не знаю, даже, что и о чем здесь можно говорить. Если в те мои годы, да и потом, спорта и физкультуры в парке было очень и очень много, то теперь его просто нет. Тогда можно было и волейбол поиграть, и в футбол. Можно было штангой заняться, гирю покидать, в городки поиграть, Заняться бегом, прыжками в длину с места и с разбега, прыжками в высоту, покидать копье и диск, толкнуть ядро, о метании гранаты я уже не говорю. Заняться боксом, борьбой, теннисом. Все это можно было получить в многочисленных спортивных секциях. В большинстве своем, бесплатно. Заниматься там могли и взрослые и дети. К их услугам были квалифицированные тренеры. Это так сказать организованный спорт.

Кроме этого в парке был так называемый гимнастический городок. В нем можно было полазить и подтягиваться на «шведской стенке» и других различных стенках, попытаться подтянуться по канату или по шесту, позаниматься на брусьях, кольцах, турнике, прыгнуть через коня и т.д. В этом городке всегда было людно, и от занимающихся, и от зевак-зрителей.

Что касается меня, то я использовал представившуюся мне возможность заниматься в летнее время спортом рядом с домом, а не ездить, куда то за

тридевять земель на стадион, на всю что называется катушку и в этом большая заслуга моего брата, приобщавшего и поощрявшего эти мои занятия.

Именно он посоветовал мне заниматься бегом и указал именно на самую короткую дистанцию, для того возраста это было 60 метров, но он имел в виду будущее,-100 метровку. Бег вообще меня увлекал, и я носился как угорелый, но одно дело носиться, а бегать по беговой дорожке это совсем другое дело. Тогда кумирами любителей этого вида спорта были спартаковцы братья Знаменские Серафим и Георгий и динамовец Пугачевский. Братья Знаменские были неоднократными чемпионами и рекордсменами СССР в 30-е годы в беге на средние и длинные дистанции, победителями в ряде международных соревнований, в том числе кроссов на приз газеты французской компартии «Юманите». Александр Пугачевский был чемпионом и неоднократным рекордсменом СССР в беге на 800, 1500 и 3000 метров, он тоже неоднократно участвовал и был победителем кроссов на приз «Юманите».

Братья Знаменские на дистанции, 1932 год.

А. Пугачевский финиширует, 1940 год.

Их бегом можно было залюбоваться. Правда они бегали не короткие, а средние и длинные дистанции, но какое это имело значение для меня. Я видел легкость их бега их широкий шаг и думал вот бы мне так. Но меня лично больше привлекали короткие дистанции, так называемые «спринтерские» 100, 200, 400 метров и особенно 100 метров. Их взрывной бег, буквально со старта резкое ускорение и рывок на финише меня буквально будоражили. Тогда на стометровке царствовали москвич П.Головкин (10,7, 11,0), ленинградец Р.Люлька (11,0) и украинец Р.Сеницкий (10,6), с такими результатами они становились чемпионами страны. А мне до стометровки нужно было оседлать 60 метров. Сева записал меня в детскую секцию по бегу, и я начал заниматься. Нужно сказать, что мне тренировки нравились, девушка-тренер нас особо не перегружала. Там в секции в основном готовили к сдаче норм на значок «БГТО» (Будь готов к труду и обороне) и тренер занималась с нами по всему комплексу этого значка, в области легкой атлетики и если с бегом у меня было все хорошо, то с прыжками я долго не мог справиться. И видимо по этой причине в более сильную группу бегунов она меня

не перевела. Но на значок я все сдал, а по бегу у меня был очень хороший результат, я точно не помню, но точно знаю, что он был ниже норматива. Брат, который не оставлял без своего внимания мои занятия бегом, посчитал, что у меня есть «определенный успех» и его надо закрепить техникой бега. Он договорился с другим тренером, и я начал заниматься в другой группе. Там была совершенно другая система тренировок, мы изучали технику бега, осваивали премудрости старта, рывка, финиша и занимались общефизической подготовкой. Сколько я там набегал метров и километров, сколько различных упражнений для ног переделал не счесть. Все это принесло результаты и меня начали выставлять на соревнования в своей возрастной группе и как правило я из тройки не выходил, и наверное раз или два был первым и как-то в тройку не вошел, а в августе 1940 года вообще провалился. Но на мой провал была веская причина, во время бега я почувствовал резкую боль в правом боку, добежать, то я добежал, но тут же рухнул на землю, оказалось, что это был приступ аппендицита. Занятия пришлось прекратить. Нужно было делать операцию, но родители, почему-то отказались от этого. Приступов больше не было, и я в мае 1941 года снова пошел в секцию. Тренер не давал мне обычных нагрузок, я занимался в облегченном режиме, но как я его понял, если у меня все со здоровьем будет хорошо, он допустит меня к соревнованиям. Со здоровьем оказалось ничего, а вот война спутала все карты, и бегал я уже, потом в армии, и кросс на 3000 метров и все что там положено и аппендикс мне там удалили. Те навыки, которые я получил, занимаясь в секции, мне в будущем очень и очень пригодились.

В конце сороковых годов. все военнослужащие сдавали нормы на значок «ГТО», с новыми повышенными нормативами. Сдавал и я, результат на стометровке у меня был лучше всех в части и был ниже 12 секунд, точно не помню, но кажется 11,8, хотя я к бегу совершенно не был готов и бежал в форме и сапогах, сняв только портупею, потом разделся и повторил забег, результат оказался лучше предыдущего. Думали, что врет секундомер. Но нужно было посылать представителя на гарнизонные соревнования, и послали меня, предоставив даже время на тренировки, что я и проделывал на аллеях Серебряного бора (там стояла наша воинская часть). И тут я вспомнил довоенные занятия в секции бега, и начал все повторять. Особое внимание мой тогдашний тренер обращал на старт. Спринтер принимает низкий старт, что позволяет спортсмену, распрямляясь, производить сильное отталкивание, что дает возможность сразу развить максимальную скорость. Этот старт делается со стартовых колодок, их у меня естественно не было, но потом по приказу командира части мне привезли колодки. и я начал свои тренировки. Вспомнил я тогда все, что говорил мне мой довоенный тренер. А он говорил, - «быстро выходи из наклона, ускоряй своё движение вперед, учащай шаг, энергичнее выноси колено вперед-вверх, а затем опускай ноги вниз-назад с ударом о грунт. Удлиняй шаг, уменьшай наклон туловища, переход от ударного бега к маховому, делай ускорение». И все это надо делать за доли секунд.

Все это я вспомнил и начал обрабатывать. И вот я принимаю ускорение со старта, учащаю шаг, перехожу на относительно высокую скорость приблизительно на отметке 60-70 метров, снова делаю ускорение и, наконец, на последних метрах рывок и на последних шагах дистанции, перед финишной прямой бросок на ленточку. Бросок можно сделать грудью, а можно и боком, но так чтобы коснуться ленточки плечом. Таким манером обычно выигрывал свои забеги Н. Каракулов. Он был чемпионом страны с 1943 по 1949 год, его результаты (10,6 10,8 11,0). Потом был В. Сухарев, он был чемпионом 1950—1955 г.г. (10,5 10,6 10,8), а в 1954 году чемпионом будет В.Рябов (10,4). Ну а что там у меня? Тогда я был вторым с результатом 11.0, а вообще мой лучший результат 10.8 в 1952 году. Командование хотело направить меня в центральный клуб армии, но перспектива стать спортсменом меня совершенно не устраивала и хотя я прошел просмотр, но я всячески от этого дела уклонялся, и от меня в конце концов отстали, сказав при этом,-«…такого дурака мы ещё не видели, такие перспективы, черт с тобой, проваливай, на твое место десятки стоят». Иногда я в части еще бегал, а потом перестал этим заниматься. Но любовь к бегу у меня не прекратилась, и иногда я взрывался, особенно это было в начале 60-х, ну и конечно, когда отдыхал. Бегаю, я и, по сей день, если конечно это можно назвать бегом, но почти каждый день, сделав зарядку, я 20 минут бегаю. Чего и всем желаю. Бег это, прежде всего здоровье, а здоровье необходимо всем. Так что бегайте на здоровье и обязательно возьмите себе за правило совершать пешие прогулки средним или быстрым шагом, хотя бы три километра в день, ну а я для себя и в мои почти восемьдесят считаю, нормой десять и стараюсь делать это ежедневно, правда, допускаю сбои, за что себя ругаю.

Еще об одном моём увлечении тех лет хочется рассказать. Мне иногда доставалось в обычных, дворовых драках, и я хныкал. Севе это надоело, и он посоветовал мне начать заниматься боксом, сказав при этом,-«Хватит ныть, научись держать удар и давать сдачу, и все от тебя отстанут,» Он купил мне боксерские перчатки и боксерские ботиночки, причем очень долго их искал, ну и конечно бинты.Разрешил мне бить по его груше,смастерив устройство,позволявшее опускать для моих занятий грушу ниже уровня необходимого для его ежедневных занятий.Дал мне несколько уроков,а потом отвел в Парк,в детскую секцию по боксу, тренер которой был ему знаком, и который жил у нас на Донской улице, в доме рядом с домом Розенцвейгов. Моё представление тренеру он сопроводил следующими словами,- «Коля, ты его научи, двигаться, держать удар и давать сдачу, а выйдет ли из него боксер или нет, это не так уж важно. Хотя для тебя конечно важно, а для него главное уметь постоять за себя, Я думаю, что он будет у тебя драться не хуже других. Ну, а если, что не так надавай ему по шее, или гони вон». Три года я занимался в летнее время у Николая Николаевича, выгнать он меня не выгнал, по шее, я от него несколько раз получал. Научился я там многому, и прежде всего у меня хорошо получалась защита и я легко передвигался по рингу. С ударом было хуже, просто мой удар и достигал цели, но он был слабоват. Тем ни мене на соревнования он меня выставлял, кажется четыре раза. Один раз я дошел до финала, но проиграл по очкам, в трех других соревнованиях я выступал так сяк, где-то выигрывал по очкам, и проигрывал то же по очкам, но какие то очки в зачете команде приносил. ЗО июня 1941 года, я должен был выступать в пятый раз.

Выступление планировалось на Малом стадионе Центрального парка культуры и отдыха им. М.Горького, который находился тогда недалеко от Пионерского пруда и ресторана «Кавказ». Очень уютный был стадион. Маленькая овальная арена, деревянные трибуны. А под трибунами небольшие тренировочные залы. Даже на стенде около входа на стадион весела афиша об этих выступлениях. Но соревнованиям не суждено было состояться. 22 июня на этом стадионе была назначена на 12 часов дня очередная тренировка. Я в этот день как всегда встал, поколотил грушу, позавтракал, и мама попросила меня сбегать в магазин что-то купить. Я сбегал, но вернулся с пустыми руками. В магазине, творилось что-то невообразимое, Народу было битком, шум, гам, раскупалось всё, что было на прилавках и в витринах. Говорили, что «Война!», «Фашисты напали!». Это я и сообщил родителям. Но тогда еще официального объявления не было. И хотя отец как-то потускнел, но сказал,- «Надо слушать радио, если это правда, должны объявить, возможно это провокация, пойду зайду к Антипову и позвоню», он оделся и пошел к соседям. А я бросился бежать, в парк, на тренировку, было как раз без двадцати минут двенадцатого, время в обрез. И вот я запыхавшись вхожу в тренировочный зал, все в сборе, а тренера нет и все уставились на радио тарелку Меня спросили,-«Ты слышал?»,- я махнул головой и сел на скамейку, бросив мешочек с формой под ноги, заметив при этом, что большинство ребят ещё не переодевались. Прошло некоторое время, и мы услышали выступление В.М.Молотова. Закончилось выступление. И почти у всех вырвалось наружу то, что они думали и чувствовали в этот момент. «Сволочи!». «Гады!». «Фашисты!», «Немчура, проклятая!», «В нокаут их! ». «Ну дадут им наши!». Это так детский лепет, были и по хлёще выражения, ну если мы матом не ругались, а у Николая Николаевича за это запросто можно было распрощаться с секцией, то здесь все что мы знали, было произнесено. А потом пошли разговоры о том, как мы их будем бить и как будем гнать до Берлина и дальше. Что не говори, воспитание сказывалось и пропаганда тоже, Да разве мы могли себе представить, что всё так обернется и что путь к Берлину «будет и не легок, и не скор» а потребуется долгих 1418 дней. Но опять меня занесло, вернемся в зал. Прошло минут пятнадцать и появился тренер. «Ну, что ребятки, все слышали. Война, ребята. Война». Потом он сказал, что тренировка сегодня отменяется, кто хочет пусть сам занимается, а вообще идите все по домам, вам надо быть сейчас с родителями, что видимо с нами он больше заниматься не сможет, так как завтра идет в военкомат, и как там сложиться он не знает. Назначил нам встречу на следующий день вечером, в восемь часов. Сказал, что тогда всё станет более ясно, как и что будет дальше, но он думает, что назначенных соревнований не будет. Потом будет завтра, и он скажет, что в пятницу он уезжает в часть. Соревнований не будет, возможно будет другой тренер, об этом объявят позже. Позже не будет. Боксом, как таковым я больше заниматься не буду, т.е не буду лично боксировать, но всему чему меня научили в секции, мне здорово пригодится в жизни, и особенно в армии. Да, в армии, уже после войны, в своей роте я соберу группу солдат, которые хотели заниматься боксом, покажу им некоторые приемы, буду учить стойке, движению, расскажу о правилах видения боя. Мои перчатки тех довоенных лет мне уже не подходили, а солдатам тем более, и я использую Севины. А потом мы с офицерами роты скинемся и купим еще три пары и будут у нас солдаты при деле, при спорте, а

это значит им будет меньше времени для всяких дурацких дум и выходок. В году 1951-1952 к нам по призыву попадет парнишка, он окажется перворазрядником по боксу. Я передам ему эту группу, и он будет и сам тренироваться, не терять свою спортивную форму, и тренировать солдат.

А еще я любил лыжи, не просто лыжи, а бег на лыжах, лыжные гонки. Зимой в парке для этого были все условия. Была лыжная станция, она располагалась в подвале здания кинотеатра, там можно было подобрать лыжи и палки под себя и взять их на прокат, но я этим не пользовался, у меня были свои лыжи, ботинки и подогнанные крепления, а главное бамбуковые палки, а не деревянные, как у большинства. Лыжная трасса протекала по центральной набережной парка, вдоль беседок, засыпанного снегом розария, Зеленого театра и далее по Пушкинской набережной до Окружного моста, На этой трассе были километровые разметки, здесь проходили соревнования и сдача норм по лыжам на значки «БГТО» и «ГТО». Тогда Москва- река в пределах парка и Ленинских гор замерзала и были годы, когда лыжня шла по реке, но там трасса шла недалеко от берега и была огорожена флажками. Вообщем было раздолье для лыжников, в том числе и дл детворы, чем мы и пользовались. Бегал я не плохо, от сверстников не отставал, но в каких либо соревнованиях не участвовал, норматив на значок сдал сразу. И не отягощенный, какими либо обязательствами катался на лыжах в своё удовольствие, что позволял себе всегда, на отдыхе зимой, до последнего времени. А еще в последние годы я практически не пропускаю ни один из стартов лыжников, на всевозможных соревнованиях, и буквально, в полном смысле этого слова, сопереживаю бег наших ребят, по всей дистанции, и даже больше лыж я сейчас увлечёно болею за биатлонистов и если и там и тут девчата меня ещё радуют, то мужчины, как правило, огорчают.

Зимой, набережную, массовое поле, все аллеи парка заливали льдом, и все это превращалось в огромный каток, на который устремлялось, наверное, пол Москвы. Тогда и после войны был бум отечественного конькобежного спорта, а это способствовало и моде на катание на коньках. И в Парк, на каток выстраивались целые очереди, раздевалки не справлялись с потоком желающих покататься. А на улицах ведущих к парку, на мосту, в метро и на трамвае то и дело попадались люди разных возрастов идущие, едущие на каток с коньками,-«норвежками, гагами, снегурками» в руках или подмышкой. У меня тоже были коньки, сначала «снегурки», которые привязывали к валенкам или прикручивали к ботинкам, а потом маленькие, но очень уютные «гаги», а у Севы были «норвежки», в кожаных ножнах, предмет моей завести. Но коньки меня не увлекли, и после воины я на них становился считанные разы. А вот смотреть на конькобежные соревнования я могу часами, и переживать за бег наших спортсменов, хотя они в последние годы похвастаться хорошими результатами не могут, А ведь были времена, были имена Косичькин, Гришин, Скобликова, Артамонова, да разве всех перечислишь. Остается только надеяться на будущее.

И вот, что я хочу сказать о спорте, физкультуре и их массовости, применительно к парку и вообще. В парке спорт и физкультура в том понятии, которое существовало при советской власти, отсутствуют вообще. Массовость как мне кажется, отсутствует и в целом по стране, за исключением нескольких регионов. Такое впечатление, что главное в этом деле теперь деньги, прибыль.

Прибыль любой ценой, с любого дела, любого метра земли, особенно земли. А забота о здоровом образе жизни, о здоровом и активном отдыхе, отошла сегодня на задний план. Правда как всегда у нас бывает, наконец, то спохватились и теперь стараются вытащить « увязший воз», но спорт, сильно увяз и его скоро не вытащат. А результаты они на лицо, провалы в легкой и тяжелой атлетики, в некоторых игровых видах, особенно в футболе, в лыжах, коньках и т.д., а главное зияющий провал в физическом здоровье народа. Посмотрите, что говорят военные, какой процент отсева, во время призыва в армию по состоянию здоровья, 6-8 человек из каждых десяти отсеиваются. Это же катастрофический показатель?! Мы жили в совершенно других условиях, у нас многого не было, многого не хватало, в некоторые детские годы не доедали. Но осмелюсь утверждать, что наше поколение были более спортивны, более физически развиты, более подготовлены к возможным лишениям и трудностям. В массовый спорт и физкультурное движение было вовлечено подавляющее большинство детей, школьников, молодежи. И это сыграло определенную, положительную рол в годы тяжелейших испытаний

Я уже сказал, что сейчас принимаются масштабные меры по развитию физкультуры и спорта и предания ему массовости. Вот и Зимняя Олимпиада в Сочи будет, готовиться к ней надо, не только строительством, но и подготовкой мастеров зимних видов спорта экстра класса. Это, на мой взгляд, самое главное, и достичь этого можно, через массовость спорта, нужно сделать наши стадионы, спортивные залы и спортивные школы доступными для большинства людей, а не для элиты. И еще платить хорошие деньги тренерам, что бы они не бегали по за границам и не халтурили у себя на родине. Тогда придут результаты, и все чаще будет на международных соревнованиях звучать Гимн России.

Одной из достопримечательностей парка в те годы, да и долго еще потом стал оставшийся от выставки 1925 года большой деревянный театр, построенный в виде шестигранника. Такое геометрическое построение здания закрепило за ним название «Шестигранник». В здании было много залов. В те мои годы в одном из них был организован танцевальный клуб, в другом зале расположился ресторан с одноименным названием. В детстве я был там с отцом и мамой, после цирка отец повел нас туда покушать. А в войну, в 1944 году, в открывшемся тогда коммерческом ресторане, я несколько раз обедал с моими товарищами по тогдашней работе в райвоенкомате, старшими лейтенантами Виктором Соловьевым и Григорием Лозовым, по каким-то выданным в райвоенкомате карточкам. Больше я в этом «Шестиграннике» никогда не бывал, я любил и посещал другие заведения такого рода. Сейчас здание находится в аварийном состоянии, уже несколько лет оно затянуто маскировочной строительной сеткой. Говорят, что там идет реконструкция и нас чем-то удивят, а главное сохранят основы здания

Раз, уж, я о ресторане упомянул, то надо сказать пару слов, о том, что мне там, проголодавшемуся можно было покушать, попить. Вообще сравнивать в питании, то время с этим, просто не корректно, так как такого ассортимента, который есть сейчас, тогда просто не могло быть. Поэтому моя задача упрощается, и я просто расскажу о том, что я там кушал и пил. Там было много всякой выпечки: сдобы, булочки и кренделя с маком, ватрушки, кексы и тому подобное. Всякие пирожные и другие кондитерские изделия. Фрукты, соки. Меня больше всего

притягивал запах жаренных мясных котлет так называемых «микояновских», которые я, очень любил, Вот проголодаешься, набегаешься, напрыгаешься, устанешь от своих тренировок, и чуть освободившись, устремляешься на этот запах. И вот перед тобою дяденька или тетенька, в белой шапочке-колпачке и белом халате или фартуке. Ты протягиваешь свои положенные копейки. В ответ получаешь маленькую круглую булочку (её называли «школьной», нам их в школе давали на завтрак), разрезанную на пополам и в ней сочную всё ещё как бы шипящую в масле, маленькую «микояновскую» котлетку, испускающую такой аромат мяса, лука, перца и еще каких-то пряностей, что невольно текут слюнки и ты быстренько улепетываешь свою порцию, и думаешь, а не повторить ли. Частенько повторяли, а то и по три порции улепетывали. Запивать, лично я предпочитал, брать бутылку «Лимонада» или так называемое «Ситро». А то зайдешь в молочное кафе, а то и просто в торговом ряду да купишь, что-то молочное в пол-литровой или 250-грамовой бутылочке, надавишь на крышечку из фольги и наслаждайся из горлышка или молоком или кефиром или ацедофелином, я просто обожал последний, а можешь взять и баночку сметаны. И у всех этих продуктов своего цвета крышечки. У молока например серебряного, у кефира кажется зеленоватая или синяя, у сметаны красноватая, а у ацедофелина красноватая с белой полосой. А молочные продукты были у нас отменные, вообще Россия и всегда славилась своими молочными продуктами, помню, что даже в тяжелые времена конца 80-х, начала 90-х годов, когда встречался с иностранцами, все в один голос хвалили всё наше молочное. К молочным продуктам можно было взять и выпечку всегда свежую, а бывало и тепленькую или горячую, ведь выпекали тут же, и не из каких-то, полуфабрикатов. Я не говорю уже о мороженом, суфле. Конечно, ассортимент был не тот, что теперь, да и мы были не те, что сегодня и запросы у подавляющего большинства из нас были не сегодняшние. Ну, а возможности, а возможности во все времена у всех людей разные.

Еще об одном заведении питания, хотя их там было множество, хочу упомянуть, ибо без него как говорится в понятии многих поколений москвичей парк не парк. Речь идет о находившемся в конце Центральной аллеи около пруда ресторане «Кавказ», испускавшем на прилегающие территории шашлычный запах. Готовили в ресторане, по словам родителей и брата, отменно, всё было вкусно и хорошо приготовлено. Я бывал там в довоенные годы с родителями и братом, мне понравились там люля-кебаб и сациви и я всегда просил, чтобы мне их заказали ну и конечно виноградный сок. А после войны, в свои офицерские годы я не часто, но бывал там и к названным мною выше блюдам заказывал себе ещё и лобби и конечно же шашлык. Может быть, я ошибаюсь, но мне кажется, что в этом заведении шашлык был только из барашка, причем молодого и освежёванного только утром. И вино, прекрасное, грузинское вино, и коньяк. Даже я, не любитель вина, от бокала «Алазанской долины» или «Цинандали» не отказывался. Ну хватит, сколько можно обеде, тем более, что я то сам вообще мало ем, а тут целую оперу на эту тему написал.

Нескучный сад с Пушкинской набережной. Он начинается сразу же за территорией Зеленого театра, и является как бы продолжением Парка культуры и отдыха им. М. Горького, и официально входит в его состав, но все же это особая территория со своей историей и своими особенностями, да и официально Парк

несколько раз как бы отторгал эту территорию от себя, перекрывая вход из Нескучного сада в парк забором и калиткой с охраной и билетной кассой.

Об истории Нескучного сада я уже говорил, когда рассказывал об Александрийском дворце. Поэтому повторяться не буду, но упомяну, и даже покажу фотографии некоторых строений старины, сохранившихся до наших дней: домика графа Орлова, грота, «ванного домика», малого, среднего и большого мостиков через овраг и Елизаветинского пруда.

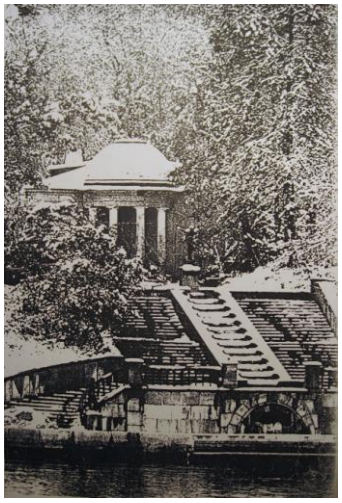
Если мы будем входить в Нескучный сад со стороны Зеленого театра, и пойдем по Прямой аллеи, то наша дорога непременно поведет нас, через один из трех мостиков перекинутых через овраг, это будет малый мостик который наиболее сохранился и ухожен, а повернув свой взгляд на лево мы увидим перекинутые через этот же овраг средний и большой арочный мостики, которые требуют сегодня немедленной реставрации.

Малый мостик 2007 год.

Средний мостик 2007 год.

Большой арочный мостик, 2007 год.

В Нескучный сад, я впервые попал в первую зиму моего проживания на Донской улице, т.е. зимой 1937-1938 года, когда мы с ребятами из дома ходили туда кататься на лыжах или на санках. Там было, где развернуться, катайся на лыжах по аллеям, по двум-трем из них можно было спуститься прямо к Москве-реке, спускайся с горок, прыгай с трамплинов, устроенных самими ребятами. Хочешь покататься с горок, на санках, тоже места хоть отбавляй. Можно пробежать по лыжне проложенной вдоль берега Москва-реки и тогда с одной стороны у тебя будут покрытые снегом склоны горок Нескучного сада, все в деревьях со снежными хлопьями, а с другой стороны закованная в лед и припорошенная снегом река. Здесь в одно из своих катаний я увидел сценку, которую в последствие буду видеть не один раз, а уже в наши дни ее будут даже транслировать по телевидению, речь идет о «морживании». У подножья Нескучного сада есть маленький пруд, на нем стоит упомянутый выше «ванный домик» или как его еще называли «купальный павильон». Некоторые называли это сооружение «домик с ротондой», а другие просто - беседкой. В те мои годы летом в этом домике был устроен ресторан или кафе. На зиму домик закрывали, наглухо забивая все проемы деревянными щитами, Когда летом домик раскрывали, он действительно смотрелся как беседка на берегу пруда.



Вид на «Ванный домик» на Елизаветинском пруд.
Слева 1939 год, справа 2007 год.

В пруду зимой делали прорубь и в ней, не смотря на мороз, купались люди, которых в народе называют «моржи». Я это увидел случайно, когда катался на лыжах вдоль Пушкинской набережной. До этого я ничего подобного не видел, На «моржей» можно было посмотреть и на Москва-реке около окружного моста, Придет время посмотрю на это и там, но, несмотря на все разъяснения, буду еще очень долго удивляться, как это в любой мороз, да в ледяную воду, у меня от одной только мысли об этом, мороз по коже пробегает. Тут я во все годы не герой, правда, после баньки с веничком или сауны, в снег или под ледяную воду, пожалуйста, тут я не пас. Летом в Нескучном саду просто замечательно. Сад утопает в зелени деревьев, кустарников, а у домика графа Орлова большой цветник. Недалеко от домика сохранился и грот.

Бывший «Домик графа Орлова», в то и наше время Библиотека-читальня, 2007 год.

Грот, 2007 год.

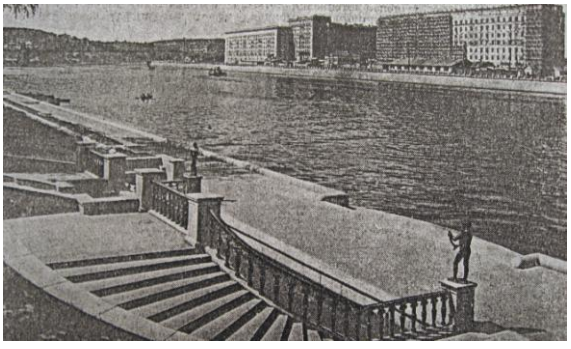
Домик, в котором тогда и теперь находилась библиотека-читальня, и грот сохранились до сегодняшних дней, правда, всё это надо отреставрировать. В саду многим деревьям на то время было уже по сто лет, а сейчас и того более.

Сохранились все мосты через овраг и большой арочный и малый и средний. Мосты сегодня тоже требуют ремонта, особенно средний и большой. Конечно, как говорил отец, не так все ухожено как при царях, всё-таки, это была императорская резиденция, но все равно в саду очень хорошо отдыхать, есть, где спрятаться от зноя, и есть площадки, где можно полежать и позагорать. Можно и в теннис поиграть, и волейбольная площадка есть. А для любителей шахмат под навесом стоят столы. Есть пункт проката, где можно взять мячи, сетку, шахматы и шашки. Любители городков могут заняться выбиванием фигур. Та часть публики, которая предпочитает покой и тишину, может взять на прокат шезлонг, и найти себе место или в тени или на солнышке. А может взять гамак и отправиться на аллею гамаков и качайся там или лежи в гамаке и почитывай книгу, журнал или газету, их можно было взять в библиотеке расположенной в бывшем домике графа Орлова. Мой родители любили полежать в гамаке и посидеть в шезлонге и брали и то и другое ну а если гамака не было, то брали два шезлонга, а в библиотеке что-то из журналов, почитать или как отец говорил, - полистать, ну и я при них. Была иногда, такая форма отдыха в выходные дни, у нашей семьи, если мы никуда не выезжал или я не был на даче или в лагере. В конце Нескучного сада был устроен однодневный дом отдыха пионеров и школьников со всей присущей пионерии атрибутикой: линейками, подъемом и спуском флага, горном, барабаном, знаменем, галстуками и формой. Теперь на этом месте частная конно-спортивная школа. Нескучный сад я облазил, обегал, обошел вдоль и поперек. Нет там ни горки, ни дорожки, ни мостика где бы не ступила моя нога, тогда до войны. Ну. а домики кроме «ванного» и графа Орлова, куда я иногда с родителями заходил как в библиотеку я конечно видел но они были все обнесены заборчиками, закрыты, заколочены. Весной и летом 1944 года, когда я буду заниматься военным обучением допризывников, мы работники Центрального военно-учебного пункта Ленинского райвоенкомата, будем в Нескучном саду проводить занятия по тактической подготовке. Наши подопечные будут штурмовать горки этого сада, учится ползать по пластунски, бегать короткими перебежками и прочие и прочие. Учить всему тому, что требуется от солдата В послевоенные годы, да и в конце 90-х и начале 2000-х, я прохаживался по этим местам, и меня в эти мои похождения встречал в любое время года все тот же заколоченный щитами «ванный домик» и заброшенный пруд. Только летом мальчишки да некоторые взрослые дяди бросают здесь удочки, да зимой в пруду, как и в те далекие годы, делают прорубь-полынью и там моржуются любители. Так вот во время этих прогулок, новость о пруде узнал. Оказывается, нашлись умники и забетонировали дно пруда. Это же надо уметь, для чего и отчего?

Что еще было примечательного в Нескучном саду, о чем я забыл рассказать. Ах, да,- это Пушкинская набережная, она как бы врезалась в существующий откос высокого берега Москва-реки и имеет две дорожки для пешеходов. Одна из них проходит по верхней бровке откоса и тогда носила название «Прямая аллея», не знаю сохранилось ли это название в наши дни, не проверял, правда аллея не такая уж прямая, извилин хватает. Другая дорожка, это собственно сама набережная, проходит она у самой воды. Обе дорожки разделены летом зеленым откосом берега, с деревьями Нескучного сада, ну а зимой он естественно покрыт снегом. Нижняя бровка откоса одета в гранит и в него как бы вдавлены удобные скамейки,

на них можно посидеть, если конечно вам посчастливится и полюбоваться открывающимися видами: реки, железнодорожного моста. Ленинскими горами, Фрунзенской набережной и Крымским мостом. Верхняя и нижняя дорожка в ряде мест соединяются между собою гранитными лестницами. Одна из них расположенная в районе так называемого «ванного домика» на Елизаветинском пруду. Она привлекает наше внимание своей архитектурно-художественной композицией, выполненной как ниспадающий с верхней дорожки на нижнюю, искусственный водопад. В верхней части водопада расположена скульптура «Прыжок в воду», а внизу водопада на балюстраде стояли две скульптуры «Мальчик с рыбкой». Эту композицию с обоих, сторон обрамляли широкие гранитные лестницы, ведущие от Прямой аллеи к Пушкинской набережной. Все это вместе с «ванным домиком» на Елизаветинском пруду, в котором в те довоенные годы был ресторан или кафе очень хорошо смотрелось. Как я уже говорил «ванный домик» давным-давно заброшен, бывшие двери и окна заложены кирпичом, а веранда «ротонда» закрыта и забита деревянными щитами, обе скульптуры «Мальчик с рыбкой» исчезли.

Искусственный водопад. 2007 год.



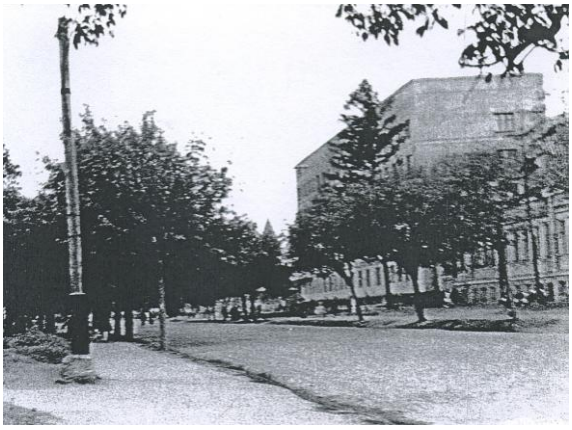
Балюстрада с лестницей у искусственного водопада.
Слева 1939 год, справа 2007 год.

В общем, идут года, десятилетия, а здесь картина не меняется. Из всего старого наследия парка там используется только домик Орлова – под библиотеку-читальню, и еще один домик четыре раза в году телевидение использует для показа «Что? Где? Когда?». Конечно, функционируют мостики, средний и большой требуют реставрации.

Все это я писал давно, а сейчас, когда печатаю на дворе лето 2007 года, и узнал я новость, которая повергла меня в страх. В чем же дело? А дело в том, что господин Никита Михалков, уговорил Лужкова и Путина построить Дворец для проведения ежегодных Московских международных фестивалей в районе Пушкинской набережной. Как вы понимаете, Пушкинская набережная, это Нескучный сад, так что же пойдут в сад и начнут вырубку столетних деревьев? Я так думаю, что этого нельзя допустить. Если только теперь Пушкинская набережная не начинается сразу за Зеленым театром, как это было в прошлые времена, а начинается от въезда в парк со стороны Ленинского проспекта, видимо в районе бывшего розария, ну тогда ещё туда сюда, Хотя и это сильно аукнется этому району. Ну, а если это за Зеленым театром, то этому проекту нужно сказать «ТАБУ»

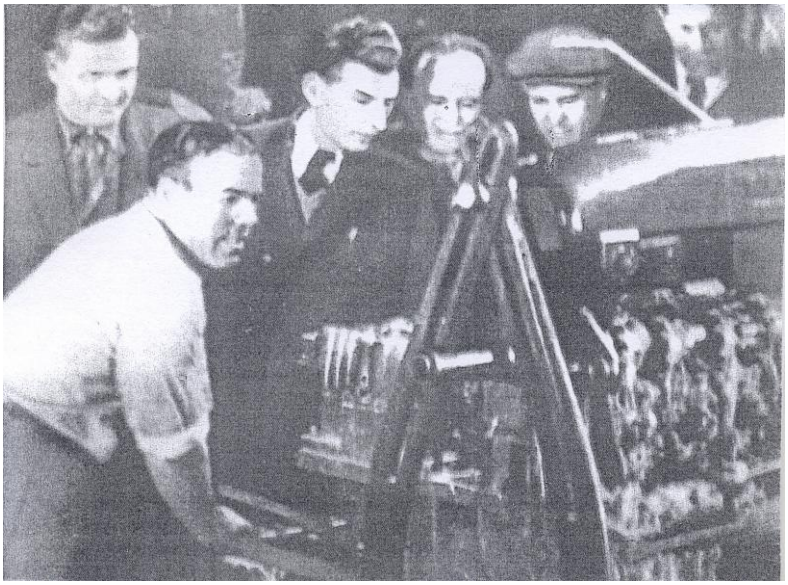
Дом, школа

ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ
ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ
ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ



Дом, в котором жила наша семья в 1937—1961 года.
Слева, 1940 год. Справа, 2007 год.

ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ
ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ
ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ



И.И. Гудов идёт на рекорд, 1935 год.

ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ
ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ
ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ

Здание академии им. М.В. Фрунзе, 2007 год.

Памятник М.В. Фрунзе, напротив академии, 2007 год.

Герой Советского Союза — И.Н. Мошляк, 1938 год.

Командиры Красной Армии рассматривают трофейное оружие, 1938 год.

Дозор пограничников у озера Хасан, 1938 год.

ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ
ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ
ТЕКСТ—ТЕКСТ—ТЕКСТ

Оглавление

Пролог 5

Кудринская округа 7

Площадь Восстания — Кудринская площадь 7
Дом, квартира, чердак, крыша 21
Квартира 24
Новинский бульвар 37
Улица Воровского (бывшая Поварская) 52
Улица Герцена – Большая Никитская улица 70
Школьные дороги 77
Школа № 10 им. Ф. Нансена 80
От Трубниковского переулка до Арбата 83
Арбат 99
Прогулка в район Патриарших Прудов 112
Баррикадная улица. Зоопарк 119
Курбатовский переулок, Большая Грузинская улица 124
Красная Пресня 130
"Донская округа" 136
Донская улица 136
Донской монастырь. 149
Близлежащая округа. 152
Центральный парк культуры и отдыха им М. Горького 177
Дом, школа 209